1 МАЯ

ЮНОСТЬ

5

1963

«...НАША МОЛОДЕЖЬ СОВЕРШИТ ЕЩЕ МНОГО ПРЕКРАСНЫХ ДЕЛ ВО ИМЯ КОММУНИЗМА»

...Молодость — прекрасная пора. Но прекрасна она не только сама по себе, а когда эта молодость, ее революционный энтузиазм направлены на достижение высоких целей и идеалов. Комсомол — верный помощник и надежный резерв нашей партии. Советская молодежь растет достойной своих отцов и матерей...

...Наша молодежь свершает замечательные дела. Поезжайте в Братск на Ангару или на строительство Красноярской гидроэлектростанции на Енисее...

Поезжайте в самую глухомань, туда, где мы закладываем будущие заводы. Кто первый туда пришел, кто первый кол забил там, кто в палатке ночевал при 40-градусном морозе! Это наша славная советская молодежь, это комсомольцы!..

Когда у нас не хватило угля в Донбассе, это было лет семь-восемь тому назад, у нас создались некоторые затруднения с обеспечением топливом. Мы тогда разработали план и сказали украинским товарищам — бросьте клич молодежи, комсомолу. Пусть комсомол возьмет шефство над строительством шахт. И комсомол взялся за это дело со всей энергией. Когда я при встрече с одним уважаемым товарищем из социалистической страны сообщил ему о том, что за короткий срок мы построили десятки шахт, он сказал мне:

— Товарищ Хрущев, это невозможно.

Я ответил: верно, при обычном способе строительства это невозможно, а когда за дело берется молодежь, комсомол и трудится ударно, это возможно...

...А как замечательно трудилась молодежь на освоении целинных земель, товарищи! Я был в районах Сибири и Казахстана, когда только начали прокладывать первые борозды на целине. Кругом неоглядная степь и только палатки, в которых расположились отряды молодых патриотов.

Когда была впервые выдвинута задача освоения целины, кое-кто не верил в реальность этого дела. Скептики спрашивали: как это так! Сначала надо дома построить, а потом уж целину поднимать, говорили они. Так если сначала дома строить, то не на один год хватит, а когда же пахать! Было решено обратиться с призывом к нашей молодежи, она поедет и будет распахивать целину и дома строить.

Когда воевали, разве в домах жили солдаты! Они жили даже не в палатках, в палатках редко доводилось располагаться, а чаще приходилось спать на сырой, мерзлой земле, на своей шинели и под своей шинелью.

Мы решили тогда: дадим молодежи тракторы, и пусть она на тракторы смотрит, как солдаты смотрели на танки, дадим утепленные палатки, и она будет осваивать целину и дома для себя строить.

Всюду, где появляется человек труда, он творит чудеса...

...Конечно, в среде молодежи имеются и хулиганы, и лодыри, и преступники даже. Но не по ним надо судить о нашей молодежи. Если человек будет читать только сводки уголовного розыска, он может на весь мир смотреть, как на преступников и бандитов.

На жизнь надо смотреть шире, видеть всю картину труда и борьбы народа. В народе огромное большинство — это замечательные люди, это подлинные герои.

Советская молодежь, комсомол воспитываются на славных революционных и трудовых традициях нашего народа, они активно борются за коммунизм.

Не раз мы критиковали тех хозяйственных руководителей, которые кричат, что у них не хватает рабочей силы и поэтому не выполняется план. Мы говорим, назовите любой участок, куда надо рабочих, и если это действительно важное дело, Центральный Комитет бросит клич к молодежи: там прорыв, столько-то надо, и на каждое место будет 10 записавшихся добровольцев... Мы это не раз проверили в жизни...

...Наша партия, наш народ гордятся своим молодым поколением. Они знают, что дети партии и народа, комсомольцы, молодежь, идут дорогой отцов! Хорошо поется в нашей песне: «Молодым везде у нас дорога»! Мы уверены, что наша молодежь совершит еще много прекрасных дел во имя коммунизма...

...Славная советская молодежь, взращенная и воспитанная на героических традициях своих дедов и отцов, вместе с ними, в одном строю идет дорогой коммунизма...

У нас не было и нет никаких противоречий между молодым и старшим поколениями. Да и что считать молодым или старым! По нашему мнению, молод тот, кто стоит на позициях самых передовых идей вечно молодого, жизнеутверждающего марксистско-ленинского учения...

Из речи товарища Н. С. ХРУЩЕВА на совещании работников промышленности и строительства РСФСР 24 апреля 1963 года.

Виталий Коржиков

МОРЯМИ ДАЛЬНИМИ

Виталий Коржиков недавно совершил кругосветное плавание, работая матросом на одном из судов нашего торгового флота. Он побывал в Панамском канале, на Кубе, в Сингапуре, Гибралтаре, Индонезии, Японии, Китае.

Мы публикуем некоторые стихи, привезенные поэтом из этого плавания.

Мексиканка

Был май. Мы шли за океан.
На песню день настраивал.
К трубе прилипнув, как баклан,
Я крепко герб надраивал.

Я драил весело, легко,
И, отливая золотом,
Наш Серп светился далеко
Над раскаленным Молотом.

Омыто солью и росой,
Вставало солнце зорнее,
А слева знойной полосой
Синела Калифорния.

Синела в мареве огней
С обветренными скалами,
И пальмы медленно над ней
Махали опахалами.

Я то съезжал, то выше лез.
Вдруг разглядел за делом я:
Оттуда, нам наперерез,
Несется шхунка белая.

Спешила девочкой на бал,
Качаясь и вальсируя,
И легкий вал у ног вставал,
Рыбешками трассируя.

Она светлела и росла,
Как восходя по ярусам,
Пока совсем не расцвела
Просторным белым парусом.

Смуглела, белая, с боков,
Встав на волнах пружинистых,
От мексиканских рыбаков,
Коричневых и жилистых.

Теснился к нам рабочий люд.
А бой, поклон отвесив нам,
Кричал: «Совьетикос, салют!» —
Сомбреро вскинув весело.

Я драил герб до звона жил,
До солнечного жжения,
И парень вдруг из рук сложил
Его изображение.

Был май. Плескалась жарко даль,
Меняла очертания,
Спеша на майский фестиваль
Матросского братания.

Но вот из кубрика на круг,
На трап, циновкой застланный,
Прошел раскормленный битюг,
Нахмуренный и заспанный.

Подлобной желчью налитой,
Он взглядом всех захватывал,
Как будто косу на ладонь
Хозяйственно наматывал.

И парню, выкрикнув сычом,
Обросший мхом, как статуя,
Он лапу вскинул на плечо
Густую, волосатую.

И, разворачивая ход,
Как будто оробелая,
По темноте примолкших вод
Шла мексиканка белая.

Шла подневольно, как в плену,
И, сколько мы ни видели,
Все привставала на волну,
Оглядываясь издали.

Я драил герб, сбивая злость,
Напористей, упорнее,
Чтоб к ним сияние лилось
До самой Калифорнии!

И там, где шар багряный рдел,
В проеме волн раздвинутых,
Я над кормою разглядел
Волну сомбреро вскинутых.

О время! Где бы я ни жил,
Мой день — мое сражение.
Я драю герб до звона жил,
До солнечного жжения.

Никто земли не окует
Ни подлостью, ни золотом.
Я видел землю,
Мир встает
Под Серп с рабочим Молотом!

Сквозь Панаму

Над палубой белая свежесть навеса,
Над палубой запахи русского леса.
Мы — Русь.
Мы пропахли морозом, пимами.
Нас тянут
сквозь тонкое тело
Панамы.

Плывет забытье по бананам, кокосам.
Жарища.
Панама лежит под наркозом.
Машины вокруг, как в стерильной
парильне,
Здесь люди стоят
молчаливо стерильны.

И в белых перчатках надменные руки
Нас тянут, как тянут пинцетом
хирурги.
Их лица за нами следят,
как радары.
И пальмы в испарине, как санитары.
Здесь свет, как в палате, тревожен
и колок.
Нас тянут,
как тянут сквозь череп осколок,
Сквозь тело Америки, зло и надменно,
Нас тянут,
как тянут иголку сквозь вены!

Идет операция! Грудясь под тенты,
С холодным вниманьем следят
ассистенты,
Чтоб мы не вонзились
«Авророю» в берег,
Чтоб мы не застряли в мозгу
у Америк!
Как будто сдержать нас кому-то
по силе:
В мозгу у эпохи засела Россия!
И бредит Панама в наркозе, в угаре:
— Счастливо, Россия! Буэно,
Гагарин!

Бизнес

Вся в неоне ночь в Панаме,
Южный Крест на пальмах пышет.
Черная вода под нами
Катер с неграми колышет.

Каблуком стуча по баку,
В такт рукою черной машет,
В кулаке зажав рубаху,
Черный парень чачу пляшет.

Черный торс играет гибко,
Под каблук течет усталость!
Как банан, пухла улыбка:
Парню кое-что досталось!

Негры судно снаряжали,
Так, что плечи в спину вмяты,
Негры честно выгружали
Вина, яблоки, томаты.

Выгружали, как сражались,
Белым людям столько пищи!
И случайно залежались
Пять картофелин на днище...
Пляшет Джим, курясь от ласки,
К борту плечи наклоняет:
Там, по днищу, в легкой пляске
Пять картофелин гоняет.
Пять картошек в шкуре грязной...
Славься, старая корзина!

О Америка! Отпразднуй,
Раздели веселье сына!

Повезло однажды в жизни
Одному из черной тыщи:
У него счастливый бизнес —
Пять картофелин на днище.

Панамский канал.

Новый Гулливер

В Карибском море —
словно душный кубрик.
С времен Колумба воздух осовел:
Скопление
ржавеющих республик,
Как лежбище
забытых каравелл.
Здесь осторожно рацию включите,
И весь эфир переполняет крик:
Фиделя проклинают из Гаити
И карлики из всяких Коста-Рик.
И тянут
клеветы гнилые путы:
Так, поднимая комариный вой,
На Гулливера
лезли лилипуты,
В его подметки
тычась головой.
Но что ему
возливость тараканья!
Фидель себе и пашет, и кует,
Несет ружье, с размаху рубит каньо
И по-крестьянски
утирает пот.

Пускай они себе бубнят крикливо —
А речь его
призывна и тверда.
В глаза кому-то лезет
за проливом
Развеянная ветром борода.
Его идеи
крепче их тарана,
И мужеством кипящие слова
Воинственно раскачивают страны,
Как океан
штурмует острова.
Еще пахнет порою старой гнилью,
Но тронулись Латинские моря.
Пусть всякие
трухлявые трухильо
Цепляются еще за якоря.
Но, паруса отдав
большим идеям,
Вперед, к открытью радостной земли,
Республики
стремятся за Фиделем,
Как шли за Гулливером корабли!

Гавана.

✲

Полдень женского парада!
Задыхаюсь! Взгляд горит!
День и ночь плывут по Прадо
Стаи жгучих сеньорит.

Как фламинго, выплывают
Гордо груди. И — нет-нет —
Каблучками отбивают
Марш — почище кастаньет.

Век не тот! А то б на деле
Я б, наверное, за вас
Сотню б умер на дуэли
И воскрес бы сотню раз!

Век не тот. Но все же, право,
Враг еще вооружен.
Если мутная орава
Вновь полезет на рожон,

Я силен еще покуда —
Я сумею, постою
За одну сеньору, Куба,
За одну подругу, Куба,
Революцию твою!

Гибралтар

Испания. Бар. Гитары.
Домишки — как муллы в гору.
Шагаю по Гибралтару,
Покуриваю «Аврору».

На голову льются лавры,
По замкам текут легенды.
Таинственные, как мавры,
В проулках снуют агенты.

От дряхлости порыжело,
Но все по-британски гордо,
Мортиры задрали жерла,
Надменные, будто лорды.

И, встав в боевом порядке,
Меня оценив до нитки,
Как модные тунеядки,
Позевывают зенитки.

За мной — как быки из хлева —
Из бара следит орава:
То двадцать голов налево,
То сорок зрачков направо.

И в крепость преобразуясь —
Хоть пушки в него монтируй! —
Сам бармен, как в амбразуру,
Глядит на меня мортирой.

И каждый, как по приказу,
Увесисто и бывало
Мне в спину с ухмылкой фразу
Сует, как фитиль к запалу.

Эх, взять бы их всех за ворот
Да вытряхнуть этот ворох!
Но все-таки в разговорах
Я прячу подальше порох.

И все-таки в разговорах
Я чувствую: суть за нами!
Я прячу подальше порох,
Но знаю — повыше знамя!

Наш человек в Гаване

Взгляд у Гаваны острый,
Голос, что у Карузо.
Вмиг в суматохе пестрой
Куба отметит: «Руссо!»
Волос у руссо русый,
Руссо встает пораньше.
Стала давно у руссо
Кожа темней оранжа.
Локти у руссо в пакле,
С трактором он, как с сыном,
Руки его пропахли
Красками и бензином.
Русский с кубано сжился,
Братство делить умея.
Крепко он подружился
С солнцем Камагуэя!
Кубе еще вновинку
Многие вещи эти:
Даже с утра в доминго [1]
Русский берет мачете!
Крепкая в русском сила,
Рубит он без привала.
Волга его поила
И Кулунда ковала.
И, позабыв работу,
Смотрят, открыв дебаты,
Как до седьмого пота
Вкалывают ребята!
А вечерком к мучача [2]
Руссо придет с баяном.
Пляшет легко пачангу
Куба под фрамбойаном,
Машут вокруг кубанос
Русскому на гулянье,
И говорит Гавана:
— Наш человек в Гаване!

---

[1] Доминго — воскресенье.
[2] Мучача — девушка.

Юлиан СЕМЕНОВ

Товарищ по палатке

Рисунки К. Сапегина.

«НАПОЛЕОН» НА ЛОПАТЕ

Палатка стоит на берегу Казыра. В ночи река кажется белой, словно подсвеченной изнутри таинственным и злым светом. Казыр быстро и невнятно болтает о чем-то с обкатанной прибрежной галькой. Под утро, когда тьма сгущается еще больше, от воды начинает подниматься туман. Сначала он дрожит над рекой, а потом делается из легкого, зыбкого густым и уходит в небо, становясь облаком. Это тяжелое облако поначалу висит над палаткой, а потом, растянувшись Млечным Путем, уплывает на восток, к горам.

В шесть часов надсадно, как бормашина, трещит будильник. Палатка просыпается. По-прежнему темно, но Рыбкину кажется, что он видит, как будильник трясется на своих коротких ножках. Рыбкин долго шарит рукой по столику, прежде чем находит будильник. На ощупь он такой же холодный, как и пронзительный его трезвон. Рыбкин усмиряет будильник, и снова воцаряется глухая тишина. Рыбкин чувствует, что сейчас он снова заснет. Он говорит себе: «Еще только пять минут... Только пять...» Так он говорит себе несколько раз, а потом, когда глаза начинают слипаться, ногой срывает с себя одеяло, чувствует холод, вскакивает и кричит — длинно, как кавалерийскую команду:

— Подъем!

Палатка молчит, хотя ясно, что все уже проснулись.

Рыбкин беспорядочно машет руками, чтобы согреться, ощупью находит полотенце, мыло и зубную щетку. Так же ощупью включает батарейный приемник и бежит к выходу. Вдогонку ему несется далекий голос Левитана: «На этом мы заканчиваем передачи по первой программе. Спокойной ночи, товарищи!..»

●

Вода обжигает тело, и Рыбкину кажется, что минуту перед этим ему совсем и не холодно было, а, наоборот, жарко. Сейчас холод сводит тело, режет, душит, жжет. Рыбкин визгливо кричит:

— Тону!

Река похохатывает в ответ, а горы насмешливо аукаются разными голосами — то низкими и далекими, то высокими и потому совсем близкими.

— У-а-а! — резвится Рыбкин.— Шо! Хорошо-шо!

— Агитируешь? — лязгая зубами, говорит из темноты, откуда-то с берега, тракторист Арсен.

— Святая правда,— гогочет Рыбкин,— не вода — Ташкент!

— А чего ж трясешься сам-то?

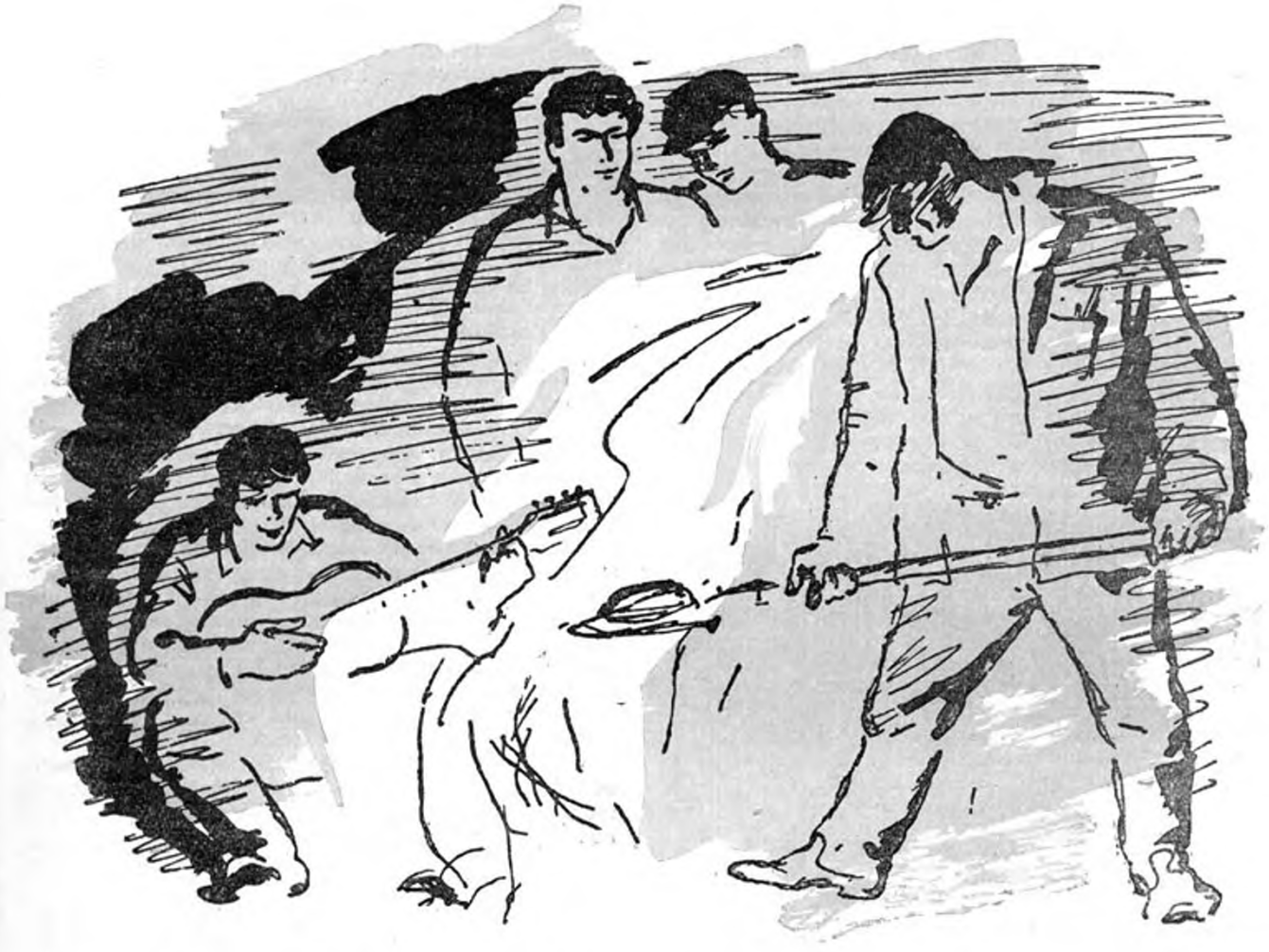
— От счастья.

— Га,— резюмирует Арсен и плюхается в воду. Брызги заливают лицо Рыбкину. Сейчас уже брызги кажутся ему мягкими и теплыми.

Рассветает здесь сразу, будто по команде «подъем!». Командуют откуда-то из-за гор, по все-

Из цикла рассказов

р и щ и



му — близко. Потому что рассвет приходит именно оттуда. Сначала светлеет узенькая полоска неба. Потом эта полоска начинает накаляться, делается желтой, синей, красной, а потом белеет, белеет, еще больше белеет, и вдруг — толчками, будто мать подбрасывает на ладони ребенка,— выглядывает узенькая горбушка солнца. А потом оно, огромное и торжественное, поднимается из-за гор, и все вокруг становится пронзительно-чистым и радостным, как в апреле, когда радостно просто оттого, что апрель. А сейчас не апрель. Сентябрь сейчас.

●

На просеку, по которой пройдут рельсы Абакан — Тайшета, едут в машине. По дороге еще надо успеть в столовую. Пильщик Шурка, скрючившись, чтобы не так продирал ветер, говорит Рыбкину:

— Бригадир, рубать чего будем?

— Устриц в томате,— отвечает Рыбкин,— и омаров на постном масле.

Арсен бурчит:

— А картошка будет? На подсолнечном?

Столовая — в трех километрах от палатки, в семи — от таежного просека. Еда в столовой неважная. Пока шефом был старичок партизан с деревяшкой вместо левой ноги, хорошо было. А потом деда погнали как неквалифицированного специалиста, а вместо него квалифицированного из города прислали. Ну и пошло! Пишет в меню «хариус», а сам дает окуня. А хариус жирный, что твоя свинья, его сразу определишь. Новый шеф вчера на ребят рассердился.

— Тоже мне, понаехали комсомольцы-добровольцы!— сказал он.— Вы хариуса в жизни не пробовали, а еще орете: «окунь»! У окуня по телу развод оранжевый, а тут с поволокой!

— Нет на тебя Рабкрина,— сказал Рыбкин.— Вон себе какую тут рожу нагулял, поволока!

Что такое «Рабкрин», шеф не знал, но первая половина слова его насторожила. Он решил, что «Рабкрин» — это вроде «рабкора», и поэтому стал брать «на горло».

— Тоже грамотный! — закричал он. — Шесть классов имеем! Газета, разоблачу! Окунь! А за клевету привлеку, не погляжу на Рабкрин!

— Ясно,— сказал Арсен,— насекомое по кличке гнида.

Шеф этого разговора не простил. Когда остановились около столовой, на двери висела табличка: «В связи с ремонтом печи столовая работать не будет».

— На заре ты его не буди,— хмыкнул Шурка.

— Нам картошки сегодня не будет...— сказал Арсен гордо, потому что ему показалось, что сказал он в рифму.

— А. Блок,— сказал Рыбкин.— Белый стих и другие рассказы. Надо тебе, Арсен, на поэта подучиться.

— Разбежался,— ответил Арсен,— догоняй!

Ребята в машине молчали и хмурились. Одна была надежда — согреться борщом и чаем. Работать голодным — не та затея.

— Да-а,— протянул кто-то,— вот-те бабушка и Юрьев день...

— Забота о человеке...

Рыбкин сел в кузов и сказал:

— Короче!

Стукнул кулаком по холодной кабине и попросил шофера:

— Валяй на просек.

— Бригадир, а может, подожжем столовку-то?— спросил Шурка.

— На обратном пути,— ответил Рыбкин,— только спички не подмочи с натуги.

— Столовка закрыта.

— Надо было открыть.

— Печь там ремонтируют.

— Врут. Шеф, видно, водки нажрался и теперь отсыпается.

— Сволочь, а люди страдают... да и производительность будет низкая...

— Что?!— удивился прораб.

— Производительность, говорю,— пояснил Рыбкин,— труда производительность. Кишка на кишку протокол строчит.

— А бумага откуда? — усмехнулся прораб.— С бумагой сейчас туго, а ты — протокол. Ладно. Начинайте на голодный желудок. Я через час вернусь.

Ровно через час он привез котел, картошку, мясных консервов и хлеба. Скулы у него были сведены резкими желваками, а губы поджаты зло и тонко. Дюма-отец мог бы еще написать, что по лицу его «время от времени пробегала гримаса презрительного гнева».

Еще через час бригада Рыбкина позавтракала. Арсен сказал:

— Га...

Шурка развил эту мысль так:

— Шик-модерн. Жить можно.

А тракторист Темочка подвел итог:

— Забота о человеке соблюдена. Теперь только пирожного в тайжище не хватает.

— Какое любишь? — спросил прораб.

— «Наполеон». С заварным кремом.

На просеке уже работали все девять бригад прораба. Захлебно урчали бульдозеры, выворачивая пни, мелко чихая, пыхтели трелевочные тракторы, оттягивая с просеки пахучие туши срубленных деревьев, трещали белые костры, пожиравшие лохматые ветки. От костров в небо уходил синий дрожащий дым. Иногда костры выстреливали красными быстрыми искрами, и со стороны казалось, что это как во время плавки стали в кинохронике «Новости дня».

— Прораб,— сказал Рыбкин,— люди голодны.

— Плохо.

— То-то и оно.

— Почему не покормил?

Сентябрьское солнце бывает здесь теплым только в середине дня, да и то совсем недолго — час, два. Солнце погасило костры, сделав огонь невидимым в отвесных балках желтых лучей, которые пронизали тайгу невесомо, но властно. Воздух был наполнен грохотом работы.

Ребята стали чумазыми. Они разделись по пояс, их спины и руки казались намазанными ореховым маслом.

На черных лицах по-негритянски блестели влажные белки глаз. Движения ребят были соподчинены мощному грохоту работы и потому казались ритмичными, как танец кордебалета. Огромные деревья падали навзничь. Это было нереально, как падение эксцентрика в цирке.

Просек, по которому должны пройти рельсы, врезался в горы — ровный и спокойный, будто решенная теорема. Уже прошли двенадцать километров. Осталось пройти шестьсот два с половиной.

Вечером ребята, как обычно, сидели у костра. Река неслась мимо них мощно и глухо — не верхним слоем, не мелкой рябью, а целиком, будто сцепленная всеми своими атомами воедино. Тракторист Темочка играл на гитаре «И помнит мир спасенный, мир вечный, мир живой...». Бригадир Рыбкин играл с Арсеном в шахматы. Шурка, читая фадеевский «Разгром», быстро грыз ногти. Два пильщика из Вологды гладили брюки возле палатки, освещая самодельный стол карманными фонариками. Громадные утюги, взятые напрокат в селении,

казались в их руках старыми дредноутами. Завтра суббота — в клубе будут танцы. А потом — кино. А после — ночь, сумасшедшая таежная ночь, река, леса вокруг и далекая песня, которую крутят наверху, у тоннельщиков, на третьем километре, через динамик.

— Между прочим,— крикнул кто-то из палатки,— был такой учебник Рыбкина по математике. Это не твой родич, бригадир?

— Свекор,— ответил Рыбкин задумчиво.

— Врешь!— протянул изумленный голос.

— Вру,— согласился Рыбкин и объявил Арсену шах.

Потом приехал прораб. Он сел к костру и положил рядом с собой платок, завязанный по-деревенски узелком, и новую лопату, тускло блестевшую, как клинок, потому что краска с нее была аккуратно соскоблена.

— Кто здесь хотел «наполеона»?— спросил прораб.

Темочка ответил:

— Я.— И отложил гитару.

— Сейчас тебе будет «наполеон»,— сказал прораб и подмигнул парню.

Глаза у прораба зеленые, неулыбчивые, кошачьи глаза. И такие же круглые. И почти без ресниц.

Он развернул узелок. Там лежало тесто, густое, вроде замазки, кусок масла и консервная банка из-под килек с самодельным кремом. Прораб сделал его по рецепту «Книги о вкусной и здоровой пище» из трех яиц, сахара и масла. Книгу он выпросил на полчаса у библиотекарши, потому что она ее на дом не давала, считая литературой уникальной.

На столе, где пильщики гладили брюки, прорабострогал рубанком несколько досок до зеркального блеска и, порезав тесто финкой, раскатал его на тоненькие листочки.

Бригада столпилась вокруг прораба. Пильщики светили ему карманными фонариками. Рыбкин курил быстрыми затяжками и улыбался.

Кончив раскатывать тесто, прораб намазал лопату маслом, положил на нее первый листок теста, полил кремом, положил второй листок и тоже полил кремом, положил третий и снова полил кремом. Потом он взял лопату за черенок и пошел с ней к огню. Широко расставив ноги, прораб остановился у костра, а лопату опустил в пламя, но не на угли, а в самый жар, в белый, каленый цвет. Зашипело растаявшее масло, и костер взметнулся ввысь, будто ошпаренный.

— Чай есть? — спросил прораб, глядя в огонь.

— Есть,— единым выдохом ответили ребята.

— А сахар?

— Есть.

— Разливайте по кружкам, сейчас будет все готово,— сказал он и опустил лопату еще ниже.

С порогов пришел моторист Колька. Он каждый вечер ловил рыбу, но ни разу за всю неделю ничего не поймал. Лицо у него было в маске против москитов. Такие маски здесь носят ранним летом от мошки. Но Кольке очень хотелось походить в ней сейчас, чтобы почувствовать себя истинным таежником. Прораб глянул на него и сказал:

— Я раз с племянником в магазин пошел, игрушку ему купить. А он на дамочку одну мне показывает пальцем и спрашивает: «А что, тетенька кусается?» Я удивился. А он пояснил: «Так она ж в намордник». А у нее это вуалетка была, вроде как москитная маска.

Ребята рассмеялись, а Колька сказал с отсутствующим видом:

— На порогах холодно, а она теплая...

●

Каждый съел по крохотному куску «наполеона». От него несло гарью, и на зубах отчаянно скрипело. Крем тянулся, как вар, и застревал в зубах. Тесто обуглилось, потому что все масло стекло в костер, капая быстрыми черными каплями.

— Это вместо медвежьего мяса,— сказал прораб, протянув к огню длинные ноги в рваных брезентовых сапогах.— Кстати, столовка завтра будет работать с шести. И там будут хариусы.

Он смотрел в костер зелеными глазами неотрывно и бездумно. Ночь обступила ребят, как стража. Река неслась рядом, стремительно и едино. Где-то далеко у болот кричала выпь. Небо выгнулось черным полотном, прошитым белой строчкой Млечного Пути.

«ГОЛУБЫЕ ГОРОДА»

Дом был старый, рубленный крепко и надолго. Бревна большие, до сих пор хранящие в себе пьяные запахи летней тайги. Пакля перевитая, белая, будто на старом паруснике. В красном углу висели иконы — без серебра, в кедровой рамке. Лики святых были строгие, и византийские длинные глаза смотрели пристально.

Здесь, под образами, на двух сдвинутых одна к другой кедровых лавках, жил прораб. После трех лет, когда мы расстались на разъезде Балыску, который он построил за месяц, я разыскал его снова в самом глухом углу тайги, на берегу Казыра, в стороне от жилья. Он стиснул мою руку своей, жестяной и шершавой.

— Садись,— сказал он,— сейчас напою чаем.

Мы сидели под образами и пили чай, настоянный на сухой малине. Жар разливался по телу, густо тяжелил ноги, у висков проступала испарина.

— Все воюешь? — спросил я его

— Воюю.

— Долго что-то...

— Тише едешь, дело мастера боится.

Этот парень с лицом мясистым и грубым, с громадными плечами и короткой шеей борца был одержим идеей. Она жила в нем так же неистово, как у солдата из светловской «Гренады». Он, мой прораб, мечтал о «голубых городах».

В первую нашу встречу мы сидели в холодном бараке, в тайге, а вокруг нас была колючая проволока в три ряда, но она уже не пугала, потому что лагеря не было и все его обитатели давно разъехались по домам. Мы топили «буржуйку», прораб смотрел на приехавших сюда с путевками МК пареньков, которые сейчас спали, укрывшись рваными тулупами, оставшимися здесь от стражи. Прораб тогда говорил:

— Помнишь, у Толстого? Голубые города. Бред солдата-архитектора, липкая обжорливость нэпа, красные провода, несущие в себе жужжание ультиматумов, проклятое спокойствие насытившихся обывателей. Помнишь? А он мечтал о голубых городах на берегах рек, он мечтал о стеклянных улицах и надмирных алюминиевых домах. Но для этого тогда ему нужен был пожар, чтобы спалить старые домишки и охотнорядческие улицы. Это было, когда килограмм хлеба стоил миллионы, а сыпняк валил людей прямо на полы российских вокзалов. А потом стали строить города с ростральными колоннами и с карнизами, на которых лепили цементное изобилие. Мне по душе Корбюзье. Он по духу космонавт, он хотел приподнять здания, он хотел нарушить закон заземления.

— Ты строитель,— говорил я ему тогда,— ты же обязан быть реалистом, а сам проповедуешь, как чревовещатель в цирке.

— Про цирк молчи. Вы все думаете, что цирк — это тюлени и Кио. А цирк — это арена. Для цирка Гомер писал.

— Гомер писал для себя.

— Для себя моя племянница пишет, она только пять букв знает. А вот ты мне можешь объяснить, зачем сюда, в тайгу, завозить сборные дома, когда лес на просеках без толку лежит? Почему не строить здесь коттеджи — двухэтажные, красивые, вписанные в красоту тайги? Почему надо возить сюда уроды-шкафы из Москвы, а не сделать в коттеджах стеллажи из кедра или пихты? Ты мне можешь это объяснить?

— Не могу.

— Можешь. Просто тебе лень. Все наши неурядицы от лени. Я хочу, чтобы здесь, рядом с рельсами, выросли голубые города, понимаешь ты? Мне не нужен алюминий и стекло. Мне нужен лес, а он тут есть. Даровой. Я хочу сделать здесь поселки из розового кедра, я хочу обставить дома мебелью, сделанной здесь же, за верстаками. Я хочу, чтобы было все красиво, понимаешь?

Он вышел на крыльцо и поманил меня пальцем. Я стал рядом с ним. Природа была прекрасна и сдержанна. Осязаемая тишина лежала вокруг нас. Сторожевые будки покосились, и если налетал ветер, они скрипели, как мачты затонувшего корабля. По нафталинному насту снега петляли пьяные следы хитрого зайца. Луна светила хорошо поставленным театральным светом, делая тайгу нереальной и декоративной, как задник в театре.

— Я понимаю художника,— задумчиво сказал прораб,— он любит работать на чистом холсте. Вот мой холст,— он кивнул на тайгу,— и я обещаю тебе сделать здесь неплохую картину, как бы мне ни пришлось воевать за это.

И вот мы сидим и пьем чай, настоянный на малине, а позади три года — громадные и одновременно короткие, как память.

— Ну,— говорю я,— где голубые города?

— Протри глаза,— посоветовал прораб.

— Думаешь, тогда увижу?

— Увидишь.

Он открыл свой чемодан, помятый, словно лицо пьяницы, и разложил на столе грохочущие листы ватмана. Я увидел дома будущего таежного поселка. Окна были громадны и разнообразны, как в здании «Известий». Столовая была похожа на салун в Клондайке. Танцверанда была вынесена к реке — пронзительно синей, как небо у Сарьяна. Дома были вписаны в тайгу, дорога бережно петляла среди пихт, и только высоко вверху, по-над сопками шли рельсы, безжалостно разметая все на своем пути. Станция была тоже новой, простой и полукруглой, подсвеченной неоном.

— Красиво,— сказал я,— только это не голубой город. Он, скорее, розовый, как и всякая фантазия.

— Смотри ниже,— предложил прораб,— вот что здесь самое красивое. Видишь? Подпись. Это уже не мечта. Это директива.

Потное мясистое лицо его расплылось в улыбке. Круглые зеленые глаза смеялись. Большие руки мечтателя лежали на кедровом столе. Они пахли у него смолой, как у художника красками.

— Если хочешь, можешь завтра поехать с нами на седьмой километр.

— А что?

— Ничего,— ответил он, сдерживая улыбку победителя,— просто мы там закладываем этот город.

Мы пробирались через тайгу, вышагивая топкие километры следом за трактором. Мы пели солдатские песни и сушили портянки, опуская их в огонь, чтобы скорее идти дальше. Тайга была безмолвна. Мы шли за прорабом, растянувшись в цепочку. Он привел нас на пригорок, сбросил рюкзак в синий мох и срубил длинную осинку.

— Очисть ее от веток,— попросил он Рыбкина.

Пока Рыбкин срезал здоровым тесаком ветки, прораб вынул из рюкзака фанерку, на которой чернильным карандашом было написано:

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОЛУБОЙ ГОРОД».

Потом прораб прибил к осине эту фанерную дощечку, а осину вкопал в жирную, рыжую землю.

— Вот так,— сказал он,— и не иначе.

И засмеялся. И ребята засмеялись. И тайга отозвалась им, как зрительный зал, который приветствует автора.

Когда мы шли обратно, прораб отстал. Я шел с ним рядом. Лоб его собрался морщинами, а круглые глаза спрятались под бровями.

— Слушай,— сказал он,— если победителей не судят, то я выскочу.

— О чем ты?

— О том, что историю с подписями на проектах я выдумал.

— Это плохо.

— Зато дело хорошее. Теперь у ребят есть здесь Голубой город!.. А знаешь, может быть, он и верно будет голубой...

ВЕЧЕР. НОЧЬ. УТРО

Они переправились через реку на двух лошадях и поставили свою палатку рядом с жильем ребят. Их было трое: старик Коленька, работавший с геологами уже тридцать лет, и две девушки: его начальницы Оля и Аня.

Коля был философ. Когда его начальницы, обуреваемые жаждой открытий, торопились пройти как можно больше за день, Коленька поучал:

— Девочки, все — суета сует. В газете и про магазин новый и про смерть одним шрифтом печатают.

Еще он говорил:

— Мы у природы в гостях живем, ей поклоняться надо, а вы все молотками по ей стучите, богатств ищете. Лично я в богатствах не нуждаюсь. Лично у меня аккредитив.

Оля тогда засмеялась и сказала:

— А говорите, богатства не надо...

— Да рази аккредитив — богатство? Это, барышня, резерв, а не богатство.

И зашелся мелким смехом, будто часто икал.

Вообще на своих начальниц Коленька покрикивал, если они что не так делали. А делать им и сейчас было что: распрячь лошадей, разжечь костер и сделать обед, перед тем как лечь спать,— переход сегодня был трудный, идти пришлось по осыпям, лошади скользили и испуганно драли морды к небу, и плоские камни летели из-под копыт в гулкие, как эхо, ущелья.

В палатке у ребят дневалил Арсен, потому что все ушли в деревню смотреть кино. Здесь по воскресеньям кино показывали три раза: утром, днем и вечером. Ребята смотрели кино два раза: утром и днем, а вечером решили не смотреть, чтобы потанцевать в клубе. Арсену выпал жребий дневалить. Он сказал:

— Га, собаки.— И снял белую рубаху с галстуком, завязанным года три тому назад маленьким, с ноготок узелком.

Первые два часа он удил рыбу, потом три часа спал, а потом вытащил из палатки свою раскладушку, поставил ее у реки и начал читать «Графа Монте-Кристо».

Когда он увидел двух девушек в ковбойках, которые ехали верхом на лошадях через реку, Арсен быстро поднялся и ушел в палатку. Он вернулся оттуда в белой рубашке с галстуком и снова лег на раскладушку, гордый, как визирь. Раза три он громко кашлял, чтобы привлечь внимание соседей, но ветер был встречный, и они его кашля не слыхали.

Арсен долго думал, как бы подойти к соседям, но как это сделать, он не знал. Как большинство крупных и сильных людей, он был мучительно застенчив.

«Надо рыбу поудить,— решил он тоскливо,— заинтересуются».

Арсен снова ушел в палатку, снял белую рубашку с галстуком и, взяв спиннинг, пошел на каменную гряду, воткнувшуюся в реку, словно рапира. Он шел в майке, брюки были закатаны до колен, а громадные его ноги вышагивали плоско, как лопаты.

Пока он удил рыбу, девушки пообедали и залезли в палатку. Старик, который был с ними, бросил под себя кошму и лег у входа в палатку, как сторож.

«Вот дубина!— сказал про себя Арсен.— Нет во мне настоящей игры жизни. Тюфяк тюфяком».

Он понял, что рыбу все равно не поймает, вернулся в палатку, переоделся в белую рубашку с галстуком и, взяв ружье, с отчаяния выстрелил два раза в небо.

Старик, лежавший у палатки, сонно крикнул:

— Бежи, бежи скорей! Цапля в воду упала!

Ребята вернулись в сумерках — злые и молчаливые из-за того, что сломался динамик и танцы отменились. Выстроившись в цепочку, они пошли к соседской палатке. Около костра, вокруг которого сидели две девушки и Коленька, они остановились.

— Вы, простите, кто? — спросил Рыбкин независимым голосом.

— А вы кто?

— Я?!— удивился Рыбкин.— Представитель общественности.

— Ну, а мы в таком случае дураки,— ответила Оля.

— То есть? — галантно усмехнувшись, поинтересовался Шурка.

— То есть на свете бывают три рода дураков,—

ответила девушка.— Во-первых, поп. Он поет, когда все плачут. Во-вторых, рыбак: он вообще тихо помешанный. И, в-третьих, геолог — ничего не потерял, а все время ищет. Так вот мы как раз в-третьих.

Ребята посмеялись, только Арсен обиделся и спросил:

— Про рыбаков на меня, что ль, намекаете?

Никто ничего не понял, если бы Коленька не засмеялся.

— Ты вроде тот долдон, что рыбу ловил и в небо из ружья пулял?

— Я вам не дол-дон,— ответил Арсен по слогам.

— А кто ж ты? — удивился Коленька.— Долдон — он и ночью долдон. Такой уж у него сегмент.

Рыбкин смотрел на девушек, сидевших у костра, и вспоминал прораба, когда тот приехал с «наполеоном» после того как ребята здорово разозлились из-за столовки. И Рыбкин сказал:

— Девушки, мы тут строим дорогу, так что не согласились бы вы потанцевать с нами?

Оля засмеялась:

— В огороде бузина, а в Киеве дядька.

Аня добавила:

— Нам только танцевать после сегодняшних двадцати километров!

Коленька, лежа у костра, щурился, разглядывая ребят. Он видел их большие руки с поломанными короткими ногтями, он видел их наутюженные брюки и белые рубашки с галстуками. И Коленька спросил:

— А граммофон-то у вас есть?

— Есть,— ответил Рыбкин,— и набор пластинок. Еще в Москве подарили.

— Неси.

Аня удивилась.

— Вы будете танцевать, дядь Коль?

— Я свое на том свете дотанцую,— ответил Коленька,— кадриль отдеру. С лопатой и при жилете.

Танцевали до поздней ночи — торжественно и молча. Патефон хрипел Монтаном и задыхался Утесовым.

Когда Аня танцевала с Рыбкиным, она спросила у него:

— Неужели вы думаете, что это все важно?

Рыбкин не знал, как ответить: ехидно и отвлеченно, как наверняка ответил бы прораб, или серьезно, так, как он думал сам. А он-то сам знал, как это было важно. Он долго думал, а все-таки сказал по-прорабовски:

— Сейчас важен план.

Аня внимательно посмотрела на его курносое, веснушчатое лицо и чуть заметно улыбнулась, но была уже ночь, и поэтому Рыбкин не заметил ее улыбки.

Когда пластинка приближалась к концу, Шурка спросил Олю:

— Простите, только, может, обменяемся координатами?

— У вас же нет бумаги...

— Зато у меня есть память.

Потом пели песни геологов, а после кричали, сложив губы колечком,— низко, над самой рекой, чтобы голос катился вниз и разбивался на порогах вместе с водой гулким стоном.

Утро было солнечное и тихое. За ночь облетело много листьев, и тайга от этого стала еще прозрачней и звонче. Палатки геологов уже не было: они ушли с рассветом. И стало ребятам грустно-грустно, как бывает после Нового года или в любой иной день, но только если ему предшествовала чистая и добрая радость...

Повесть

Мария
КРАСАВИЦКАЯ

Рисунки
Г. Калиновского.

ЕСЛИ ТЫ НАЗВАЛСЯ СМЕЛЫМ...

Корреспонденты

Не успела я, захлебываясь, перескакивая с одного на другое, рассказать окружившим меня нашим все подробности — появился Грачев. За ним — двое незнакомых мужчин в шляпах. У одного на груди раскрытый фотоаппарат. «Корреспонденты»,— догадалась я.

Вид у Петьки странный. Он преисполнен важности, словно подрос даже.

— Ну как, Эзериня? — снисходительно и покровительственно спросил он.— Так сказать, в порядке?

Я начала было рассказывать заново. Но Петька не стал слушать. Сохраняя тот же важный вид, пожал мою руку.

— Поздравляю! — И при этом состроил такую рожу, что ребята за моей спиной фыркнули.

Петька обернулся к тем, в шляпах, и сказал нудным, скрипучим голосом:

— Вот, имеется у нас героиня дня — Рута Эзериня. Молодая, так сказать, поросль. Сегодня успешно защитила честь бригады, вступила, так сказать, равноправным членом в нашу семью. Между прочим, у нее имеется аттестат зрелости. На стройку пришла, вот именно, по зову сердца...

Вроде все, что он говорил, правильно, а слушать противно. И откуда набрался таких слов?

Один из мужчин записывает Петькины слова в блокнот. Второй целится в меня фотоаппаратом.

— А это,— продолжал Грачев, указывая на Славку,— на данном этапе лучший каменщик участка Чеслав Баранаускас. Эзериня — его ученица.

Славка поморщился и отвернулся. А фотокорреспондент взял меня под руку, подвел к Славке.

— Вас сфотографируем втроем — бригадир, каменщик и девушка.

— Не стоит,— вмешался тот, что с блокнотом.— Лучше вдвоем: учитель и ученица. На две колоночки.

Окончание. Начало см. в журнале «Юность» № 4 за 1963 г.

Петька отступил на шаг, но по лицу видно — это ему не понравилось. Фотограф заставил нас со Славкой принять дурацкие позы: будто Славка поздравляет меня, жмет руку. Ну и вид у нас, наверно!

— Нет, нет.— Фотограф вертел нас и так и этак.— Не годится. Скованно очень. Ну же, улыбнитесь, девушка, покажите зубки! — Попробовал бы сам улыбнуться по заказу! — И не смотрите в аппарат. Смотрите друг на друга.

По крайней мере раз десять мы меняли позы, обменивались рукопожатием. Фотограф щелкал затвором аппарата. Славка начал злиться.

— Хватит,— заявил он и взял кельму.

Тут Петька подвел к корреспондентам Тадеуша, покровительственно обнял его за плечи. Спросил елейным голоском:

— Ну, Тадеуш, как она, жизнь молодая?

— Так сама...— Тадеуш прикинулся дурачком.

А Петька все теми же затасканными словами принялся излагать все о Тадеуше. Корреспондент торопливо записывал, а фотограф тем временем со всех сторон «общелкал» Тадеуша и Петьку. Грачев старательно делал вид, что не замечает этого, а сам пыжился, надувал губы, выкатывал глаза.

— Все,— облегченно вздохнул фотограф и спрятал аппарат.

Второй, с блокнотом, прицепился к Славке.

— Расскажите о себе. О ваших учениках. Много их у вас?

Добрая половина ребят в бригаде — Славкины ученики. О каждом он может рассказывать. Но Славка, не прекращая работы, проворчал:

— Бригадир расскажет, если надо.

— Конечно, конечно,— засуетился Петька.— Пойдемте в конторку, а то вы озябли, наверно.

И то озябли: носы посинели, руки тоже. После их ухода мы намеревались обсудить события дня, но Славка прикрикнул:

— Работать за вас кто будет?

Что поделаешь, работать за нас, конечно, никто не станет.

Ядро или скорлупа?

— Не утерпел, расхвастался? —с оттенком презрения спросил Славка Грачева в обеденный перерыв и передразнил: — На данном этапе... Молодая поросль...

— А что такого? — Петька невозмутим.— Напишут. Похвалят. Смотришь, и неудобно будет не дать звания. Сам знаешь: до лета не выскочим — пиши пропало. Начнется «начинка», и сядем с выработкой. Ради того и от поточного отказались...

— Нет, не ради того,— резко перебил Славка. Отложил кусок хлеба, закурил, недобро посмотрел на Петьку.— Лично я, да и все ребята, думаю, тоже, ради того от потока отказались, чтоб не сдавать людям сырые, некрасивые квартиры.

Петька насупился, промолчал. А Славка спросил язвительно:

— И, скажи, на кой черт тебе звание, раз так?

— Смешно,— обиделся Грачев.

— Очень даже. Ответь-ка: что важней в орехе — ядро или скорлупа?

Петька не счел нужным отвечать. Скривил губы.

— Молчишь? — зло засмеялся Славка.— Потому и молчишь, что за скорлупу, а не за ядрышко воюешь. И сам понимаешь это. Звание, звание! Год соревнуемся. Год ты шум поднимаешь. А что изменилось в бригаде?

— Ни черта,— поддержал Тадеуш.— Какими были, такими и остаемся.

— Слыхал? — Славка подтолкнул Грачева локтем.— Не дали звание и правильно сделали. Ты сюда посмотри,— показал на косо висящий пыльный транспарант со словами: «Один за всех, — все за одного».— Смотри, смотри, нечего.

— Ну как же ты за всех нас болеешь? Вот Тадеушу с Ганнулей не дали комнату. Ты повоевал за них?

— Как же, стал бы он с начальством заедаться! — вставила Ганнуля.

— Своими руками написали в обязательстве: все будут учиться...

— Можно подумать — ты учишься! — взорвался Петька.

— И я отвильнул. И еще кое-кто. Ты, например. Так за что же звание-то нам давать? Что не пьянствуем, не хулиганим, материться вот, слава тебе господи, перестали. За это? Нет, браток, мало этого. Все это скорлупа. А мне ядро, мне пользу нужно.

Удивительный он человек, Славка. Наверно, обо всем том, что происходит у нас в бригаде, он думает больше, чем, например, Лаймон.

Помню, когда Славка начал учить меня, Лаймон сказал с нехорошей такой усмешечкой:

— Что ж, денежки лишние между делом пойдут — за ученицу.

— Конечно, пойдут,— спокойно ответил Славка.— За любую работу положено платить. Учить — тоже работа.

Но я-то знаю, сколько раз Славка, полдня провозившись со мной, оставался потом после работы, чтобы догнать остальных. Не занимайся он со мной, за день больше любого другого сделал бы. Вот она, какая ему от меня была «выгода»!

Уж если на то пошло, вот теперь, когда я научилась сама вести кладку, ему выгодно было бы подержать меня в ученицах. Учить меня больше не надо, а денежки шли бы и шли. Но ведь он не сделал этого, он первый заговорил о том, что пора мне получать разряд.

И разве одну меня он выучил? Он ведь все умеет: и стены класть, и штукатурить, и плотничать, и малярить.

Ладно, за меня он получил все-таки деньги. А Юзя, допустим. Она пришла из ремесленного с разрядом штукатура. Так ей и платят. А малярному делу ее Славка выучил. И ни копейки ему за это никто не платил. Тадеуш пришел совсем без специальности. Сейчас он наравне со Славкой работает. Славка же и выучил. Какой корысти ради?

И теперь вот этот разговор. Ядро или скорлупа? Петьке звание ради звания нужно — так выходит. А Славке что-то совсем другое, гораздо большее нужно.

Ядро или скорлупа? Что же во мне, по его понятию, ядро, а что скорлупа? Перебираю день за днем всю свою жизнь только здесь, в бригаде. Ой, сколько же скорлупы!

Я как-то, по глупости своей, сказала Скайдрите, что мне нравится один каменщик, имея в виду Славку.

— Каменщик? — переспросила брезгливо Скайдрите.— В грязной спецовке? С такими вот ручищами? И сам серый, как его спецовка?

Я тогда не нашлась, что ответить. Просто пожалела о своей откровенности. Теперь, после сего-

дняшнего разговора, я показалась сама себе такой маленькой. Душевно маленькой. Да, у меня аттестат зрелости. Да, меня в первый день резнуло произнесенное с неправильным ударением слово «фундамéнт».

И все-таки не Славка, а я сама серая, как спецовка.

Славке во всем нужна польза, смысл. А я об этой пользе подчас и не задумывалась. Теперь буду думать. Обязательно буду.

Болезнь

Не зря я с первого дня невзлюбила шаткие мостки, заменяющие лестницы. Позавчера бежала вниз, поскользнулась, слетела прямо к ногам поднимавшегося наверх Лаймона. Хотела вскочить — куда там! Никогда я не испытывала такой боли!

— Что, Рута, что? — Лаймон подхватил меня под руку.

А я встать не могу — от каждого движения красные круги перед глазами. И стыдно стонать и не удержаться.

— «Скорую помощь»! — закричал Лаймон.— Звоните в «Скорую помощь»!

Славка сбежал сверху, поднял меня на руки, вынес во двор. Тут как раз самосвал разворачивался.

— Стой! Погоди! — закричал Славка шоферу.

Донес меня до кабины. Ганнуля села рядом. Славка залез наверх.

— Гони в больницу!

В больнице сделали рентген: трещина в какой-то там кости, на самом подъеме. Наложили гипс. Ночь пролежала в коридоре, на жесткой, обитой клеенкой кушетке — в палате мест нет. И нога болела, и бока отлежала, и ходили все время мимо меня — спала плохо.

Утром дверь коридора приоткрылась, заглянул Славка.

— Ну как? — шепотом спросил он.— Жива? Почему не в палате?

Пытались его сестра с нянечкой выставить — как бы не так! На помощь Славке появились Петька, Ганнуля, Тадеуш. Шум, крик подняли:

— Как это смеют больную в коридоре держать!

Пробовала я их урезонить, руками на меня замахали: молчи!

Кончилось тем, что дежурный врач разрешил забрать меня домой. Принесли мне костыли. Ребята сбегали за такси. До лестницы я кое-как дошла и остановилась в недоумении: как же ее «форсировать»?

Не говоря ни слова, Славка подхватил меня, донес до машины. И вот я лежу одна. Пусто и тихо в общежитии — все на работе.

За окном идет снег — редкий, сухой, спокойный. Я смотрю на снежинки, и учебник алгебры, которую я решила подзубрить, праздно лежит у меня на одеяле.

Пышет теплом от радиаторов отопления. Нежно согревает меня пушистый фланелевый халатик. Нога не болит. Даже самой не верится, что может быть на свете такое блаженство. Лежу в тепле, в уюте, на мягкой постели, смотрю на снег и думаю о Славке. Будто по волшебству, раздался стук — и вошел Славка.

Я хотела соскочить с постели, но спустить вниз запаянную в тяжелый гипс ногу не так-то просто. Все же я спустила. Встать мне Славка не дал. Подошел, прижал мою голову к своей куртке. Куртка — вся в бисеринках воды от растаявших снежинок.

Не знаю, сколько так продолжалось. Наверно, долго. Потом Славка ослабил руки, я подняла голову и глянула на него. Славка смотрел на меня странными, блестящими глазами. Без тени улыбки. Будто спрашивал у меня что-то. Я не успела сообразить, что он спрашивает, как Славка наклонился и поцеловал меня. Губы у него обветренные...

Наверно, ему стало жарко. Пробежался пальцами по пуговицам куртки, распахнул ее и сел со мною рядом. Взял мои руки и просунул себе под куртку. Там было очень тепло.

Опять мы долго молчали. Сидеть было неудобно. Гипс резал под коленкой. Я хотела засунуть туда кончик одеяла. Славка не дал.

— Ложись-ка. Я совсем забыл про твою ногу.

Я легла. Славка укрыл мои ноги одеялом и опять сел. И еще раз, чуть коснувшись губами, поцеловал меня. Отстранился, долго смотрел на мои губы. Провел по ним мизинцем.

— Нежные какие. А целоваться не умеют,— рассмеялся.— Совсем.

«Что же тут уметь?» — хотела я спросить и не успела.

— Никогда-никогда? Ни с кем? — спросил Славка и опять провел пальцем по моим губам.

— Никогда-никогда. Ни с кем,— его же словами ответила я.

Славка приподнял меня с подушки, откинул ее в сторону, пересел к спинке кровати и как-то очень ловко примостил мою голову к себе на плечо.

— Ма-аленькая еще! — протянул он и потерся щекой о мою щеку.

И еще раз поцеловал меня. Теперь — совсем по-другому. Долго-долго. Я не могла перевести дыхание и отстранилась. Только вот теперь сообразила, что можно ведь было дышать и носом.

— Ну вот,— сказал Славка, и я поняла, что он хотел этим сказать: теперь ты уже не скажешь — «Никогда-никогда. Ни с кем».

— И пусть,— ответила я и потянулась к нему.

В не застегнутом на верхнюю пуговицу вороте пестренькой, выцветшей ковбойки сильно, мерно, быстро бился пульс. Прижалась к этому месту виском. Мне казалось, что и у меня пульс бьется так же. В одном ритме. И Славка чувствует это.

Опять мы молчали. Славкина рука в точности, как делает это папина, собирала и распускала у меня на затылке косы.

— Надо идти,— вздохнул Славка.— Не хочется. Так бы и просидел... всю жизнь. А ты?

— И я... Не уходи.

— Надо...— Славка уложил меня. Провел рукой по гипсу: — Больно? Очень?

Я отрицательно замотала головой.

— Ври! — обрадовался Славка и строго приказал: — Лежи спокойно. Вечером зайду.

Он еще раз поправил, подоткнул одеяло и быстро пошел к двери. От его сапог на полу остались мокрые отчетливые следы. У двери Славка оглянулся. Глаза его светились теплом и лаской.

«Сейчас вернется и поцелует!» — подумала я.

Но он только улыбнулся рассеянной улыбкой — как папа, когда влюбился в Тоню, и вышел. Опустилась вниз, подскочила вверх ручка двери. Быстрые, уверенные шаги по коридору. Звонко стучат подковки на каблуках. Стук глуше, тише. И вот я опять лежу одна. Было это или не было?

«Было! Было! — взволнованно и торжествующе выстукивало мое сердце.— Было! И будет снова! Сегодня вечером».

Здесь мой дом!

— Ты что какая чудная? — с порога спросила Ганнуля, вернувшаяся с работы первой.— Жар? — И она пощупала мой лоб.— Нет. А глаза горят.

Я обхватила Ганнулю и засмеялась.

— Да ну? — понимающе спросила она и заглянула мне в глаза.— Был? А я-то думала — куда убежал в обед?

Пришла Расма, не дала нам договорить. Ладно, успеется, заговорщицки подмигнула Ганнуля и принялась командовать: первым долгом больную надо кормить.

А мне не до еды. Слушаю, слушаю шаги за дверями. Жду. Седьмой, восьмой час отстукал будильник — Славки не было.

«Не придет! — в отчаянии думала я.— Не придет!»

Он пришел в половине девятого. Нарядный и немножко нескладный. Коричневое, хорошо сшитое пальто. Коричневая пушистая лыжиковая шапка. Песочного цвета рубашка с галстуком. Словом, все в тон.

Вошел и смутился, спросил с порога:

— Можно к вам, девчата?

У Расмы удивленно поднялись брови, а Ганнуля засуетилась:

— Заходи, заходи. Раздевайся, Слава. У нас тепло. Садись! — почти к самой моей постели придвинула стул. Совсем буднично сказала: — Хорошо, что пришел. А то мы в кино хотим, да вроде неудобно одну-то оставлять. Теперь пойдем. Собирайтесь, девчата.

Положим, ни о каком кино и речи не было. Но... не все же мне «создавать условия» — пусть и обо мне кто-то позаботится.

Ох, как неохотно одевалась Расма. Медлила, копалась до тех пор, пока Ганнуля на нее не прикрикнула:

— Да скоро ли ты? Опоздаем!

В дверях Расма задержалась, недобро посмотрела на меня, резко захлопнула дверь.

— Что это она? — спросила я.

— Не обращай внимания.— Славка встал, вынул из кармана пальто толстый кулек и пакетик — узенький, длинный. Положил мне на одеяло, сказал, застенчиво улыбаясь:

— Вот. Тебе.

В кульке оказались крупные, с ноздреватой кожей апельсины.

— Ну, зачем, зачем! Такие дорогие!

— Ладно, чего там. Ешь, поправляйся.— Славка выжидающе уставился на мои руки, развертывающие второй, очень легкий пакетик.

Развернула бумагу и ахнула: там была длинная кудрявая ветка мимозы.

— Прелесть какая!

Мимозы мне всегда нравились. Я часто любовалась ими на базаре. Даже приценивалась. Но они дорогие, и у меня никогда не было денег, чтоб купить хоть одну веточку.

И вот я держу большую, пышную ветку. Разглядываю, как чудо. Листочки узенькие, не то зеленые, не то голубые. Повернешь ветку — серебром отливают. А над листьями ослепительно-желтые гроздья цветов-шариков.

Уткнулась лицом в ветку. Цветы пахли горьковато и очень приятно. Запах немножко напоминал цветущую вербу.

— Прелесть какая! — еще раз сказала я.

Славка торжествующе засмеялся, глаза превратились в щелочки.

— Еле нашел. Весь город избегал. Нравится?

Зажав ветку в руке, я потянулась к Славке.

— Маленькая! — с придыханием шепнул он.— Думал — не дождусь вечера...— И он обнял меня.

От него пахло свежестью, снегом, ветром. Все это было чудо.

Чудо оборвал стук в дверь. Лаймон. И он и Славка — оба опустили глаза.

Лаймон поставил на тумбочку завернутый в бумагу горшок с цветами. Наверно, он понимал, что пришел не вовремя: не знал, остаться или уйти. Мне так хотелось побыть вдвоем со Славкой, но я вежливо сказала:

— Раздевайся. Садись.

Лаймон разделся. Развернул горшок. Альпийские фиалки. Белые.

— Прелесть какая! — Мне самой было противно, что повторяю те же слова, но другие не пришли в голову.— Спасибо. Поставь на окно, а то они боятся тепла. А радиатор выключи.

До чего же нам всем было неловко! Никому не нужны ни вопросы о моем здоровье, ни мои ответы. И долго на них нельзя «продержаться». Я боялась, не хотела, чтоб Славка ушел первым. А ему, конечно, неприятно было, что явился Лаймон, и он мог уйти.

Я обрадовалась, когда раздался еще один стук в дверь: папа. Он только сегодня узнал, что со мной случилось.

— Папа! — Я сама чувствовала, что голос мой звучит вызывающе-весело.— Как хорошо, что ты пришел. Знакомься!

Славка был ближе к папе.

— Лаймон Лиепа, если не ошибаюсь? — Папа протянул Славке руку.

Тень пробежала по Славкиному лицу.

— Ошибаетесь,— суховато ответил он.— Лаймон Лиепа — вот.

Я понимала, что Славке очень неприятна папина невольная ошибка. Значит, я говорю дома о Лаймоне. Иначе откуда бы моему отцу знать это имя? Это и в самом деле так. Папа с Тоней обычно, как только я вспомню про Лаймона, переглядываются, улыбаются. Папа иной раз даже спрашивал с веселым интересом:

— Как поживает Лаймон Лиепа?

А теперь вот как все это обернулось! Ну, что поделаешь, надо как-то исправлять. И я, деланно смеясь, сказала:

— Папка, это Чеслав Баранаускас. Мой учитель.

— Ах, так! — Папа ничуть не смутился.— Слышал, слышал и о вас. Очень приятно познакомиться. Прошу извинить за ошибку,— и сел на Славкино место. Сел прочно, показывая, что пришел надолго и что надежды его «пересидеть» окажутся напрасными.

— Ну, рассказывай.

Я рассказываю.

Папа с досадой подвел итог:

— Я так и знал, что этим кончится твоя «строительная эпопея». Урок получила хороший. Только еще не хватало — искалечиться.

Я хотела сказать, что с таким же успехом можно было упасть, скажем, на катке или просто на улице.

Вместо меня это довольно угрюмо сделал Славка.

— Безусловно. — Папа не стал спорить. — Кое в чем вы правы. Только, по-моему, профессия каменщика не для девушки.

— У нас много девушек,— возразил Славка.— И Рута работает не хуже других.— Он как будто обиделся, что папа сомневается в моих силах и способностях.

— Очень приятно слышать похвалу,— примирительно улыбнулся папа.— Но от этого профессия каменщика не становится легче.

— Что-то я не видал легких профессий! — проворчал Славка.

Они, наверно, могли бы спорить до бесконечности.

— Не пора ли нам, Слава? — вмешался Лаймон.

Что толку было удерживать?

— Славные молодые люди,— сказал папа, когда они ушли.— Ишь ты, даже мимоза больной в подарок. Это кто же, мастер, наверно?

Я дипломатично промолчала. А папа принялся доказывать, что я должна, обязана теперь уйти со стройки. Он и раньше с усмешкой говорил иногда о моей работе, как о блажи. Теперь, по его мнению, эксперимент следовало прекратить.

— Словом,— считая, что все решено, завершил папа,— я иду за такси, едем домой. Все ясно.

— Да, ясно,— согласилась я.— Я никуда не поеду. Тоне и без меня хватает забот. А мне здесь хорошо. Я вовсе не без присмотра, как ты, наверно, думаешь.

— Молодые люди в качестве сиделок? — язвительно спросил папа.— Причем двое сразу. Тебе не кажется, что это... ну, скажем мягко, не совсем удобно для молодой девушки?

И папа долго распространялся о том, как должна вести себя молодая девушка, что для нее хорошо и что плохо. И выходило, что мне ни в коем случае нельзя оставаться жить здесь, в общежитии.

— А как же другим? — с невинным видом спросила я.— Другим можно?

Папа оставил этот вопрос без ответа. Сказал с максимальной твердостью, на какую был способен:

— Собирайся. Едем домой.

— Да ведь мой дом теперь тут,— ответила я.

Папа пытливо взглянул на меня и опустил голову. Посидел немножко молча. Очень тихо сказал:

— Ладно. Пусть так. Но... не забывай же и о нас...

Вот оно что!

Расма — самая красивая девушка в общежитии. У нее такие волосы, про которые пишут: цвета спелой ржи. Никто так, как она, не умеет двумя пальцами и гребенкой мигом соорудить модную прическу. Под солнцем ли, под светом ли лампы крупные волны волос отливают золотом.

Все у Расмы красиво: и фигура, и правильные, тонкие черты лица, и серые, в черных ресницах глаза. Но успехом у парней она не пользуется. Она злая. Глаза ее редко улыбаются.

Когда Славка пришел ко мне еще раз, Расма демонстративно легла на постель. Тщетно делала ей Ганнуля знаки: уйдем. Расма лежала и смотрела в потолок.

Славка скользнул по ней взглядом. Мне показалось: с жалостью. Предложил:

— Давай-ка я выведу тебя погулять на полчасика, Рута.

Мы выбрались в маленький, с молоденькими деревцами сквер возле общежития. От свежего воздуха у меня закружилась голова. Откинулась на спинку скамейки, дышала этим необыкновенным воздухом и не могла надышаться.

И мороза нет, и не тает. Выпавший недавно снег лежал толстым, плотным слоем. Мальчуган лет пяти пытался что-то соорудить из снега.

— Это что у тебя будет? — спросил Славка.

— Гараж.

Но гараж что-то не получался.

— Помочь, что ли? — Славка присел рядом с мальчиком на корточки.— Дай-ка лопатку.

Он ловко нарезал из снега кирпичей, соорудил гараж.

— Вы, дядя, наверно, строитель? — восхищенный постройкой, спросил мальчик.

— Точно. Строитель.— Славка отвечал очень серьезно.

— А вы мне еще что-нибудь построите? Вокзал?

— Построю. В другой раз.

Мальчуган начал заводить в гараж свой грузовичок. Рычал, гудел, создавал «звуковое оформление». Славка смотрел на него, и почему-то грустная улыбка блуждала на его губах.

— Как ты... умеешь с ним! — сказала я.

— Что особенного? — Славка все смотрел на мальчика.— У меня свой такой же...— и поправился почему-то: — Такого же возраста.

Я знала, что у Славки есть сын. Но думала, что он живет с матерью. Спросить же было неловко.

— Он со мной живет.— Славка будто понял, что мне хочется это знать.— Мама моя за ним смотрит.

— Ты... познакомишь меня с ним? — Я погладила Славку по рукаву.

Он перехватил мою руку, стянул с нее варежку и сжал мои пальцы. Все так же глядя на мальчика, спросил, в свою очередь:

— А ты... хотела бы?

— Да.

— Познакомлю. Потом, когда поправишься.

Я подумала, что он мог бы привести своего сына сюда, в этот скверик. И построить ему гараж. А я бы сидела и любовалась ими.

Легко сказать — любовалась! Как бы мы еще с ним поладили! Мне никогда не приходилось возиться с малышами. Что у него спрашивать? Как разговаривать? Я ни за что не сумею держаться с ребенком вот так, как Славка с этим мальчуганом.

— Не надо ничего загадывать, Рута.— Славка крепче сжал мои пальцы.— Сначала сами кое в чем разберемся...— Он помолчал и прибавил невесело: — А нам и поговорить-то негде...

— Какая муха ее укусила? — Я имела в виду Расму, и Славка понял это.

— Сердится,— просто сказал он.

— Почему?

— Потому что я прихожу к тебе.

У меня сжалось сердце, и я потянула пальцы из Славкиной ладони. Он не пустил.

— Да нет же. Ничего не было. Никогда. И не могло быть.

— Откуда же ты знаешь, что она...

— Знаю. Был такой разговор. Давно. В прошлом году.

— И до сих пор...

— Не знаю. Жалко мне ее. Трудная она. И с ней тоже трудно.

— Вова! — закричала женщина из окна соседнего дома.— Пора домой!

Вова не без сожаления оставил свой гараж, подошел к Славке.

— Вы завтра придете сюда?

— Постараюсь.

— Тогда я возьму еще одну лопатку. Будем строить вместе.

— Ладно.

Мальчик вприпрыжку побежал к подъезду. Славка проводил его откровенно завистливым взглядом.

— И нам пора. Ты, наверно, озябла?

Уходить не хотелось, но нога в гипсе в самом деле застыла. Славка обнял меня, почти донес до комнаты.

Расма по-прежнему лежала на постели. Даже и речи быть не могло, чтоб нам немножко поговорить в ее присутствии.

«Производственная практика»

Славка обещал прийти прямо с работы, и я попросила тетю Мицу помочь мне спуститься в скверик: лучше уж сидеть с ним там, чем под злым взглядом Расмы.

«Помощь» тети Мицы заключалась в том, что она шла сзади меня и охала на каждой ступеньке. Меня это смешило.

Дошла до первой площадки. Остановилась перевести дух и запела: «Если ты назвался смелым...».

— Ладно уж,— заворчала тетя Мица.— Смелая, что уж там и говорить...

Пройти с костылями два лестничных марша — по двенадцать ступенек в каждом — не шутка. Да еще три скользких ступеньки — у подъезда. Да раскатанная ребятами дорожка. После такого путешествия, наверно, всю жизнь буду сочувствовать хромым.

Наконец сижу на скамейке. Мне жарко и весело: доказала!

— Обратно одна не смей! — уходя, наказывала тетя Мица.— Девчата скоро придут, помогут.

Сижу одна и наслаждаюсь. Словно год не выходила из комнаты. Все какое-то новое, необычное. Голуби слетелись. Ходят вокруг скамейки, склонив набок головки, посматривают вопросительно: в чем

дело, почему не кормишь? Жалко, что не захватила хлеба.

Вчерашний мальчик — Вова — катался на санках с горки. Увидел меня, подбежал, спросил:

— А где тот дядя?

— На работе.

— Строит дом?

— Да, строит дом.

— А мой гараж сломали,— вздохнул Вова.

— Жалко,— посочувствовала я.

— Конечно, жалко. А вы бы не могли построить мне новый гараж? Большой.

— Нет, Вова. У меня болит нога. Видишь?

— Ка-акая! — протянул Вова и дотронулся до гипса.— Она деревянная?

Попробуй объясни, что не деревянная, а гипсовая.

Вова чинно уселся со мной рядом, вздохнул.

— Долго не идет тот дядя...

— Да,— согласилась я и тоже вздохнула.

— А вы бы не могли почитать мне книжку? — спросил Вова.

— Что ж, принеси, почитаю.

Вот легко поладила! Ждала возвращения мальчика и думала о Славкином сыне. «Такого же возраста»,— сказал Славка. Наверно, бойкий, общительный. Мальчишки все бойкие.

— Вот! — издали закричал Вова и показал мне книжку.

Читать в ней было почти нечего: на каждом листе большая картинка и короткий стишок, вроде:

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Все равно его не брошу —
Потому что он — хороший.

— Все? — разочарованно спросил Вова, когда была прочитана последняя страница.

Я начала придумывать про мишку целую историю. Вова помогал неиссякаемыми «наводящими» вопросами.

— А кто мишку уронил на пол?

Вот и соображай, что ответить. Конечно, не девочка-хозяйка. Объяснением, что уронили чужие дети, Вова не удовольствовался.

— А какие дети? Плохие, да?

Уточнила, чем именно плохи чужие дети.

— А сколько их было, чужих детей?

— Наверно... наверно, трое.

— А как их зовут?

Рассказ обрастал подробностями, а я начинала мерзнуть. Пришли с работы девчата. Постояли около нас, посмеялись, помогли кое-что уточнить насчет мишки с оторванной лапой.

— Ты не замерзла? — спросила Ганнуля.

— Ничуть! — Превращусь в сосульку, но дождусь Славку здесь.

Девчата пошли домой. С крыльца Расма явно в мой адрес крикнула:

— Производственная практика!

Ну почему, почему она такая злая? Разве я виновата, что Славке она не нравится?

Я успела рассказать Вове историю всей жизни мишкиной хозяйки, когда Славка наконец показался в сквере.

— Да ты совсем посинела! — ахнул он. —Пошли, пошли в тепло!

— А как же мой вокзал? — спросил Вова.

— Ох, милый,— засмеялся Славка. — Про вокзал-то я и забыл. Ну, ничего. Вот... тетя погреется,— и он насмешливо сощурился на меня: похожа на тетю или нет? — погреется тетя Рута — тогда построим.

— Ладно. Тогда я вас подожду.

В комнату мы не пошли. Устроились у тети Мицы. Славка поставил стул поближе к горячему титану. Разворошил в топке подернувшиеся сизой пленкой угли. Сидя перед печкой на корточках, снизу весело посмотрел на меня и спросил:

— Значит, уронили Руту на пол?

— Да. И оторвали Руте лапу.

Он выпрямился, обхватил меня обеими руками, покачал и закончил:

— Все равно ее не брошу, потому что Рут хороший!

И мы рассмеялись.

Дверь в кубовой наполовину стеклянная. Я увидела, как в подъезд быстро вошел Лаймон. Спряталась за Славку. Лаймон через две ступеньки побежал по лестнице. На его шаги Славка обернулся.

— А ведь он к тебе, Рута.

— Не хочу,— замотала я головой.

Славка посмотрел на меня испытующе.

— Правда, не хочу. Я тебя целый день ждала...

Снова шаги по лестнице. Лаймон. Вышел из подъезда. Оглянулся.

— Позвать? — спросил Славка.

— Не надо.

Лаймон пошел по дорожке. На мгновение мне стало его жалко — так неохотно он шел.

Но Славка был тут, рядом. И больше никто мне не нужен.

День получки

Три недели отсидела дома. Гипс сняли, но ходить больно. Кое-как передвигаюсь по общежитию.

Сегодня у наших получка. А мне получать нечего — больничный лист не закрыли.

Сижу над алгеброй. А мысли бродят далеко. Долго ли еще хромать? И что делать, если не смогу работать, как раньше?

Папа на днях принес денег. Я не взяла: Тоня не работает, и они едва сводят концы с концами. Чтоб мне помочь, залезут в долги. Одолжить я и сама смогу. Конечно, папе я так не сказала. Выдвинула ящичек тумбочки и показала деньги.

— Видишь, у меня есть.

Это не мои деньги. Мы собираем на подарок Ганнуле с Тадеушем. Им наверняка обещали комнату в новом доме. Вот эти-то деньги у меня и хранятся. Конечно, из них я не возьму ни копейки.

— Смотри ты! — при виде денег удивился папа.— Сколько накопила!

— Это на пальто,— соврала я.

— Молодец! Значит, на пользу пошло наше с тобой хозяйничанье. Научилась экономить.

Положим, не научилась. Вот придут девчата — одолжу. Скоро придут, если не побегут по магазинам, как это водится после получки.

Но не девчата пришли первыми, а Петя.

— Ну, как ты тут, хромуля? О, совсем бойко прыгаешь!

Полез в карман, вытащил деньги. Одни рубли.

— Вот. Получай. Ну, чего уставилась?

Хотела сказать, что никакой зарплаты мне не положено. Но Петька и рта разинуть мне не дал.

— Ну да, сложились — и вся недолга,— грубовато сказал он.— А ты как думала? У нас так заведено.

— Не надо! — Я оттолкнула его руку с деньгами. И неожиданно разревелась.

— Вот дуреха,— рассердился Петька.— Говорю, всегда так делаем. И не реви. Терпеть этого не могу.— Снова попытался вложить деньги мне в руку.

Я опять их оттолкнула.

— Не коллективная ты, вот что. Так и доложу ребятам: мол, побрезгала.

— Не брезгую,— всхлипнула я.

Петька сел рядом, своим носовым платком — ясное дело, не первой свежести — вытер мне нос. Схватила платок, реву в него.

— Ладно, ладно. Не брезгаешь. Вижу,— смилостивился Петька.— Только не реви так сильно. Смотри, лужа на полу.

Сквозь слезы я смеюсь с ним вместе.

— Все? Ну, и ладно. Давай поправляйся. Да, чуть не забыл...— Достал из кармана газету, развернул.— Во, гляди.

Это была статья о нашей бригаде. Со снимком. Нет, совсем не глупый вид у нас со Славкой. Оба смеемся. Плохо подколотая коса вывалилась у меня из-под платка, лежит, полурасплетенная, на плече, блестит.

То, что рассказывал тогда Петька нудно, затасканными словами, корреспондент чуточку изменил, и получилось очень хорошо. Вот так Петя и на самом деле говорит, когда нет посторонних.

— Здорово, правда? — важно спросил Петька, когда я дочитала.

— Здорово!

— Сегодня еще корреспондент был. Славка злится — беда...

Мне показалось, что Петька заискивает: замолви, мол, словечко.

— Что же теперь-то приходил? — Я знаю, что бригада «стояла по кирпичу», норму едва выполнили.

— Знаешь,— Петька оглянулся и перешел на шепот,— марку-то надо держать? Обмен опытом, то, се. Пускай. Все на пользу!

Мне хотелось спросить: «Неужто ты наврал корреспонденту?» — но я постеснялась.

Петька похвастался, где побывал за последнее время. Получалось: чуть ли не каждый день у него то «обмен опытом», то какие-то «активы», «президиумы», совещания, беседы.

— Что поделаешь, надо! — притворно вздохнул Петька.— Самому надоело, но надо. Ну, побегу. Дома ждут с получкой. Поправляйся.

Несостоявшееся знакомство

Как по особому заказу выдался денек, когда я впервые после болезни вышла на работу. Кончились поздние, темные и зябкие утра. Солнце только выглянуло оранжевым ослепительным краешком. В его лучах заиграли, заискрились сосульки. На путанице проводов, на деревьях — всюду висел пушистый иней. Высвеченный солнцем, он был розовым и тоже сверкал.

— Рута, Рута пришла! — дружно завопили наши, когда я вошла в конторку.— Качать Руту!

И парни уж было бросились ко мне. Вмешался Славка.

— Еще чего надумаете! — сказал он по-хозяйски и закрыл меня от них своими широкими плечами.— С ума посходили!

Мне приятен и хозяйский его тон и то, как он прикрыл меня. Ребята понимающе переглянулись и больше не делали попыток качать. И так весело было сознавать, что все рады моему выздоровлению.

Нет, не все. Расма сидела в углу, наскоро, через край, зашивала рукавицу. На меня даже не глянула. И ушла сегодня одна, раньше всех.

Стройку нашу я не узнала. Месяц проболела, а сколько перемен!

Один дом почти готов. Блестят на солнце промытые стекла его окон. На втором — начали ставить стропила. На остальных — кладка в разгаре.

Славка поставил меня работать рядом с собой. Я и раньше-то плохо умела проверять вертикальность стенки по отвесу. Теперь совсем разучилась. Каждый раз спрашивала:

— Слава, смотри. Так? — Очень приятно лишний раз назвать его по имени.

Расма, работающая рядом, только язвительно кривила губы. Славка ворчал:

— Все-то ты перезабыла!..

А сам показывал так, будто это в первый раз. Обязательно брал меня за руку и потом обеспокоенно говорил:

— Замерзла!

Нет, мне совсем не холодно. Что-то все время пело, звенело у меня внутри. Казалось, раскинь руки — и полетишь. Словом, это был счастливейший день.

В обед Славка спросил тихонько, не глядя мне в лицо:

— Ты не передумала?

Я не поняла, о чем он говорит. Славка объяснил:

— Знакомиться с моим Антанасом не передумала?

Я немножко испугалась, но ответила храбро:

— Нет, конечно!

— Сегодня, наверно, они сюда придут... Если хочешь, конечно...

— Ну, ясно, ну, как же!

Что ж, праздник так праздник. Сегодня мне все представлялось простым и легким. Придет мать Славки — наверно, очень добрая женщина. Приведет мальчика, похожего на Славку. Я скажу мальчику: «Антанас, хочешь я тебе почитаю?» И он сядет ко мне на колени, а Славка будет посматривать на нас, и глаза у него засветятся изнутри теплом и лаской.

Пока что они не светились. Мне даже показалось, что Славка чем-то обеспокоен. Не насвистывает, как обычно. Не слышит шуток. О чем задумался?

Время между тем стало клониться к вечеру. Я изрядно устала, но ни за что никому не показала бы этого.

В ворота въехал грузовик с кирпичом. За ним вошла пожилая, полная, очень знакомая женщина. Такая седая, что казалось, волосы ее посыпаны мукой. Женщина толкала перед собой санки-кресло. В них сидел мальчик. Очень знакомый мальчик.

Напротив дома, где я жила с папой, большой тенистый сквер. Я часто видела там эту женщину с мальчиком. Он почти совсем не умеет ходить. Ножки тоненькие, слабые, подламываются, не держат худенькое тельце.

«И зачем такому жить? — как-то сказала тетя Анна.— И ему мука, и родителям на него смотреть — тоже мука».

Так вот это и был тот мальчик. Я сразу поняла, что он Славкин сын. И сердце у меня забилось тревожно-тревожно.

Славка не сразу заметил вошедших. Я со стра-

хом ждала, когда он скажет: «Что ж, Рута, пойдем знакомиться».

— Слава, твои пришли! — крикнул Тадеуш.

Славка вздрогнул и глянул на меня. Я отвела глаза.

Только потом поняла: ведь это он взглядом спросил у меня: «Пойдем, Рута?»

Я не сказала ему ни слова, не сделала ни одного движения. Я окаменела. Славка, не торопясь, будто выжидая, положил кельму, по одной снял и бросил поверх нее рукавицы. Еще помедлил и очень тихо пошел вниз.

Я знала: мне надо идти за ним. И не могла сделать ни шагу.

Славка спустился, пошел по двору.

Отсюда, сверху, казалось, что он едва передвигает ноги.

— Папа! Папа! — закричал Антанас.

И Славка бросился к нему, выхватил мальчика из санок. Соскользнуло укрывавшее ноги Антанаса байковое одеяло. Славка на лету подхватил его.

Мать что-то быстро, весело говорила по-литовски. А Славка, очень прямой, стоял спиной ко мне, без надобности поправлял, поправлял у Антанаса под подбородком шарфик.

К ним подошел Тадеуш, поздоровался с матерью. Протянул руку Антанасу, и тот по-дружески хлопнул красной варежкой по ладони Тадеуша. Как я в это мгновение позавидовала Тадеушу!

Потом все они направились в конторку. Через минуту Славка вышел, по полешку, не торопясь, набрал дров. Выпрямился. Вот сейчас глянет сюда, наверх, на меня.

Я нагнулась к ящику с раствором.

Когда я выпрямилась, Славки уже не было.

Расма в упор смотрела на меня, и глаза ее смеялись.

«Надо идти! Сейчас же надо идти!» — думала я, а руки хватались за кирпичи, как за спасение.

Вернулся Тадеуш. Потом тяжелым шагом поднялся по мосткам Славка. Я не смотрела в его сторону, но знала: это он идет.

Не сразу разобрался в рукавицах: сначала сунул левую руку в правую рукавицу. Скребнул кельмой по кирпичу. Нет, прямо по сердцу мне скребнул! И стал класть — кирпич за кирпичом, ровно, спокойно, как всегда. Докончил ряд. Взял кельму и молоток под мышку.

«Я иду с тобой! — хотела крикнуть я и не смогла.— Только вот ряд докончу и пойду. И пойду! — твердила я сама себе.— Что из того, что это тот самый жалкий мальчик? Все равно я должна, я обязана пойти. Иначе это будет предательство».

«Немножко погодя! — умолял другой голос.— Ты пойдешь, обязательно пойдешь. Но не сейчас. Капельку обожди. Успокойся, возьми себя в руки, чтоб войти в конторку с веселым лицом».

Рабочий день кончился.

Один за другим спускались во двор наши, скрывались в конторке. Только я и Расма остались теперь тут, наверху.

Неся Антанаса на руках, вышел из конторки Славка. Усадил мальчика в санки; мать укрыла ему ноги. Санки тронулись. Антанас замахал рукой Тадеушу.

Славка ни разу не оглянулся.

Санки проехали ворота, завернули и скрылись за забором.

Вот и все. Никуда больше не надо спешить. Но что же это? Неужто я рада этому?

— Что, не помогла и «производственная практика»? — уязвила Расма и, нарочно громко напевая, побежала вниз.

Свадьба Ганнули и Тадеуша

Внешне ничего не изменилось. Как всегда, присматривал Славка за моей работой. В обеденный перерыв наши хохотали, дурачились. А мне мерещилось: от меня отворачиваются, знают, что я испугалась Антанаса. Осуждают меня за это.

Ждала, Славка спросит еще раз: «Ты не передумала?»

Отвечу беззаботно: «Как можно? Прошлый раз ты не позвал меня, я думала, неудобно»...

Но Славка ни о чем не спрашивал. После работы сразу же уходил с Тадеушем: они взяли на вечера «халтурку» — дом кому-то строили.

В субботу я не выдержала, спросила:

— Что ты делаешь завтра?

— На завтра — куча дел,— с преувеличенно озабоченным видом ответил Славка.— В баню пойду — раз. Второе — с Тадеушем кое-что им в хозяйство обещался посмотреть. Матери помочь...

Нет, не в том дело, что так уж занят Славка. Просто не хочет со мной встречаться. Вот так, разом, взял все и оборвал. Без лишних слов.

Дома вечером оказалась одна Ганнуля. Сейчас я все ей расскажу.

Но Ганнуля сама хотела со мной посоветоваться. Что лучше повесить на окна — пестрые гардины или тюль? Что лучше — тахта или кровать? Тадеуш хочет тахту. А для кровати все давно приготовлено. Она извлекла из чемодана кружевной, собственной вязки подзор, такие же занавески на спинки кровати.

Я похвалила. Сейчас я похвалила бы что угодно. Но как ты начнешь ей, счастливой и озабоченной, рассказывать про свои горести?

Прошла еще неделя. Вот и снова суббота — день свадьбы Ганнули и Тадеуша.

Свадьба у нас в красном уголке. Убрали его, как под Новый год, флажками и хвоей. Со всего общежития стащили столы и стулья. Целых два вечера жарили и парили на кухне.

И вот все мы толпой стоим в вестибюле. Сейчас приедут из загса молодые. С ними поехали Славка и Юзя.

Петька с новеньким баяном в руках стоит наготове. Играть он не умеет. С грехом пополам вызубрил «туш». Вот таким образом и будет «приветствовать» молодых.

Тетя Мица держит поднос с бутылкой шампанского и двумя высокими бокалами.

— Едут, едут! — закричали у входа.

Двери распахнулись настежь. Петька, страшно фальшивя, грянул туш. Появились молодые. Сияет красотой Ганнуля. Я никогда не думала, что она может быть такой красивой. Белое платье. Белая прозрачная фата на голове. Букет белых цветов в руках. На груди — веточка белой сирени. Тадеуш весь в черном. «Кек артист!» — шепнул кто-то за моей спиной. Славка держит под руку Тадеуша, Юзя — Ганнулю.

Хлопнула пробка. Шампанское полилось струей.

Молодых заставили выпить шампанского, хотя Петька и орал, что это детская затея. Потом их заставили поцеловаться. Бокалы тут же швырнули на пол, разбили — на счастье.

Потом все перепуталось. Беспорядочной толпой все двинулись в красный уголок. Петька, все так же

сбиваясь и перевирая мотив, пытался играть туш. Молодых затолкали в самый дальний угол, куда и подступиться-то трудно.

По регламенту первым должен поздравлять Петька. Но у него руки заняты баяном. Неловкую паузу заполнил начальник нашего участка Иван Алексеевич.

— Поздравляю,— торжественно обратился он к молодым.— От имени администрации, партийной, комсомольской и профсоюзной организаций (ох, как длинно и как официально!) примите в подарок,— и на блюдечке вручил ключ от квартиры, украшенный огромным белым бантом.

Все начали кричать «ура!». Блюдечко тоже полетело на пол, и осколки Петька растоптал.

— И еще примите в подарок...— Иван Алексеевич оглянулся.

Снова подвел «регламент» — в суматохе забыли принести подарок. Ребята, что были поближе к дверям, ринулись в вестибюль, вволокли разобранный на части шифоньер.

Иван Алексеевич начал жать руки молодым. Ганнуля расплакалась, и он поцеловал ее в фату.

Петька тем временем успел избавиться от баяна, появился с настольным зеркалом в руках. Нес его прямо перед собой, как икону. Наставил стекло на Ганнулю:

— Вот. Смотритесь чаще. И чтоб мне всегда были красивыми!

Потом с грохотом волокли столы, стулья. С барабанным боем проплыло над головами корыто. За ним — бак для кипячения белья. Стиральная доска. Швабра — красный бант на палке.

— Все! — радостно сказал Петька. — Живите на здоровье!

Гости тем временем выстроились в очередь, и начались «персональные» поздравления и вручение подарков. Парни дарили исключительно бутылки вина. Девчата — хозяйственную утварь помельче. Я, по совету Тони, купила духи «Красная Москва».

К концу «поздравительной процедуры» Тадеуша было буквально не видно из-за целой батареи бутылок.

— Перепьются и передерутся! — мрачно предсказал Лаймон.

Я подумала, что, наверно, он прав.

Добрых десять минут усаживались за столы. Я оказалась между какими-то незнакомыми парнями, наверно, родственниками Ганнули и Тадеуша. Один из соседей налил в мою рюмку вина.

— Нет! — сказала я.

— Не выламывайся! Будто в первый раз! — сказал парень, сидевший слева.

— Страсть этого не любим,— поддержал правый.— Как это на свадьбе да не выпить?

Тут как раз все начали кричать «Горько!». Тадеуш поцеловал Ганнулю. Парни подтолкнули меня:

— Пей!

Выпила. Раскашлялась. Слезы из глаз потекли. Вот гадость-то!

— Ничего! — подбодрили меня соседи.— Первая всегда идет колóм. Ну-ка по второй!

У меня и от первой голова закружилась. Ведь вино я пила первый раз в жизни. Впрочем, настроение улучшилось, стало просто и весело.

— Вот и хорошо! — порадовались парни, когда я лихо выпила вторую рюмку.— А то сидела...— И левый показал, как я сидела, пригорюнившись.

За столом стало шумно, беспорядочно. Кто-то провозглашал тосты. Раз тост, надо пить. И я пила. Перед глазами давно уже все кружилось и плыло куда-то в сторону.

И вдруг я отчетливо увидела Славку. Он стоял за спинами гостей. Одной рукой держал за горлышко бутылку, второй — выколачивал из нее пробку. После второго удара пробка вылетела. Таким же способом он открыл еще несколько бутылок. Потом обошел вокруг столов и направился к балкону.

Я встала и пошла за ним. Он стоял спиной ко мне, обеими руками вцепился в перила балкона. Большой его силуэт четко рисовался на фоне угасающего красноватого заката.

Я подбежала и уткнулась Славке в плечо. Он вздрогнул.

— Ты? — с радостью и нежностью вздохнул он в самое мое ухо.

Я ждала — сейчас обнимет. И кончатся все мои муки. Но он не обнял. Отстранил, спросил недобрым голосом:

— Ну, что тебе?

— Слава... Славка...— Я опять хотела уткнуться в него лицом.

Он обнял меня. Грубо схватил и сжал так, что, кажется, кости у меня затрещали. И поцеловал — раз, другой, третий, даже зубы его стукнулись о мои зубы. Мне стало жутко. Такого Славку, с этими грубыми движениями, со стиснутыми зубами, такого я не знала.

Так же резко, как и обнял, Славка оттолкнул меня. Вцепился опять в перила балкона. Я погладила его по плечу.

— Уходи! — хриплым шепотом сказал он.

Я не шелохнулась.

— Ну, кому сказано: уходи!

— Не надо... Я люблю тебя..— Наверно, слезы звучали в моем голосе.

— Вот оно что! — Славка рывком повернулся, и глаза его яростно блеснули в полумраке.— Ну, и что с того? Может, гулять со мной хочешь?

Какой-то особенный, какой-то грязный смысл вложил он в слово «гулять».

Мне стало вдруг жутко. Невольно сделала шаг назад. А он продолжал, все так же зло блестя глазами:

— С нашим удовольствием, как говорится. Девка молодая, красивая. Сама вроде набиваешься. Я не против: давай будем гулять. Пока не надоест.— И так посмотрел, что в один миг голова моя перестала кружиться и холод охватил меня всю.

А Славкины глаза будто гипнотизировали. Потом он засмеялся — ух, какой злой был этот смех! Шагнул ко мне, схватил за плечи:

— Ну, хочешь со мной гулять? Только знай заранее: никогда на тебе не женюсь. Землю буду есть, а не женюсь. Ясно?

Куда уж яснее! Я отступила к дверям.

— Сдрейфила? — язвительно спросил Славка.— Ишь ты, любит она, скажи на милость! — И он крупными шагами обошел меня, будто это была не я, а стол или стул. Рванул дверь...

Спокойная, дружная песня вырвалась на балкон. «Как они могут петь в такую минуту?» — подумала я.

Дверь захлопнулась, зазвенели в ней стекла. Я осталась одна.

Вот как ты кончилась, моя любовь! Вот чем ты кончилась!

Перебирала в памяти Славкины слова и ужасалась их смыслу. И это тот самый Славка, который полгорода обегал, чтоб принести мне мимозу. Тот Славка, что грел мои озябшие руки в своих теплых ладонях! Застегивал на мне стеганку!

Как же это? Почему? За что?

Снова раскрылась дверь. Теперь не песня, а один баян слышен. Вальс. Дверь закрылась. За спиной я слышала чье-то дыхание. Ждала: сейчас Славка подойдет, скажет тихо, с придыханием, как только он один и умеет:

— Прости, Рута, маленькая...

Но это был вовсе не Славка, а Лаймон.

— Рута? — изумился он. — Я думал, ты ушла. Господи, совсем раздетая. С ума сошла! — Он сбросил пиджак, накинул его мне на плечи. Теплый, согретый его телом пиджак.

— Устала? — мягко спросил он. — Ты много пила... А там шум, жарища. Знаешь, давай удерем, пройдемся, а?

Единственное, чего мне хотелось, — уйти, никого не видеть. Главное, не видеть Славку. И я согласилась:

— Пойдем.

В красный уголок вошли вместе. Пиджак Лаймона по-прежнему был на моих плечах. Столы оказались сдвинутыми в сторону, и все танцевали. И Славка танцевал. С Расмой. Она сегодня как-то удивительно причесалась. Волосы крупными волнами падали на плечи. И каждый волосок блестел. Славка ловко вел ее в толпе.

Расма смотрела на него влюбленными, добрыми и потому странными глазами.

Она увидела меня — мы встретились с нею взглядами. И она нарочно, конечно же, нарочно, прислонилась виском к Славкиному плечу.

Они, танцуя, повернулись.

Теперь увидел меня и Славка. Прищурился, тряхнул волосами. Какие красивые, какие серебряные они были!

Мы с Лаймоном оделись, вышли. Ночь стояла морозная, тихая. Льдинки похрустывали под ногами. Лаймон ничего не говорил. И я была ему благодарна за это.

— Пойдем завтра на концерт? — после долгого молчания спросил Лаймон.— Ты любишь серьезную музыку? Московский пианист играет.— И он назвал имя.— Пойдем?

Я не ответила, и Лаймон промолчал тоже.

Долго бродили по пустынным, непривычно тихим улицам. Вышли к новому вокзалу. Отделенный от нас просторной, совсем пустой площадью, он мягко светился в ночи. Светился, словно большой драгоценный камень. Есть такие камни — я не помню, как они называются,— которые сами собой светятся изнутри. Новыи вокзал казался мне по вечерам похожим на такой камень.

Очень не люблю мертвенный свет люминесцентных ламп. Но тут, на вокзале, наверно, он и создавал это, словно идущее откуда-то из глубины, таинственное свечение. В поздний этот час лишние лампы были погашены. Неяркий свет был то красноватым, то голубым — от белого мрамора стен,— то желтоватым. Если чуточку изменить положение, шагнуть в сторону — в эту мягкую, приглушенную гамму вливались еще золотисто-оранжевый, зеленовато-голубой цвета.

Мы долго любовались ночным вокзалом.

— Вот что способны сделать человеческие руки! — шепнул Лаймон.

— Да.— Я тоже отвечала шепотом. Мы словно боялись, что голоса наши разрушат волшебное свечение огромного здания.— А ты говоришь, плохо быть строителем!

— Я так не говорю,— поправил меня Лаймон.— Я говорю, что для девушки — это трудно.

— А для тебя?

— Я? Я мечтал о другом. Сделать проект вот такого здания...

И Лаймон вдруг начал рассказывать о себе. Так я узнала, что он живет один в большой квартире.

Его отец и мать — моряки. Отец — капитан дальнего плавания, а мать — радистка на этом же судне. Раньше Лаймон жил с бабушкой. В прошлом году она умерла, и теперь Лаймон совсем один.

— Иногда так не хочется идти домой,— невесело закончил Лаймон.

Я подумала, что теперь я тоже буду очень одинока. С сегодняшнего дня не будет больше в нашей комнате Ганнули. Все понимающей, доброй, хозяйственной Ганнули. Никто не одернет Расму, когда она будет придираться ко мне.

Лаймон все говорил, говорил. Мне представлялась пустая, гулкая, почему-то обязательно с высокими лепными потолками квартира. И становилось жалко Лаймона.

Ночь стояла звездная, лунная. Наши шаги гулко отдавались в пустых коридорах улиц.

— Ты когда-нибудь бродила вот так по городу, ночью?

— Нет.

— А я брожу. Один.

— Одному — нехорошо.

— Ну так будем бродить вместе? — И Лаймон, наклонившись, заглянул мне в глаза.

— Не знаю.— Я не могла ничего обещать ему, но и оттолкнуть его тоже не могла. Все-таки это хорошо, что сегодня я не одна.

Было три часа ночи, когда мы подошли к общежитию. В красном уголке еще гремела радиола. Мимо открытой двери мелькнули танцующие Ганнуля и Славка.

Ему хорошо. Ему хоть бы что! Не мне первой, наверно, он сказал гадость.

— Пойдем, потанцуем? — спросил Лаймон.

— Нет. Спать пойду.

В комнате никого не было. Днем, в суматохе приготовлений, я не заметила, как она изменилась, наша комната.

Кровать Ганнули была покрыта не белым пикейным одеялом, а темно-зеленым суконным — казенным. Исчезла со стены рамка с массой смешных фотографий — «выставка», как мы насмешливо ее называли. На месте «выставки» осталось на стене темное прямоугольное пятно. Исчезли наивные салфеточки с собачками, кошечками и целующимися голубками — вышивки Ганнули. Даже скатерти на столе нет — холодно блестит клеенка.

Пусто. Грустно. И музыка доносится снизу тоже грустная...

Две встречи

Я не слышала, как пришли Расма и Юзя. А утром они не слышали, как я оделась и ушла к папе.

Голова была тяжелая, кружилась. Противно даже подумать о еде. Пришла, села в уголок дивана. Папа и Тоня переглянулись.

— Что-нибудь случилось? — спросил папа.

— Нет. Просто...

— Просто лишнее выпито было? — рассмеялась Тоня. Принесла мне стакан удивительно вкусного, крепкого, горячего чаю.

— Пей. Говорят, помогает.

Она собирала братика на прогулку, и я вызвалась пойти с ним.

Мороза как не бывало. Яркое солнце заливало сквер. Прыгали, дрались, чирикали воробьи. В песочнице малыши пристроились лепить свои «куличики». Девочки-школьницы, бросив на скамейку пальто и портфели, скакали через веревку. Я загляделась на них и не заметила, как в сквер вошла мать Славки с Антанасом.

Обернулась случайно, а Антанас идет вдоль скамейки сюда, ко мне. Идет медленно и терпеливо. Два-три шага — вот и все, что он может сделать. Я не могла оторвать от него глаз.

Нет, он совсем не похож на Славку. Глаза голубые. Ресницы, брови — светлые. Нисколько не похож.

Но чем больше я вглядывалась в Антанаса, тем сильнее проявлялись в нем какие-то внешне, наверно, неуловимые отцовские черточки.

Вот он отдохнул. Собираясь идти, сдвинул брови. Совсем по-славкиному сдвинул. Тоненькие, едва намеченные, они сошлись на переносице. И точно как у Славки, морщинка-стрелка перерезала лоб.

На третьем шагу, силясь сделать четвертый, Антанас закусил нижнюю губу. И Славка так же прикусывает, когда ему трудно.

Воробьи с криком подрались на асфальте. Антанас, крепко держась за скамью, обернулся к ним и засмеялся. Глаза его стали щелочками, как у Славки.

Скамья в сквере длинная — от одного входа до другого. Антанас дошел до меня, остановился, сердито посмотрел в упор. Вот уж это был совсем не Славкин взгляд.

Я отодвинула коляску и встала, давая ему дорогу.

— Как не стыдно, Антанас! — Мать Славки подошла ко мне.— Мог бы пойти обратно.

Антанас и на нее посмотрел мрачным взглядом исподлобья, сказал коротко:

— Не мог.

— Упрямый,— вздохнула женщина и нагнулась к коляске: — Какой славный! Мальчик? Сколько ему?

— Пять месяцев.

— Славный мальчик,— повторила старуха и вздохнула.— И наш был такой же... до болезни. Детский паралич. Теперь-то есть средства. Тогда не было. Вот и...— Она горестно покачала головой.

Вот на свою мать Славка очень похож. Даже клычок из-под верхней губы, когда она говорила, выглядывал — такой же остренький и косенький. Совсем седая. Наверно, добрая. Словоохотливая.

Но что мне теперь до этого?

— Лечим, лечим,— продолжала женщина.— Сын ничего для него не жалеет. Теперь вот на юг надумал. Грязи какие-то, что ли...

Пришли папа с Тоней. Завязался общий разговор о детях, об их болезнях, шалостях и капризах. А Антанас все ходил и ходил. Только уже не три, а два шага всего удавалось ему сделать без отдыха. И все чаще сдвигались светлые бровки, а губа все время была прикушена.

Мне хотелось подойти к Антанасу и помочь ему ходить. Просунуть руки ему под мышки, сцепить их на груди и водить, водить.

«Вот это-то и надо было сделать тогда, в тот солнечный, праздничный день,— с горечью подумала я.— Почему, почему я тогда не спустилась вместе со Славкой?»

Тогда мне было просто очень жалко Антанаса. Теперь я вдруг поняла Славку. Будь это мой сын, я бы тоже брала на вечера «халтурку», чтоб отправить его на юг лечиться. Я бы никогда не потеряла веры в то, что он поправится. Станет такой же, как Вова из скверика возле общежития. Сколько в Анта-

насе упорства! Ходит и ходит, цепляясь за скамейку. Как хочется ему стать таким, как все!

Братик проснулся, расплакался. Мы ушли домой. Я подошла к окну и все смотрела на Антанаса. А он все ходил, ходил.

— В меланхолии что-то дочка,— сказал папа.

— А вот мы ей сейчас поправим настроение.— Тоня сзади подошла ко мне, предупредила: — Не оборачивайся,— и надела что-то мне на голову. Что-то мягкое, пушистое.

Взяла меня за плечи, подвела к зеркалу. Беленькая нейлоновая шапочка — вот что это было. Узенькая, в виде полоски между волосами на лбу и уложенными на затылке косами. Прелестная маленькая шапочка, прикрывающая уши. С темно-красной булавкой для украшения.

Я смотрела в зеркало и думала: «Я это или не я?» Волосы совсем черные. И глаза тоже, хотя они у меня карие. Красивая девушка смотрела на меня из зеркала.

— Ой! — только и сказала я, насладившись этим зрелищем.

— И это еще не все! — лукаво рассмеялась Тоня.— Надень пальто.

Зимнего пальто у меня нет. Когда наступают холода, к воротнику темно-красного демисезонного пальто пристегивается на пуговках старенький котиковый воротник. Тогда пальто становится зимним.

Тоня сняла старый воротник. На его место пристегнула новый — тоже из белого нейлона. Это было изумительно.

— То-оня! — прислонившись головой к ее плечу, пропела я.— Какая ты хо-орошая!

— Правда? — очень довольно удивилась Тоня.— Оказывается,— обратилась она к папе,— наша дочь — продажная душа. И вообще тряпичница и гадкая девчонка, которая напилась на свадьбе.

— Надо бы ее выдрать,— озабоченно сказал папа.— Иначе, вот увидишь, вечером она нарядится в нейлон и убежит на свидание.

— И убегу.

— И наденет, невзирая на погоду, белые туфли на спичках.

— И белые варежки.— И Тоня подала мне свои белые пуховые варежки.

Тоня вертела меня и так и этак. Нашла, что пуговки не на месте. Перешила их. По-другому заколола булавку на шапочке.

— Можешь идти на свидание,— наконец сказала она.— И знай: сегодня ты самая красивая. Надеюсь, он сумеет оценить?

— Сумеет!

Лаймон и в самом деле оценил. Когда я вечером спустилась к нему в вестибюль общежития, он сказал:

— Настоящая снегурочка!

В красном уголке шумели, пели, танцевали наши. Очень хотелось, чтоб Славка увидел меня. И потому я с вызовом стучала каблуками и голову несла, по-моему, очень гордо.

На ступеньках подъезда встретились с Петькой. Он был слегка «на взводе». При виде меня изумленно вытаращил глаза.

— Слушай, а ты, оказывается, ничего себе! — изрек он.

Я прошла мимо, все еще надеясь, что выскочит Славка и увидит меня. Но Славки не было. На мгновение мне стало грустно. Но надушенный Тоней мех так нежно касался шеи, новые, на гвоздиках туфли так ловко сидели на ногах, Лаймон так бережно и вместе с тем крепко держал меня под руку... Словом, грустить не хотелось.

Легкий морозец пощипывал щеки. Мы шли быстро. Лаймон иногда, расшалившись, начинал семенить со мной в ногу. Это было смешно. У самой филармонии мне пришла в голову блажь прокатиться по блестящей, раскатанной ребятами ледяной дорожке. Лаймон бежал рядом, держал меня под руку. Мы хохотали.

Я соскочила с дорожки у самой скамейки. На ней, рядом с Антанасом, сидел Славка. Сидел и смотрел на меня. Боль, зависть, ревность — что это мелькнуло в его глазах?

Пусть боль, пусть ревность, пусть зависть! Так и надо.

Лаймон Славку не заметил, а я нарочно сделала вид, будто падаю. Лаймон поддержал меня, почти пронес несколько шагов.

«Стук-стук-стук!» — с вызовом выбивали мои каблучки. Как хорошо, что на мне белая нейлоновая шапочка, белый воротник, белые туфли. Как хорошо, что Лаймон назвал меня снегурочкой! Как хорошо, что Славка видел меня с Лаймоном!

Тайный голос шептал, что вовсе не так уж все это хорошо. Но я хохотала, вертелась в фойе перед зеркалом — мелькали, переливались складки пышной юбки. Не желаю слушать никаких тайных голосов. Желаю слушать концерт. Московского пианиста.

В таком настроении и увидели меня у входа в зал папа с Тоней.

— Ого, это, кажется, наша дочь! — Папа развел руками.

— Она самая! — ответила я и тряхнула головой.— Тоня, познакомься: Лаймон Лиепа.

Лаймон выждал, пока Тоня первая протянет ему руку. Красиво склонил голову. Немножко даже шаркнул ногой. Что-то во всем этом было нарочитое, показное. Папа иронически прищурился, покосился на меня. Когда к Скайдрите приходили ее поклонники и здоровались вот точно так же, мы с папой говорили: «Вежливо до омерзения».

— А мы и не знали, что вы тоже идете на концерт,— сказал папа, радушно пожимая Лаймону руку.— Жаль. Могли бы сидеть рядом.

— В следующий раз так и сделаем! — заверил Лаймон.

Он, оказывается, рассчитывает на следующий раз! А, собственно, почему бы и нет? И я подтвердила:

— Обязательно.

Играл оркестр. Пели скрипки. Московский пианист, высоко вскидывая руки, бросал в зал бурные аккорды. Я слушала их и не слышала. Тайный голос нет-нет да и звучал назойливо: «Где ты сейчас, Славка? Думаешь ли ты обо мне? Как жаль, что не твое плечо касается сейчас моего».

«Как же! — зло заглушала я этот непрошеный голос.— Пошел бы он с тобой на концерт! В кино еще куда ни шло. На последний ряд, чтоб можно было обниматься...»

— Теперь к нам,— заявил после концерта папа.— Посидим, побеседуем. Бутылочку ради доброго знакомства разопьем. Согласны?

Лаймон склонил голову в мою сторону, предоставляя мне решить: идти или не идти.

— Конечно, идем!

Зашли в магазин. Папа указал на первую попавшуюся на глаза бутылку вина:

— Заверните! — И полез за деньгами.

Лаймон опередил его и заплатил сам. Тогда папа потащил нас в кондитерский отдел и выбрал сухой

вафельный торт в шоколаде. Подмигнул нам с Тоней:

— Кутить так кутить!

У Скайдрите противная привычка: вечно вертеться в кухне и в передней, когда к нам приходят гости. Она и теперь немедленно вылезла из комнаты, прошмыгнула перед самым носом у Лаймона. Конечно, ему ничего не оставалось, как поздороваться.

А когда я вышла потом в кухню, чтобы поставить чайник, Скайдрите на меня набросилась:

— Какой красивый! Глаза черные, волосы золотые! Кто это, Рута?

— Наш строймастер,— ответила я небрежно, словно ничего тут нет удивительного: каждый день ко мне приходят красивые парни.

— Скажи, пожалуйста! И ты его...— Скайдрите сделала жест, означающий «прибрала к рукам».— Молодец! Не ожидала от тебя!

Чем больше она хвалила Лаймона, тем противнее мне становилось. А тут еще разговор между папой и Лаймоном зашел совсем неподходящий. О том, место мне или не место на стройке. Папа утверждал, что не место. И Лаймон с ним соглашается. В таких красках описал вчерашнюю свадьбу, что я не удержалась, перебила его:

— Ну да, водки было много. И что из того? Перепились, передрались, как ты предсказывал?

— Этот шум, галдеж...— брезгливо бросил Лаймон.

— Когда много людей соберется, всегда шумно,— вмешалась Тоня.— Важно, чтоб никто не чувствовал себя чужим.

Тоня права. Я не была чужой на свадьбе. Я и сегодня веселилась бы вместе со всеми, если бы не Славка.

Вспомнила Славку, и опять защемило сердце. Отошла к окну. Редкие огни светились в Славкином доме. Которое из них — твое? Вот это, с большими цветами на подоконнике? Или это, с тюлевыми занавесями? Или, может, это — совсем темное, глухое?

Что-то ты сейчас делаешь, Славка? Мучают ли тебя угрызения совести за вчерашнее?

Моя вина

Нет, они его не мучили. В понедельник пришел как ни в чем не бывало, поздоровался со всеми. И со мной тоже. Петька опять с самого утра куда-то убежал. и по местам нас расставлял Славка. И меня поставил — на вчерашнее место.

Сам взялся за кладку. Напевал, насвистывал. Как всегда. Будто ничего и не случилось. Ох, как меня это злило! Вот ты какой, Славка, оказывается, настоящий-то!

Подошел ко мне Лаймон, и я нарочно, назло Славке, при всех начала очень громко обсуждать вчерашний концерт. Щеголяла музыкальными терминами.

Славка на это даже и внимания не обратил.

Так и пошло день за днем. Как трудно, как больно мне было видеть его и все время помнить: чужой, совсем чужой! Раньше мне весело было собираться на работу — я знала: сейчас увижу Славку. Теперь я шла на работу, как на му́ку. К тому же кладка последнего дома шла к концу, и мне надо было подумать: что же я буду делать целое лето? Во всей бригаде только у меня была одна специальность. Всем остальным безразлично, что делать: кладка так кладка; штукатурка так штукатурка. А мне, наверно, придется опять стать подсобницей.

Может, лучше совсем уйти из бригады? И Славку не буду больше видеть и работать буду по специальности.

Попробовала посоветоваться с Лаймоном.

— Конечно, не в подсобницы же идти,— согласился он.— Знаешь, я, кажется, тебе в этом помогу.

На следующий день он с сияющим видом сообщил:

— Есть место копировщицы. На нашем же участке. И с общежитием все будет в порядке, и стаж не прервется, и работа чистая, спокойная.

Да, все это так. Только... только мне скучно стало при одной мысли, что целые дни я буду снимать копии с чужих чертежей. Не увижу я больше, как тоненькие линии этих чертежей будут превращаться в этажи, в перекрытия, в окна и двери.

— Я подумаю,— неопределенно сказала я Лаймону.— Ведь пока не кончена кладка, я не могу уйти из бригады. А там посмотрим.

В тот же день меня пригласила к себе Ганнуля. Так чудесно это было: видеть обжитой квартиру, в которой кое-что сделано и моими руками. Я находила какие-то, одной мне известные приметы на стенах, на полу. Ганнуля и Тадеуш так и сияют от счастья. Я немножко, пусть самую капельку помогла им. Больше никому не помогу.

Нет, не хотелось мне уходить из бригады! И копировщицей становиться не хотелось. Чего мне хотелось, я и сама не знала.

Тем временем подошел конец кладки дома. Я и Расма вели один общий угол. Она — одну сторону, я — другую. Я впервые делала облицовку силикатным кирпичом и была страшно горда. И обеспокоена: швы должны быть безукоризненными, такими же, как у Славки.

Швы, вот что мерещилось мне даже ночью!

— Молодец! — хвалил мою работу Лаймон.— Какие красивые швы!

— Быстрей! — то и дело подгоняла Расма.— Опять меня задерживаешь! — Завершать угол было поручено ей.

Вот уложен последний ряд. Осталось сделать карнизы. Их клали узорчатыми — вперемежку белые и красные кирпичи. Карниз должен выложить Славка. Сегодня к вечеру он закончит. На завтра заказаны перекрытия.

Славка подошел. Крановщик подал ему контейнер с красным кирпичом. Славка примерился, откуда лучше начать. И вдруг бросил кельму, свесился вниз, поглядел. Нахмурился. Спустил со стены шнурок отвеса и горестно свистнул:

— Брак! Кто клал?

Это была моя часть стенки. Ровненькие красивые швы ничего не спасали. Вверху и внизу шнурок отвеса касался стенки, а посередине на добрых полкирпича оказалась кривая вмятина.

Как это получилось, не знаю. Я проверяла отвесом, часто проверяла. Даже у Лаймона спрашивала:

— Посмотри, правильно?

— Правильно,— одобрял он.

И вот, оказывается, неправильно. Глаз не могла поднять на Славку, так мне было стыдно.

— Разбирать придется.— И Славка снова, уже в другом месте, спустил отвес.

Легко сказать — разбирать! Это сейчас, когда перекрытия на завтра заказаны!

— Может, не стоит? — неуверенно спросил подошедший Лаймон.— Может, не заметит комиссия?

— Глупости болтаешь! — оборвал его Славка и начал сбрасывать верхний ряд кирпичей.

Сбежались ребята. Стояли, молчали. Растолкав их, откуда ни возьмись появился Петька. Светлый шуршащий плащ нараспашку, брюки наглажены, шляпа сбита на одно ухо. Подошел, глянул. Воскликнул трагически:

— Что, брак?!

Свесился вниз — Славка отвес не убрал. Глянул — все сразу понял.

— Чья работа? — и обвел нас всех вдруг ставшими от злости совсем бирюзовыми глазами.

— Моя,— равнодушно бросил Славка через плечо, продолжая сбрасывать кирпичи.

— Шуточки шутишь! — Петька взбесился от Славкиного равнодушного тона.— Я там...— стукнул себя в грудь кулаком,— распинаюсь... За честь бригады, за звание воюю. А вы тут портачить?!

Мне просто страшно стало — не выскочили бы из орбит Петькины глаза, так он их таращил. Опять кому-то подражал. Он последнее время только и делал, что играл разные роли.

— Чья вина, спрашиваю? — Голос Петьки разнесся по всей стройке.

Из соседнего дома, где шла штукатурка, выглянули девчата.

— Твоя! — Славка повернулся к Петьке и, прищурившись смотрел на него в упор. Глаза стали совсем черными.

— Шуточки шутите, товарищ Баранаускас! — У Петьки мерзкая привычка: злясь, он обращается к собеседнику на «вы», и не иначе, как по фамилии, с прибавлением слова «товарищ». Это получается оскорбительно и противно. Так и хочется сказать ему в ответ: «Дурак!»

Славка так и сделал. Ребята расхохотались.

Петьку это ошеломило. Он перешел на свистящий шепот:

— Так. Бригадир, так сказать, дурак. Бригадир виноват, что бракодел запорол стенку. Что еще бригадиру инкри-ми-нируется? — И где подцепил словечко? Сам еле выговорил.

Наверно, от этого слова Славка налился кровью, заорал:

— Вырядился! Шляешься в разгар рабочего дня! А вкалывать, обязанности твои кто выполнять будет? — Он дернул Петьку за распахнутые полы плаща.— Даже не знаешь, кто тут работал. Бри-га-дир! Занимался бы своим делом, небось, не было бы этого! — Лягнул мою злополучную стенку.

— Ах, так. Значит, вы товарищ Баранаускас, бригадиром недовольны? Не устраивает вас бригадир?

— Дурак, вот дурак! — плюнул Славка.

— То, что лично вы, товарищ Баранаускас, недовольны, это нам, как говорится, наплевать и размазать,— говоря так, Петька явно рассчитывал на поддержку бригады. Он даже обернулся, ожидая этой поддержки.

Ребята стояли плечом к плечу. Смотрели на Петьку неодобрительно.

— Хватит, Петро,— примирительно начал Тадеуш.— Славке в самом деле не разорваться. Рута — каменщик молодой. За ней глаз да глаз нужен. А тебя нету.

— Вот оно что!..— Петька повернулся к Славке, не дослушав Тадеуша.— Вот почему бракодела покрываете, товарищ Баранаускас.— Гадкий намек был в его словах. Потом он обернулся ко мне.— Вон из бригады! Духу твоего тут чтоб не было!

Кельма выпала у меня из рук, звонко звякнув о кирпич. А мысль работала на удивление спокойно: «Что ж, может, так и лучше. То бы я колебалась да раздумывала. А так разом все оторвать».

И я пошла было к лестнице.

Но ребята по-прежнему стояли стеной, загораживали мне дорогу.

— Тебя бы, смотри, не потурили,— сквозь зубы сказал Тадеуш, взял меня за руку, поставил рядом с собой. Мое плечо коснулось его плеча.

С другой стороны ко мне придвинулся еще кто-то, словно подпер. А Тадеуш продолжал, и странно было слышать от него не шуточки, а серьезные, очень серьезные слова.

— Ты не ошибался? Или я? Или вот он? — Ткнул пальцем в Славку.— Правильно Славка сказал — твоя вина. На то ты и бригадир, чтоб следить. А тебя нету. Ты рапортуешь. Надоело нам это. Молчали до случая. Теперь хватит!

— Что, может, выгоните? — рассмеялся Петька.

— А и выгоним! — Тадеуш сделал шаг к Петьке.— Нам бригадир для работы нужен, а не для шуму. Славку вот бригадиром выберем.

— Что ж, товарищ Баранаускас давно зарится,— съехидничал Петька.— Все-таки лишние денежки. Опять же и слава.

Славка посмотрел на Грачева тяжелым, неотрывным взглядом. Мне показалось, сейчас ударит. Но Славка сказал неожиданно спокойно:

— А ты и на самом деле дурак, Петька! — Отошел к стенке, надел рукавицы, протянул мне мои.— Давай, Рута, быстренько, пока раствор не схватился.

— Бракодела к работе не допускаю! — Петька вырвал у меня рукавицы.

Славка только зубы стиснул так, что желваки прошли по щекам. Отдал мне свои рукавицы, сам стал работать голыми руками.

— Товарищ мастер,— обратился Грачев к Лаймону,— официально, так сказать, заявляю: или бракодел в бригаде, или я.

— Бросьте, ребята! — Лаймон попытался кончить дело миром.— Вот не вовремя шум затеяли.

— Очень даже вовремя! — вскипятился Тадеуш.— Учили-учили, а при первой же ошибке: вон! Так кидаться людьми — многих скоро не досчитаемся. Пусть уходит к чертовой матери! Нет бригадира, и это не бригадир.

— Правильно! — загалдели ребята.

— Ах, так! — Петька повернулся на каблуках, пошел к лестнице.— Вы еще об этом пожалеете!

— Проваливай! — напутствовал его Тадеуш.— Посиди денек на совещании где-нибудь, авось, на досуге опомнишься!

— Неладно, ребята! — покачал головой Лаймон, когда Петька в развевающемся плаще промчался через двор и скрылся за воротами.

— Помалкивал бы ты! — резко сказал Славка, не глядя на Лаймона.— За брак, что бригадир, что мастер — оба в ответе. Неопытность твою ребята пощадили. Так что молчи уж, набирайся ума! — Он обернулся ко мне.— За дело, Рута!

От Славкиных слов Лаймон как-то скис и тотчас ушел.

Говорят: ломать не делать, сердце не болит. Ох, как болело у меня сердце за каждый сброшенный кирпич! Казалось, вот еще рядок, и хватит. Но Славка спускал отвес, неумолимо твердил:

— Еще!

К концу дня испорченную часть стенки разобрали. Подошел Лаймон, спросил у Славки:

— Может, отказаться от перекрытий? Чем на землю их сгружать, лучше послезавтра уложим.

— Мы с Рутой останемся,— ответил Славка,— и к утру все поправим.

— Может, лучше из ребят кого оставить?
— Мы с нею виноваты. Нам и исправлять.
— Ты-то при чем?
— При том. Должен был смотреть...

Лаймон потоптался, ушел вниз. Разговаривали они, не глядя друг на друга. И мне было неприятно, больно слышать все это и видеть.

Трудная ночь

И вот мы вдвоем со Славкой. Я расстилаю раствор, раскладываю кирпичи. Славка укладывает их на место, обрабатывает швы.

Часа два работали молча. По временам Славка насвистывал. Потом снял рукавицы, сел на край ящика с раствором.

— Давай, Рута, перекурим. Садись! — Положил на край ящика свои рукавицы, показал мне на них.

Если я сяду, обязательно коснусь его плеча. Сажусь, стараясь не коснуться. И, конечно, касаюсь.

— Вот что, Рута,— начал Славка, и сердце у меня замерло.

А он долго молчал. Спросил неожиданно:

— Деньги у тебя есть? Здесь, с собой?

— Нету.

— На.— Вынул из кармана трешку.

— Зачем? — недоумеваю я.

— Сбегай в магазин. Купи чего-нибудь поесть. Сахару купи. Чай согреем.

Вот и все, что он мне сказал. Стоило волноваться!

Сходила в магазин. Снова работали, пока не стемнело. И странно — ничуть я не устала. Могла бы работать и работать. Но Славка сказал:

— Все. Пойдем чай греть.

Неловко, трудно было нам с ним наедине в конторке. Ужинали молча. Гудел в печурке огонь.

— Устала? — спросил Славка и посмотрел на меня теплым, добрым взглядом.

— Нет.

— Устала, чего там. Ложись спать, вот сюда, на лавку. Ближе к печке: теплее.

Ребята, которым приходится ездить на работу в трамвае, оставляют в конторке ватные куртки. Славка принес две куртки, свернул, положил мне вместо подушки.

— А тебе? — спросила я и, волнуясь, ждала ответа. Вдруг он скажет: «А я рядом». Но Славка сказал:

— Я по-солдатски. Ложись.— И вышел из конторки.

Легла. Прижалась к стенке. Половина лавки осталась пустая. Войдет, увидит, поймет. Лежала и вся дрожала, хотя в конторке было жарко.

Славка долго не шел, словно давал мне подумать. Но я ни о чем не думала. Я только ждала его.

Наконец вошел. Погасил свет. Осторожно сложил у печки дрова. Набил ими печку. Сел перед открытой дверцей. Закурил. Как он может спокойно курить? Нескончаемо тянулись минуты.

Славка бросил окурок в печку, закрыл ее. Стало совсем темно. По шороху догадалась — снимает куртку. Один за другим со стуком упали на пол сапоги.

И он ложится... на соседнюю лавку. Слушаю, как он дышит. И он тоже не спит — тогда дышал бы ровно, глубоко. А он затаился. Нет, не спит.

Гудит в печке пламя. Потрескивает что-то в жестяной трубе.

Лежу и беззвучно плачу, плачу в жесткую свою подушку. Плачу до изнеможения. Со Славкиной лавки не доносится ни звука, ни скрипа. Наверно, уснул. Незаметно засыпаю и я.

Просыпаюсь оттого, что в печке весело потрескивают дрова.

Я одна. Славки нет. Только куртка его лежит у меня на ногах.

Робкий рассвет смотрит в окошко. Встаю. Умываюсь.

На печке горячий чайник. Но до еды ли мне? Иду во двор.

— С добрым утром! — приветствует меня сверху Славка.— Как спалось? — Мне чудится издевка в его голосе.

— Спасибо.

И снова я расстилаю раствор, кладу кирпичи. Славка укладывает их в стенку. Поторапливает:

— Жми, Рута, жми! До прихода ребят надо закончить!

Вот и красные кирпичи пошли вперемежку с белыми. Славка остановился передохнуть, закурил. Выпустил несколько красивых колечек дыма, последил за ними глазами. Потом глянул на меня. Только теперь я заметила, какие усталые, обведенные кругами у него глаза. Посмотрел, отвел взгляд.

— Вот так, Рута.— Будто подвел последнюю черту под нашими отношениями.

Все виноваты!

Удивительный человек наш начальник участка Иван Алексеевич. Иногда смотришь на него — старик стариком. Голова совсем белая, с коротко остриженными волосами, круглая, как шар. Припухшие веки того и гляди опустятся на глаза, уснет на полуслове. Губы вялые, стариковские. Вид безразличный, равнодушный, усталый. А то вдруг, вмиг на глазах переменится, словно живой водой его спрыснули. И тогда глаза становятся совсем молодые, с хитрецой. Улыбается, шутками сыплет направо и налево.

Вот таким и явился он к нам в это утро. Наши еще не собрались. Мы со Славкой сидели в конторке. Иван Алексеевич посмотрел лукаво:

— Рано, рано пришел, Баранаускас. С девушкой! — Подмигнул веселым карим глазом.— И то пора кончать холостую жизнь.

Славка шутку не принял, суховато объяснил, в чем дело.

— Ай-яй! — Иван Алексеевич покачал головой-шаром.— Все исправили, говоришь? Как следует? Пойдем-ка, посмотрим.

Пока они ходили по стройке, собрались наши. Только Петьки не было.

— Устала? — пытливо глядя мне в глаза, спросил Лаймон.— Шла бы спать.

Какой там сон! Я насилу наших дождалась. Все-таки с ними легче мне!

— Буду работать,— ответила я Лаймону.

Явились начальник и Славка. Ребята взялись было разбирать инструмент, рукавицы.

— Погодите,— сказал Иван Алексеевич.— Разговор есть. Садитесь.

Вытащил из кармана очки, лист бумаги, на котором что-то было напечатано на машинке.

— Вот такой приказ, ребята.— Начальник переглянулся с Лаймоном.— Параграф первый. Бригадира третьей бригады Грачева П. Е., согласно его личной просьбе, перевести бригадиром в отстающую пятую

бригаду. Параграф второй. Бригадиром третьей бригады назначить каменщика Баранаускаса Ч. А.

Вот уж словно обухом по голове. Сидим, не смотрим на Ивана Алексеевича.

Он глянул поверх очков, сказал:

— Так я и знал: устроите панихиду. Нехорошо, ребята! Народ сознательный, понимаете, что у вас две матки в одном улье. А там, в пятой, худо. Понимаю, жалко вам Грачева. Но вот он-то, Грачев, сам понял: надо.

Иван Алексеевич долго распространялся, какой-де, Грачев хороший, как он поднимет пятую, отстающую.

У меня тоскливо сжималось сердце. Как же так? Если б Славка вызвался в пятую, отстающую, я бы это поняла и приняла. Но Петька, лопающийся от важности! Что же он-то может сделать там полезного?

Ребята молчали. Я подумала, что неправа. Они лучше меня знают Петьку. А я сейчас просто зла на него за вчерашнее, хотя во всем сама виновата. И если Тадеуш вступился за меня, то, наверно, потому, что пожалел. Куда бы я пошла со своим вторым разрядом, я, не умеющая проверить вертикальность стенки по отвесу?

И все-таки что-то во мне противилось, не соглашалось с мыслью, что Петька Грачев идет на помощь в отстающую бригаду.

Тем временем Иван Алексеевич оглядел нас еще раз по очереди, спросил устало:

— Ну, что ж молчите?

И тогда звонко, на всю конторку, расхохоталась Расма.

— Ой, не могу! — выкрикивала она.— Наш Петька — гагановец! Ха-ха-ха!

Тадеуш толкнул ее: заткнись. Расма расхохоталась еще пуще.

— Не вижу ничего смешного! — проворчал Иван Алексеевич.

— Господи,— Расма насилу уняла смех,— да мы вчера выгнали его из бригадиров! Выгнали, понимаете, Иван Алексеевич! — Расма снова рассмеялась.

— Не болтай, Расма, чего не надо! — оборвал ее Тадеуш.

— Чего не надо? — изумилась Расма и вскочила.— За звание коммунистическое соревнуемся! — закричала она зло.— Сознательные! Из своей бригады вытурили, а в чужую, в плохую, иди на здоровье! Так и быть, смолчим, каков ты есть, Петька Грачев! Сору из избы не вынесем! Так?!

— Что тут у тебя происходит? — Начальник обернулся к Лаймону.

— Да ничего особенного, Иван Алексеевич... Брак случился...

— Знаю.

— Ну, Грачев погорячился. Ну, повздорили немножко.

— И все?

— Нет, не все! — Расма сорвала с головы косынку, тряхнула волосами, с презрением глянула на Лаймона. Перевела взгляд на Славку.— Ты-то что молчишь? Лучше я о тебе думала, Славка Баранаускас!

— Ну, Баранаускас? — строго спросил Иван Алексеевич, нахмурив густые, совсем белые брови.

— Пусть ребята,— угрюмо ответил Славка.— Я не буду. И так Грачев считает, что я под него копаю.

— Ну, братцы, я вижу у вас в самом деле неладно!

— Я расскажу,— сорвалась с места Ганнуля.

Она начала издалека, с тех времен, когда Петька сколотил бригаду. Иван Алексеевич согласно кивал седой головой: да, да, так было. Я недоумевала: что же это? Ганнуля защищает Петьку?

Нет, она не защищала. Просто Ганнуля не могла, не умела быть несправедливой. Да, когда-то Грачев был душой бригады. Теперь все изменилось. Ганнуля вспомнила и о том, как Петька начал бегать по совещаниям, отлынивать от работы. Как стал поднимать шумиху, как бригадирские обязанности свалил на Славку, а сам только рапортовал.

— Вы, Иван Алексеевич, тоже в этом виноваты,— сказала в заключение Ганнуля, и Иван Алексеевич невесело кивнул.— И мы все тоже виноваты: не одернули вовремя. Вот он и надумал теперь в гагановцы податься. Все равно из бригады уходить. А так со славой.

— Правильно Мацкевич сказала? — спросил Иван Алексеевич, рисуя пальцем узоры по клеенке.

— Правильно,— дружно, с облегчением вздохнули наши.

— А ты что скажешь? — спросил начальник у Лаймона.

— Трудно мне судить... Человек я новый, неопытный...

— За это не спрячешься,— перебил его Иван Алексеевич.— Нехорошо, Лиепа. Нехорошо, что вчера промолчал.— Снова поводил пальцем по клеенке, подумал, вздохнул.— Да-а... Кое-что, конечно, замечали мы. Да вот значения не придали. Хорошо хоть Расма не смолчала. Очень хорошо.— Укор всей бригаде был в этих словах.— Ну, а что дальше? Как сами-то думаете? Не пойдет Грачев рядовым каменщиком. Совсем уйдет. Работник хороший, на все руки. Жалко терять.

— Есть такая штука,— вмешался Славка,— партийная дисциплина называется.

— Есть,— согласился Иван Алексеевич и рассмеялся:— А заберу я тебя однажды, Чеслав, в самую что ни на есть отстающую. В том же порядке, а?

— Надо будет, что ж.

— Учту. Так вот, ребята, ничего пока решать не станем. Соберем партбюро. Как оно решит, так тому и быть. Чеслав прав.— Снял с телефона трубку, набрал номер.— Пятая? Грачев? Давай-ка срочно на участок!

Сплошные объяснения

Все-таки не спать ночь, а потом отработать день — трудно. Пришла домой, даже ужинать не захотелось. Насильно заставила себя переплести косы — два дня их не расчесывала. Сидела перед зеркалом, лениво водила расческой, когда вошла Расма. Увидела мою разобранную постель, спросила с насмешливой нежностью:

— Что, уже баиньки?

Я не ответила.

— Еще бы,— тем же нежным голоском продолжала Расма,— девочка устала! Измучилась девочка.— Прищурила серые свои глаза, посмотрела на меня с ненавистью и уже совсем другим, откровенно издевательским тоном продолжала: — Еще бы, с таким парнем, как Славка, ночку пробыть — потом сутки проспишь без просыпу. Ишь, синяки какие! — Провела пальцем у меня под глазами.

Наверно, надо было сказать ей, что синяки потому, что я плакала перед сном. Но разве она поверит? Да и что мне с нею спорить? И я опять промолчала.

— Когда же свадьба-то? — продолжала издеваться Расма.— Или так будете? Тоже неплохо.

— Что тебе надо от меня, Расма? — не выдержала я.

— Мне? А ничего. Завидую, и все тут.

Эх, Расма, Расма, знала бы ты! Скорей бы уж хоть заплести косы и лечь. Рванула по волосам расческой, запутала их.

— Небось, нравятся ему косы-то? — не без одобрения глядя на мои волосы, спросила Расма.— Ишь, как запутал. Расплетал, небось? Они, парни любят, когда косы. И расплетать любят.

Однажды, в те далекие счастливые времена, когда я с трудом двигалась по комнате, Славка в самом деле расплел мне косу и все удивлялся, почему такие теплые волосы. Теперь я с болью вспомнила это и закричала:

— Перестань, ну, перестань, Расма!

— Не перестану! — Она встала посередине комнаты, под люстрой, сорвала косынку и тряхнула волосами. Вот у нее они никогда не путались, не мялись под косынкой.— Чем мои хуже? А он и не глядит!

Мне показалось: сейчас она заплачет. Но Расма не заплакала. Зло сверкая на меня глазами, она продолжала:

— Железный он, Славка. Уж если не любит, ничего не получится. Разве бы я его спросила: женишься на мне, не женишься? А вот не любит. И на ночь на одну даже я ему не нужна.

«Как ты права, Расма! Как права! Не любит, вот в чем дело». «Вот так, Рута»,— вспомнились мне Славкины слова. А ведь я, как и Расма, готова была сегодня на все...

— Ненавижу я тебя! — выкрикнула Расма и выскочила из комнаты.

Меня всю трясло. Насилу разделась, легла. Не успела как следует накрыться — стук в дверь. Осторожный, вкрадчивый стук. Так стучит только Лаймон.

С порога он холодно на меня посмотрел.

— Извини, что потревожил. Но нам надо кое-что выяснить.

Я до подбородка натянула одеяло. Не хочу никаких выяснений.

Лаймон, не дожидаясь приглашения, взял стул, сел рядом с кроватью. Долго вглядывался в мое лицо.

— Я должен знать все, Рута,— с пафосом сказал он наконец.— Я ночь глаз не сомкнул. Как ты могла... согласиться?

— На что согласиться?

— Пробыть с ним ночь... Ты... ты близка с ним, Рута? Скажи прямо, и я больше никогда не подойду к тебе.

Я молчала. Мне нечего было ему сказать. А он взмолился:

— Не молчи. Скажи хоть что-нибудь! Ты же знаешь, я люблю тебя... Не могу я больше...

Мне стало жалко его. И немножко противно: парень, по-моему, никогда не должен унижаться вот

так. Всегда был ко мне таким добрым. В самые трудные времена. Я выпростала из-под одеяла руку, погладила его по волосам.

— Ты не прав, Лаймон.

— Правда? — Он с невероятной легкостью перекинулся от отчаянного горя к отчаянной радости.— Правда? — Просунул руки под мою подушку, поднял меня вместе с нею, еще раз спросил: —Правда?

— Правда.

Тогда он отшвырнул одеяло и стал целовать мои плечи, шею. Я с трудом высвободилась, натянула одеяло. Не то, чтобы мне противен был его порыв, мне жутко стало. Чем-то это напомнило наш со Славкой разговор на балконе.

— Иди, Лаймон,— сказала я.— Я очень устала.

Наверно, голос мой звучал очень уж невесело. Лаймон торопливо согласился.

— Да, да, понимаю... Но... как же все-таки с новой работой? Кладка теперь кончена... Надо решать.

— Потом... Завтра.— Мне так хотелось, чтоб он ушел. И как он не понимает: теперь, когда ребята заступились за меня, как могу я уйти из бригады! Не хочу я уходить из бригады.

Опять моя вина!

Не шутка — снять с работы лучшего бригадира. Целую неделю тянулся разбор «дела Грачева». Как знать, не подай Петька заявление о переводе в пятую, в отстающую, так бы все и обошлось. Даже и сейчас — пойми он свою неправоту — тоже простили бы. Но Грачев, как и предсказывал Иван Алексеевич, подал заявление об увольнении. И на работу не ходил. Словом, было вынесено решение: объявить выговор за зазнайство, просить начальника снять Грачева с должности бригадира и оставить в той же бригаде — для перевоспитания.

Петька явился на работу с видом невинно пострадавшего. Ни с кем не разговаривал. Обедать садился отдельно. К Славке обращался на «вы» с прибавлением слов «товарищ бригадир». На меня смотрел, как на пустое место. К счастью, мы с ним почти не встречались: Славка прикрепил меня к Ганнуле — учиться штукатурному делу.

Расма расценила это по-своему: поберег, не перевел в подсобницы. Да, кажется, и Ганнуля подозревала, что тогда Славка не зря остался со мной на целую ночь. Ребята отпускали по моему адресу шуточки.

По вечерам Расма просто изводила меня. Папа с Тоней и братиком, пользуясь ранней и теплой весной, перебрались на дачу. А я стала ночевать в их городской квартире.

Мне было бы совсем плохо и одиноко, если бы не Лаймон.

И вот опять-таки из-за меня произошла очередная ссора Славки и Лаймона. Они вообще все время не ладили. При Петьке Лаймон знал одно: с его слов составить наряды. А Славка стал требовать: доставай материалы, воюй с монтажниками, затягивающими монтаж водопровода и канализации. Стычки между Лаймоном и Славкой происходили чуть ли не ежедневно. Лаймон не раз говорил:

— Нет, с ним я не сработаюсь,— и прозрачно намекал, что это из-за меня.

А тут, как назло, испортился растворонасос, которым подают штукатурный раствор на этажи. Славка разобрал, вынул какую-то деталь, подал ее Лаймону:

— Новую надо. Закажи.

Я точно знаю, что Лаймон ездил в мастерские. Но прошло несколько дней, а детали все не было. Мы таскали раствор вручную. Не успеешь принести тяжеленный ящик — смотришь, он уже опустел.

От бесконечных хождений по лестницам у меня распухла, стала ныть нога.

И вот несли мы с Ганнулей раствор. Встретили Славку и Лаймона. Славка подошел, отобрал у меня ручки ящика.

— Когда же все-таки будет деталька, а? — набросился он на Лаймона.— Девчата все руки поотрывали!

— Звонил не раз.— Лаймон пожал плечами.— Не готова.

— Слушай,— Славка недобро прищурился,— ты что, маленький? Что ты, ей-богу, дурачком прикидываешься? Вот сию минуту поезжай и без детали не возвращайся.

— Я строймастер, а не курьер, товарищ Баранаускас,— резко ответил Лаймон и направился в конторку.

— От тебя пользы меньше, чем от курьера! — крикнул ему вслед Славка.— А ты,— он обратился ко мне,— к врачу хоть бы сходила. Какой день хромаешь. Сейчас же поезжай. Пошли, Ганнуля.

Врач отругал меня. Выдал на три дня больничный лист и строго приказал: лежать!

И я лежу. На старом своем диванчике. Портрет мамы смотрит на меня с этажерки.

Мой старый дом! Ты совсем не изменился. Зато я стала другая. Мне короток и узок стал диванчик. Раньше я не замечала, что ноги мои упираются в один валик, а голова — в другой. Неужто я все еще расту?

За дверями два звонка. Ко мне. Лаймон. Стучат по коридору каблучки Скайдрите. Она сладко воркует:

— Да, да, дома! Прошу вас! — Она «до омерзения вежлива» с Лаймоном.

Она завидует, что у меня такой красивый «кавалер».

— Привез! Детальку-то! — с порога объявил Лаймон.

— Ну? Ты просто молодец!

— Не я. Славка. Только что. И героически остался на весь вечер монтировать. Судьба отечества зависит от того, сделает он к утру растворонасос или нет.

Он садится ко мне на диван и выкладывает все то, что накипело у него против Славки. Я терпеливо слушаю. Возражать бесполезно. Стоит возразить, и разговор приобретет другой оборот: Славка потому «ест» Лаймона, что не может простить, как это Лаймон из-под самого носа «увел» меня у него.

Я молчу. Но и без моей помощи очень скоро Лаймон приходит к тому же выводу:

— Мстит за тебя. Ничтожный человечишка!

Я тихонько вздыхаю: эх, Лаймон, Лаймон, знал бы ты!

— Словом,— решительно заявил Лаймон,— все решено: ухожу. Хватит! Присмотрел местечко в проектном институте.— Следует длинное название, из которого я улавливаю куски: гор... гипро... строй...— Да, повода уйти не было. Теперь есть. Поставлю завтра ультиматум: или я, или Баранаускас. Конечно, ради меня, инженера, каменщиком Баранаускасом не пожертвуют.— Издевка в голосе.— А мне того и надо!

«Гордости у тебя нет, вот что. Скоро год, как ты у нас. И хоть бы раз стало стыдно, что даром получаешь деньги!» — Это я так думаю, но почему-то молчу.

Пока Лаймон в радужных красках обрисовывает свою будущую деятельность на ниве проектирования, я думаю о том, что мучает меня с тех пор, как кончилась кладка стен. Я снова ученица. А платят мне, как каменщику второго разряда. Все ребята, вся бригада доплачивает мне из своих заработков разницу между ученической и средней ставкой каменщика. Я попробовала было сказать Славке, что мне это неудобно, что это несправедливо. Он глянул на меня с насмешкой.

— Ничего, отработаешь. Не ты последняя у нас ученица,— вот что он мне ответил.

И осталось мне одно: как можно скорее научиться штукатурить. Вот и сейчас, до того, как задуматься, я читала книжку по штукатурному делу. Составы растворов в зависимости от условий работы.

Не успел Лаймон выговориться, пришел папа. Лаймон пересел на стул.

— Что? Заболела? — встревожился папа.

Лаймон ринулся объяснять, в чем дело. И вышло, что во всем виноват зверь-бригадир. И вывод:

— Да, да, вы правы, надо ей уходить. С больной ногой такая работа...— Лаймон развел руками.— А она, видите, еще и сейчас все это штудирует.— Поднял мою книжку, показал ее папе.

Ну, сейчас начнется! Будут «обрабатывать» меня вдвоем! Но папа развернул, полистал книжку и неожиданно вступился за меня.

— Что ж, это хорошо, что Рута не теряет времени даром. Раз уж она твердо решила стать строителем, надо быть хорошим, знающим строителем. Ты ела что-нибудь, дочка?

Киваю на начатый батон.

— Ну, что это за еда! Сейчас...— И он извлекает из портфеля кульки и пакеты, шутит: — Преимущество «дачного мужа» — продукты всегда при себе.

После ужина папа многозначительно посмотрел на часы:

— Ого! Пожалуй, есть смысл ночевать здесь!

Лаймон понял намек и ушел.

— Часто он у тебя бывает? — спросил папа.

— Н-нет... Да... Не очень... А что?

— Ничего.— Лицо папы непроницаемо, но я знаю, что все три варианта моего ответа ему не нравятся.

Папа посидел еще минут десять. Опять взглянул на часы:

— Может, все-таки, поехать, а?

Милый, нескладный папка-дипломат!

Мой день рождения

Хорошо было просыпаться в детстве в свой день рождения. На спинке стула возле дивана висит новое платье: мама всегда дарила мне в этот день новое платье. На стуле подарок от папы. Тебя весь день только и делают, что поздравляют. Не успеешь открыть глаза — уже поздравляют.

Я забыла, что детство кончилось. Лежу с закрытыми глазами и жду: сейчас кто-нибудь скажет: «Поздравляю, Рута, с днем рождения!»

Но поздравлять некому. Не три, а целых десять дней сижу я дома. Стоит немножко походить, и нога начинает болеть.

Надоело лежать.

Из бригады иногда прибегает Ганнуля. У них там «холодная война» с монтажниками, которые волынят с устройством водопровода и канализации.

Вчера Ганнуля рассказала, как монтажники едва не «объегорили» Славку. Подсунули ему такой график, из-за которого потом вся бригада могла простоять. Если бы не Петька, Славка и подписал бы этот график. Но неожиданно для всех и главным образом для бригадира монтажников вмешался Петька. Поднял крик, изругал бригадира монтажников, а заодно и Славку. Вызвал Ивана Алексеевича. Тот во всем разобрался и при всех поблагодарил Петьку.

— Знаешь,— смеялась Ганнуля, рассказывая,— мы думали, ну, опять начнет зазнаваться. А он ни слова не сказал, взял топор и полез на крышу.

Я слушаю рассказы Ганнули и страшно, невыносимо тоскую по бригаде. Никогда не думала, что можно так тосковать!

Вот ведь Лаймон — тот и не вспоминает о наших. Перешел в свой «гор... гипро... строй» и хоть бы раз о ком-нибудь из них слово сказал!

А я больше не могу. Сегодня пойду к врачу. Потребую, чтоб выписал на работу.

Будет трудно. Стоит жара. С самого утра небо белесое, выгоревшее от беспощадного солнца. Солнцем залита и вся наша комната. Но тут я могу спустить шторы или пойти и выкупаться под душем. А что можно сделать на стройке?

Мне уже сейчас жарко. Сажусь на подоконник, смотрю вниз, на сквер. Там цветет сирень. От жары грозди ее вяло повисли и пахнут особенно сильно.

Между кустами иногда вижу возле скамейки Антанаса. Ходит и ходит. Мне кажется, он стал лучше ходить. Или это потому, что одет полегче — в сандалиях, в длинных сатиновых брюках. В коротеньких штанишках я его никогда не видела, наверно, очень уж страшны его тоненькие, слабые ножки. Мне хочется спуститься вниз и заговорить с Антанасом. Но я не разрешаю себе этого. Зачем? Теперь уж совсем незачем.

Как-то я спросила у Ганнули о Славке. Она отвела глаза и перебила меня, слишком горячо стала рассказывать об успехах Тадеуша в вечерней школе. Наверно, она что-то знает. Раз уклонилась от разговора, значит... значит ничего хорошего ждать не приходится.

Лаймон по десять раз за вечер говорит мне «люблю». Слово это перестало для меня звучать, стало обыденным. Все равно как Скайдрите бы сказала: «Люблю сливочное мороженое». А Славка никогда, ни разу, даже в самые лучшие наши с ним минуты, не сказал мне этого слова. Никогда он меня и не любил. И не надо сквозь листву стараться увидеть Антанаса. Не надо ничего вспоминать.

Вот схожу к врачу и отправлюсь к нашим на дачу. Тоня накроет стол под кустами сирени. И начнется мой день рождения. Наверно, к моему приезду Тоня испечет пирог. А папа воткнет в него целых девятнадцать свечек.

...Все так и было. И ужин в саду, и пирог, и свечки.

— Подарок за нами,— виновато сказал папа.— С получки, хорошо?

Папе, наверно, было очень неловко и больно, когда вдруг нагрянул Лаймон и с торжествующим видом вручил мне полиэтиленовый плащ. Именно такой, как мне хотелось: серый с перламутровым отливом. Как тут было не растрогаться?!

Потом мы с Лаймоном ушли к морю. Сели на скамейку, на самом гребне дюн.

Солнце опускалось в море. Огромное, красное. Море совсем спокойно, и красная дорожка от солнца почти не колеблется. Вдоль берега движется яхта под парусом. Парус весь розовый от закатных лучей. Тихо. Спокойно. И грустно.

У нас в бригаде заведено дни рождения праздновать вместе. Когда приближается чье-то рождение, Тадеуш с таинственным видом собирает деньги на подарок, на праздничный ужин. «Рожденник» или «рожденница» делают вид, что ничего не замечают. И фальшиво изумляются, когда их поздравляют.

О моем дне рождения забыли. Стоило на несколько дней исчезнуть — и забыли. Единственный человек, кто вспомнил, кто со мною в этот вечер,— Лаймон. Но и он недолго пробудет: завтра рано утром ему надо ехать на изыскания на несколько дней.

Словчо угадав мои мысли, Лаймон сказал:

— Как буду скучать без тебя, Рута! — Взял, погладил мою руку.— Я все время без тебя скучаю. Очень плохо одному... Пустая квартира. Ни звука ниоткуда...

Мне представляется эта огромная квартира — высокие холодные лепные потолки. Никогда я там не была, но пустота этой квартиры меня уже теперь гнетет. Мне хочется как-то подбодрить Лаймона, и я глажу его по рукаву. Лаймон накрывает мои пальцы своими. Сидим и молчим.

Последний пылающий краешек солнца нырнул в море. Только высокая, далекая, узенькая грядка облаков еще рдеет в небе. Медленно, незаметно гаснет и она. Ни день, ни ночь. Все стало смутным, неотчетливым. То вспыхнет, то снова исчезнет тревожный огонь маяка.

— Как было бы хорошо,— шепчет Лаймон,— уехать сейчас вместе... Правда? — И он чуточку сжал мои пальцы, заглянул мне в глаза.

В смутном серебристом свете лицо его кажется белым-белым. Только глаза совсем черные, ярко блестят. Прядка светлых волос упала на лоб, и он отбросил ее нетерпеливым движением головы.

— Ни ты, ни я,— все так же шепотом продолжал Лаймон,— никогда бы больше не были одни. Хорошо, правда?

Не вдумываясь в смысл его слов, будто загипнотизированная тишиной, бледным свечением то ли неба, то ли моря, я согласно киваю.

— Давай уедем? — Лаймон до боли сжал мои пальцы.— И будем всегда вместе. Рута!

Я молчу. Я не знаю, что ему сказать. Мне не хочется говорить.

— Всегда вместе, какое счастье! — горячо, громко говорит Лаймон.— Чтоб всегда было вот так, как сейчас. Так тихо.

Тихо? Да, тихо. И у меня на душе тоже тихо. Может быть, это и есть счастье? Может быть, и не надо, чтоб казалось: раскинь руки — и полетишь, как птица?

Вот Тоня и папа. Что же у них главное? В чем их счастье? Не такая ли вот тишина? Разве похоже, что папа мой способен раскинуть руки и мысленно полететь от счастья? Мой спокойный, всегда чуточку иронически настроенный папа? Или Тоня. Ведь она такая еще молодая. А вот спокойна. Нужны ли ей «полеты»? Или тоже главное для нее — тишина?

— Рута, Рута! — Лаймон поднял мои руки к своему лицу, потерся о них щекой, разжал и поцеловал ладони.

Мне стало щекотно, и я тихонько засмеялась. Он поднял голову, прерывающимся голосом сказал:

— Вместе... Всегда вместе... Рута. Пусть никогда... никогда не кончается этот вечер...

Пусть. Только почему же вдруг все стало таким смутным, неотчетливым?

Тоня и я

По дорожке от дачи шли к нам папа и Тоня. У папы через плечо переброшено мохнатое полотенце: он любит купаться перед сном.

Лаймон вскочил. Два-три широких шага, и он рядом с папой.

— Поздравьте нас! — торжественно сказал Лаймон.— Мы с Рутой решили пожениться!

Господи, так вот что он имел в виду, когда твердил: «Всегда вместе»! Я как-то не подумала об этом. Теперь у меня быстро, тревожно бьется сердце.

Папа молчал. Выражения его лица я не видела. Да и неловко мне взглянуть на него. И что мне делать, я не знаю. Лаймон взял меня под руку, подвел к папе. Папа смотрел вниз, на песок. На лбу сбежались к переносице морщинки. Тоня крепко держала его под руку. С папиного плеча медленно ползло, ползло на Тонину руку полотенце...

— Поздравляю,— сдавленным голосом сказал наконец папа.

Как трудно далось ему это слово! Поднял на меня глаза, и мне показалось, что в них блестят слезы. Я хотела сказать, что ничего не решено. Что я не так поняла Лаймона. Хотела сказать и не могла. Смогла только уткнуться лицом папе в пижаму. Он крепко прижал к себе мою голову. А сердце его быстро, сильно стучало мне в самое ухо.

— Вот ты и выросла, дочка.— И эти слова папа произнес с трудом.

Все вчетвером мы сели на скамейку. С одной стороны подпирало меня папино плечо, с другой — Лаймона. Я жалась, жалась к папе, и страх закрадывался в мое сердце.

Лаймон начал говорить. О том, как он любит меня. Как хорошо нам будет вместе. Какая прекрасная у него квартира. В ней до сих пор одного не хватало — меня.

И чем горячее говорил Лаймон, тем страшнее мне делалось. Чудилось, не Лаймон говорит, а Скайдрите.

Потом папа и Лаймон пошли купаться. Я подсела поближе к Тоне. Она обняла меня.

— Тебе было страшно, Тоня, когда ты... когда вы с папой?..— спросила я и заглянула ей в лицо.

— Нет! — быстро, уверенно ответила Тоня, и глаза ее просияли.— Разве может быть страшно, когда любишь? — Она помолчала и добавила: — Мне очень страшно было, когда я в первый раз шла... к вам.

Она опять помолчала, сжала мои плечи.

— Почему ты так спросила? Тебе страшно?

— Не знаю... Кажется...

— А ты... ты не поторопилась? — осторожно спросила Тоня.— Ты счастлива? — Теперь Тоня испытующе смотрела на меня.

— Не знаю... Мне все время было... так спокойно...

— А теперь? Стало страшно, да?

Я кивнула.

— Рута! — горячо заговорила Тоня, и я удивилась этой горячности: Тоня всегда такая уравновешенная.— Рута, может, не надо? Я хочу сказать: не надо спешить? Тебе только девятнадцать. Что ты знаешь о любви?

— Знаю! — ответила я.— Знаю! Тоня, я хочу... мне надо... надо поговорить с тобой. Уйдем, пока он не вернулся. Уйдем!

Тоня молча поднялась и быстро пошла вниз, с гребня дюн, в противоположную от моря сторону, сквозь заросли мелких кудрявых сосенок. Она шла так скоро, что я едва поспевала за ней.

— Вот тут... хорошо... будет...— прерывистым после быстрой ходьбы голосом сказала Тоня и бросила на землю свою вязаную жакетку.— Садись.

Мы сели. Я не знала, с чего начать. Я уже жалела о своем порыве. Как, какими словами рассказать Тоне о Славке? И надо ли рассказывать?

Здесь, за дюнами, в зарослях молодых сосенок, было темнее, чем на нашем старом месте. Сквозь кусты светились окна дач. Неслась откуда-то негромкая музыка. Тянуло ветерком с моря, и верхушки сосен шумели над головой.

— Знаешь, почему я привела тебя вот сюда? — спросила Тоня.

Откуда же мне знать?

— В ту весну, когда мы познакомились с папой, я почти сразу же уехала в дом отдыха. Видишь окно с полузадернутыми занавесками? — Она показала на ближайший дом.— Тогда это было мое окно. Папа приехал. Нашел меня и подошел к окну. И я выпрыгнула к нему...

Я не видела лица Тони, но по голосу чувствовала, что она улыбается при этом воспоминании.

— Взяла и выпрыгнула. Почему? Как тебе сказать? Я очень была счастлива, что он меня разыскал. Я не давала ему адреса... И все-таки он меня нашел. Я была так счастлива, что мне хотелось... хотелось выкинуть что-нибудь необыкновенное. Помню, когда я перебросила ноги через подоконник и папа протянул ко мне руки, мне показалось: сейчас я полечу...

Я вздрогнула от этих ее слов. Мы как будто стали с нею во всем равны.

Сбиваясь, перескакивая с одного на другое, я стала рассказывать Тоне о Славке. Все, начиная с той минуты, как я впервые увидела его стоящим на одном колене в залитой солнцем комнате, и кончая тем, как он прогнал меня к врачу и отобрал у меня ручки тяжелого ящика.

Лаймон долго кричал: «Ру-ута! Ру-ута!» Я прижалась к Тоне. Она пригнула мою голову, будто спрятала меня, и шепнула:

— Молчи! Не отзывайся.

Папин голос сказал где-то совсем рядом:

— Наверно, пошли домой. Малыш один, и жена, вероятно, беспокоилась.

Лаймон еще раза два окликнул меня, и все стихло.

Мне было больно и стыдно рассказывать о нашем со Славкой разговоре на балконе, о том, как я плакала ночью в конторке. Но я ничего не утаила.

— Сильный какой человек! — с уважением сказала Тоня.— Очень сильный.

Я подумала, что она сравнивает сейчас Славку и папу. Так оно и было. Тоня сказала:

— Папа долго не мог решиться познакомить меня с тобой. Бывало, говорит: «Ну, завтра». И я волнуюсь, нервничаю. Ведь я понимала, что у него не было выбора между мною и тобой,— почти в точности повторила она слова, сказанные когда-то папой рыжей Дагмаре.— И если бы мы не поладили с тобой, нам с папой пришлось бы расстаться. Он полгода откладывал.— Снова по ее голосу я поняла, что Тоня улыбается, вспоминая.— Не приди я тогда сама, он бы еще полгода тянул... А тут... Сильный какой человек! Понял, что ты не можешь... не умеешь полюбить его мальчика...— Тоня вздохнула.— А знаешь, я бы, наверно, смогла... Я часто вижу его. К нему только надо суметь подойти. Он, конечно, немножко бука. Это потому, что он не может играть с детьми...

— И я могла бы... Вот эти дни, что болела, я часто из окна за ним наблюдала...

— И не спустилась? — с укором спросила Тоня.

— Зачем? — горько усмехнулась я.— После балкона... после конторки... Зачем?

— Мужчины — странный народ, Рута.— Тоня говорила задумчиво.— Но если бы ты была ему безразлична, он бы просто не замечал тебя. А он все замечает. Ногу больную заметил. Тогда, в конторке, заметил, что ты озябла. Накрыл своей курткой. Как думаешь, жарко, что ли, ему было на рассвете, ранней весной, в одной рубашке?

— Ты думаешь... думаешь?

— Думаю, что да. А тот разговор, на балконе... Он, наверно, тогда не столько о себе, сколько о тебе думал. Помню, папа сказал мне уже после того, как мы поженились: «Если бы ты не поладила с Рутой, я бы придумал что-нибудь такое, чтобы обидеть, оттолкнуть тебя. Ты бы сердилась на меня, и тебе было бы легче со мной расстаться». Рута, ведь тут то же самое!

«Если ты назвался смелым...»

Для того, чтобы вовремя попасть на работу, мне пришлось встать очень рано. И папа и Тоня еще спали.

Как назло, электричка ушла, что называется, из-под самого носа. Как назло, долго пришлось ждать трамвая. Как назло, дверь квартиры оказалась запертой изнутри на задвижку. Пришлось звонить и долго ждать, пока откроют.

Заспанная, растрепанная, сердитая тетя Анна ткнула пальцем по направлению кухни.

— Подарки там тебе. Целой ордой приходили. С выпивкой.

Сердце у меня дрогнуло. Едва не оттолкнув тетю Анну, вбежала в кухню. На нашем столике стоял огромный букет темно-красных пионов в коричневой керамиковой вазе. Очень нравятся мне такие вазы...

К вазе прислонена открытка. «Нашей дорогой Руте в день рождения от бригады»,— четко вызведено на открытке. Так четко написать мог только Тадеуш. Ниже, помельче, столбиком:

Если ты назвался смелым,
Чтоб войти в семью мою,—
Должен ты отважным делом
Смелость доказать свою!

И подписи, подписи...

Рядом с вазой — пакет в оберточной бумаге. Перевязан розовой ленточкой. Никак мне ее не развязать: трясутся руки. Стянула ленточку, развернула. Всеми существующими на свете цветами переливается пестрый отрез шелка...

Села на табуретку, положила отрез на колени. И так мне захотелось зареветь! Вот они какие, наши ребята! А я-то! Я-то! Не они обо мне забыли — я в них не поверила!

Пришли, принаряженные. Сколько хлопот, беготни, споров было. И на лестнице спорили, наверно: кому первым войти, кому поздравлять.

А поздравлять-то и некого. Какими огорченными спускались вниз!

Мои запоздалые угрызения совести прервала тетя Анна:

— Еще у меня в холодильнике еда какая-то. Прибрала, что скоропортящееся. Сейчас отдать или потом?

— Потом, конечно, потом! — Я кинулась переодеваться в рабочее.

Было уже половина девятого, когда я прибежала на стройку. Как всегда, в разгар работы во дворе никого не было: все внутри здания, на отделке.

Не сразу нашла Ганнулю. Но в какую бы квартиру ни заглянула, везде наши. Благодарила, извинялась, приглашала сегодня вечером в гости. Меня поздравляли. Как-то странно, многозначительно и не очень тепло поздравляли. Обиделись все-таки.

Наконец нашла Ганнулю. Она не слышала моих шагов, возилась с растворонасосом. Я подошла сзади, уткнулась лицом в ее широкую спину.

— Ой, кто это? — испугалась Ганнуля.

Оглянулась. Незнакомым каким-то голосом произнесла:

— А, это ты! Поздравляю. С двойным праздником поздравляю.

Она выделила это «с двойным». Неприветливо, недобро выделила.

— С каким двойным? — удивилась я.

— Как с каким? — И Ганнуля язвительно усмехнулась.— Сама знаешь. Ехала вчера Юзя в электричке с твоим... с женихом. Что ж скрывать-то!

Вот оно что! Я не вдруг сообразила, как объяснить Ганнуле, что произошло. А пока я собиралась с мыслями, появилась Расма.

— Явилась, невеста? — спросила она и вдруг закричала: — На кого, на кого, дура, Славку променяла? На мороженого судака! — И она в сердцах плюнула.— Под мостом, бывало, халтурщики открытками раскрашенными торговали. Точно Лаймон твой на них сфотографирован!

Я хотела объясниться, но Расма широкими шагами подошла ко мне и, с ненавистью глядя мне в глаза, выговорила:

— Уж на что Славка наш железный! Никогда не покажет, что у него на душе. А тут побелел весь, когда Юзька сказала. Стоишь ты такого парня, как же!

— Расма! Ганнуля! — взмолилась я.— Да послушайте же! Неправда это!

— Что неправда? — на минутку растерялась Расма.

— Все неправда! Он хотел... я не хотела... Неправда все!

— Погоди,— остановила меня Ганнуля.— Расскажи толком.

Я рассказала, как не поняла, о чем говорил Лаймон.

— И впрямь дурочка! — Расма с сожалением пожала плечами.

Потом я рассказала, как мне стало страшно, как мы ушли с Тоней и долго говорили, а Лаймон тем временем уехал.

— Все-таки выходишь ты за него или нет? — с оттенком недоверия спросила Расма.

— Да нет же! Нет! — в отчаянии, что она не верит, закричала я.

Расма переглянулась с Ганнулей, словно спросила: «Можно ей верить или нет?» Ганнуля кивнула.

— Тогда сейчас же иди! — строго сказала Расма, и глаза у нее стали странные, пеленой какой-то словно заволоклись.

— Куда?

— Вот дура! Куда же еще, к Славке.

Наверно, вид у меня был совсем идиотский: так вот сразу и пойти?

Расма толкнула меня к дверям.

— Иди и все расскажи!

Легко сказать: расскажи! Так и начать: «Слава, мне надо тебе все объяснить...»

А вдруг он насмешливо сощурится и спросит: «Зачем мне знать твои похождения?»

Казалось, ноги мои приросли к полу. Расма еще раз толкнула меня в спину.

— Умела натворить, умей и ответ держать. Иди! Сейчас же...— Голос у нее оборвался, словно Расма поперхнулась.

Ведь она любит Славку. Давно. Безнадежно. Уйди я с ее дороги, у нее, наверно, появилась бы маленькая надежда. Она сама, добровольно лишает себя надежды. Вот какая, оказывается, она, наша Расма!

Мне хотелось обернуться, глянуть ей в глаза. Не знаю, поцеловать ее, что ли.

— Ну, идешь ты или нет? — глухо, недобро спросила Расма.

И я пошла.

— В третьем доме, на втором этаже полы настилает! — крикнула мне вслед Расма.— Налево!

Чем ближе я подходила к третьему дому, тем медленнее двигались мои ноги. Они зацеплялись за каждый камень, за каждый обломок доски.

Ну, хорошо. Допустим, все они правы: Тоня, Расма, Ганнуля. Славка любит меня. Но что от этого меняется? По-прежнему у него нет да и никогда не будет выбора между мной и Антанасом. Я-то сумею полюбить мальчика. Я уже немножко люблю его. Не зря же все тянуло меня к окну, пока я болела.

А если Антанас меня не полюбит? Может быть, лучше не ходить сейчас к Славке? Лучше вечером спуститься в сквер — Антанас всегда бывает в сквере вечером. Как с тем мальчиком, с Вовой, заговорить с ним. Сначала завоевать это недоверчивое, такое обиженное жизнью ребячье сердце, а уж потом...

Я остановилась в раздумье.

— Если ты назвался смелым! — пропела из окна Расма.— Эх!

И я пошла. Пошла быстро, не колеблясь больше. Что и как будет потом, не знаю. Знаю одно: сейчас я должна пойти к Славке и все ему рассказать.

Один этаж. Второй. Поворот налево. Веселый, насквозь просвеченный солнцем сквозняк затрепал волосы. Пузырем надулась на спине блузка.

Из самой дальней комнаты доносятся гулкие удары. Как в тот, в самый первый мой день на стройке. Только свиста не слышно.

Подошла, остановилась в дверях. Вся комната залита солнцем. Желтеют чистенькие, недавно простроганные половицы. Славка стоит на колене, забивает гвоздь. Все, как тогда. Комбинезон — лямки по плечам. Пестренькая ковбойка расстегнута на груди. Носовой платок с четырьмя узелками — на голове. Потное, блестящее, загорелое лицо. Все, как тогда.

— Слава! — шепотом позвала я.

Я сама не слышала своего голоса, а он услышал. Дрогнула занесенная рука с молотком. Молоток опустился не на шляпку гвоздя, а на указательный палец. Опустился со всего размаху.

Мгновение Славка не шевелился. Потом холодно, вопросительно посмотрел на меня.

— Что надо? — грубо спросил он.

— Слава, я пришла...— начала я и сама изумилась, мой ли это голос.

— Вижу,— сквозь зубы бросил Славка и отвернулся, с досадой стряхнул с пальца кровь.

Капелька крови упала на чистый, желтый пол, зарделась на нем, как бисеринка.

Я вошла в комнату. Славка не обернулся. Выбирал из железной коробки гвозди. Кровь медленно накапливалась, накапливалась на пальце. Капля становилась круглой, выпуклой. И вдруг пролилась, побежала по пальцам, ослепительно красная в солнечных лучах.

— Дай завяжу,— сказала я не своим голосом и выхватила из кармана чистый, аккуратно сложенный вчетверо носовой платок.

Славка оглянулся. Снизу вверх глянул на меня с насмешкой.

— Дай завяжу,— повторила я, как будто это сейчас было для меня самым важным, самым главным.

Славка еще раз усмехнулся, теперь очень горько. «Такую ли ты рану мне нанесла! Носовым платком откупиться хочешь?» — так я поняла смысл этой усмешки.

— Слава,— сказала я и протянула к нему руку с носовым платком.— Слава, все это неправда! То, что Юзя... Неправда! Честное слово!

Славка медленно поднялся с колена. Еще одна капля крови скопилась и шлепнулась на пол.

— Дай завяжу! — взмолилась я.

Он молча протянул руку. Пальцы мои дрожали. Платок, казалось, склеился. Насилу его развернула.

Осторожно, самым кончиком, обтерла кровь. Обернула палец платком. Кровь тотчас проступила. Второй, третий раз бинтовала я палец, а кровь все проступала и проступала.

Славка внимательно смотрел мне прямо в лицо. Я чувствовала его взгляд. С трудом заставила себя поднять голову и тоже взглянуть на него.

Славка смотрел серьезно, но глаза его улыбались. Нет, взгляд этот пока еще ничего мне не обещал. Он, казалось, говорил: «Смотри! Теперь все будет зависеть от тебя самой!»

Это так трудно, когда все, решительно все зависит только от себя самой!

г. Рига. 1962 г.

Владимир Гордейчев

Семь дней

Смеха дружного залп громыхнет,
как из кубрика,
Звякнет в стеклах и гулом пройдет
вдалеке...
Не ищи тишины в молодежной
республике:
Десять наций сошлись на Сазаве-
реке.
По утрам с дребезжанием медного
гонга
Просыпаются двести веселых ребят.
И опять барабанным гудеть
перепонкам,
И опять над рекой полотенца рябят.
Вот Сережа. Волгарь. Он не может
не окать.
— Хорошо! — басовитый разносится
гуд.
Рядом Петер забрызганный выставил
локоть,
Он умылся до пояса, фыркает:
«Гут!.. »
Брызги солнца плашмя упадают на
лица,
Отраженные в лужах, слепят, как
клинок,
И большие ромашки, как белые
птицы,
Трепеща, вырываются из-под ног.
Как легко! Улыбаемся солнцу и миру.
Дети разных народов друг с другом
на «ты».
Вот в столовой у стойки стоим по
ранжиру,
Воздеваем подносы, как предки щиты.
В полдень — речка. Команда: «За
весла, Володька!»
И, девчат посадив в плоскодонный
баркас,
По теченью пускаем тяжелую лодку
И расходуем песен годичный запас.
И не столб пограничный, не каменный
идол
Вспоминался в дощатом лесном
городке.
Я, по правде сказать, за семь дней
не увидел,
Что же нужно для друга держать
на замке.
Я с последней зарей собирался
в дорогу.

Я бродил по полянам, одетым
в туман.
У ночного фонтана задумчиво трогал
Родниковыми слезками каплющий
кран.

До свиданья, Собешин!
Я и сам бы заплакал,
Если б знал, что навек от тебя
ухожу...
Семь серебряных дней, семь
серебряных капель
Возле самого сердца в ладони держу.

Чехословакия.
Молодежный лагерь «Спутник».

Матери

Как горько матери одной
Сидеть и ждать конца недели:
Не едет сын ее домой —
Дела, как видно, одолели.
А мы с тобой по целым дням
Собою заняты бываем
И в день рожденья матерям
Послать открытку забываем.
Но вот придется молодцу
За календарь забытый взяться,
И бьет наотмашь по лицу
Волна палящего румянца.
Он настигает, день суда,
И на паркетной половице
Ты от досады и стыда
Готов сквозь землю провалиться.
Стоишь, растерян и сутул,
Что толку каяться тогда нам?
И ты становишься на стул
И тянешься за чемоданом...
Вернусь. Любви не утаив,
Прижмусь щекой к платку из ситца,
Морщины скорбные твои
Разглажу кончиком мизинца.

Андрей Дементьев

☆

Пионерский сбор, пионерский сбор...
Открывает его неуверенный горн.
Сидит человек в президиуме.
Человеку за шестьдесят.
Вспоминает всю жизнь, по-видимому,
в чем был прав он и виноват.
И глядит на ребячьи лица.
С виду строг и неумолим.
И в душе перед ними винится —
перед будущим молодым.
А виниться-то вроде не в чем.
Жизнь он прожил в труде, в бою.
Всю эпоху взвалив на плечи,
честно ношу он нес свою.
Ну, а все-таки, ну, а все-таки
жизнь полна не одними взлетами.
Были промахи, были горести,
всяко было порой на совести.
И под песнь пионерского горна
вспоминает тревожно дед:
где-то наглость он не одернул,
чью-то искренность проглядел.
Человек молчалив и светел:
перед будущим он винится.
Он мечтает, что в этих детях
только лучшее повторится.

☆

Просыпаюсь не от солнца,
а от радости,
вскакиваю и смотрю в окно.
Небо, окольцованное радугой,
солнца, птиц и синевы полно.
Что-то очень важное случилось.
Я спросонья не могу понять.
Дождик был...
Да, был.
Но прояснилось...
Нет, не то.
И думаю опять.
Вот попробуй что-нибудь пойми.
Но от счастья никуда не деться.
— Ты вчера с хорошими людьми
повстречался,—вдруг сказало сердце.

☆

Стихи читают молодые
и в поездах,
летящих в полночь,
и у костра — в заре и в дыме...
Стихи читают молодые,
чтоб души нежностью наполнить.
И я боюсь, когда пишу,
я на костры в ночи гляжу.
Слежу за теми поездами,
как за несбывшейся мечтой,
и, как на первое свиданье,
иду я к молодости той.
Несу ей запах трав и ветер,
судьбу друзей, любовь и грусть...
И все боюсь ее не встретить,
и встречи каждый раз боюсь.

☆

И каждый день ему звонят
и называют имена...
Все не она, все не она.
И в том никто не виноват.

О, как же трудно трубку снять
ей с дальнего конца!
Так трудно, как откинуть прядь,
как пудру сдуть с лица.

И так легко, как в поезд сесть,
сказав друзьям: «Пока!»
Она не знает, что он есть...
А он все ждет звонка.

✲

Где-то около Бреста
вдруг вошла к нам в вагон
невеселая песня
военных времен.
Шла она по проходу
и тиха и грустна...
Сколько было народу,
всех задела она.
Подняла с полок женщин,
растревожила сны,
вспомнив всех не пришедших
с той, последней войны.

Как беде своей давней,
мы вздыхали ей вслед.
И пылали слова в ней,
как июньский рассвет.
Песня вновь воскрешала
то, что было давно,
что ни старым, ни малым
позабыть не дано.
И прощалась поклоном,
затихала вдали...
А сердца по вагонам
всё за песнею шли.

✲

Человек умирает.
Верно, вышли года.
Как ему умирать не хочется!
Был всю жизнь он с людьми —
никогда, никогда,
никогда
не любил одиночества.
И в те дни, когда мчал
по России в тачанке,
и когда в поездах санитарных
качался...
Возле ласковых глаз
у фабричных ворот.
И в хорошие годы,
и в годы невзгод.

Человек умирает...
Только слышит кровать,
как не хочет, не хочет
он умирать.

Он всегда был при деле,
в самой гуще людской.
А теперь ему смерть говорит:
«На покой!»
Он не хочет покоя,
не хочет молчания.
И молчит,
потому что приходит отчаяние.
Что он в жизни успел —
это людям видней.
Он всю жизнь свою прожил
для них, для людей.
Он о смерти не думал,
он ее не боялся,
дрался, строил, любил, удивлялся,
за правду сражался.
На сто жизней хватило бы этого
пыла...
Он не думал о смерти:
просто некогда было.

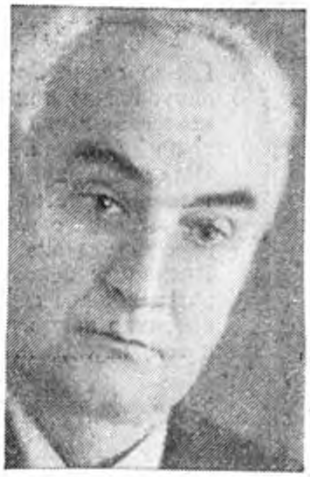
✲

Как порой нам немного надо,
чтобы в час невезенья злого
радость вдруг к нам явилась на дом
чьим-то взглядом иль добрым словом.

Это все-все от нас зависит...
Нужно быть лишь добрее к людям,
к тем, кого мы хулим и любим,
быть добрее—в делах и в мыслях.

Пусть войдет в каждый дом доверье
и друг друга понять поможет...
Злость, она родила Сальери,
Ну, а миру стал дорог Моцарт.

Рассказ



И. ВАСИЛЕНКО

Рисунки П. Бенделя.

КАЗЕННОЕ ОДЕЯЛО

1

Инженер Орлов, руководивший на станции Муравлевой установкой трансформатора, собрался съездить на несколько дней домой, в Рязанскую область. Он прогуливался по перрону в ожидании своего поезда, когда подошел скорый. Этому поезду полагалось стоять здесь только две минуты, но едва он подкатил, как в руке проводницы седьмого вагона заалел красный флажок. Тотчас же распустились красные флажки и у всех других вагонов. «Или подшипник греется, или что-то с мотором,—подумал Орлов.— Хорошо, если за десять минут управятся, а то и полчаса простоит. Из-за него, пожалуй, и мой поезд задержится». Он хотел отправиться в буфет, как увидел, что к поезду спешат два санитара с носилками. «Э, тут другое»,— подумал Орлов и, подойдя к вагону, у которого первым распустился красный флажок и в который вошли теперь санитары, спросил проводницу:

— Умер кто у вас, что ли?

Проводница, дородная пожилая женщина в форменной шинели, обиженно поджала губы.

— Чего это ради! Совсем наоборот.

Орлов улыбнулся.

— Как это «наоборот»? Родился, что ли?

— А вот и родился,— вызывающе сказала проводница.—И нечего тут улыбаться. «Умер!»— передразнила она.— Сколько сопровождаю вагон, такой глупости ни разу у нас не приключалось.

— Интересно. В самом вагоне родился. Наверно, будущий железнодорожник.

На этот раз и проводница улыбнулась.

— Он, собственно, еще не родился, но должен вот-вот родиться. А кто из него получится, разве ж угадаешь! Может, учитель, как мать, а может, по отцовской линии пойдет, на льдине плавать будет.

Орлов повел взглядом вдоль поезда, еще раз увидел алые флажки в руках застывших, как на параде, проводниц и вдруг почувствовал щекотание в горле. «Что-то я стал не в меру чувствительный,— с досадой подумал он.— Раскисаю по каждому пустяку». В бумажнике Орлова уже больше месяца лежал рецепт на витамин «Б-прим». Инженер вспомнил о нем и вздохнул: «Придется-таки пойти в аптеку». Мысли его почему-то вдруг обратились к тому, что уже несколько лет удивляло его и тайно томило. С тех пор, как он защитил диплом инженера энергетического хозяйства, прошло более семи лет. Все его однокурсники давно обзавелись семьями. Например, у Кости Винникова, его лучшего друга, дочурка уже в школу пошла. И только он, Семен Орлов, никак не встретит девушку по сердцу. «Ходит Сеня неженатый, ходит Сеня холостой». С Нюсей Звонаревой, томной медсестрой, по вечерам читали фармакологию и Хемингуэя, путешествовали по Южному берегу Крыма, а уж сколько новых фильмов просмотрели вместе!.. Но сердце билось так же ритмично, как и раньше, и, проводив Нюсю домой, поцеловав ее теплые губы, возвращался с мыслями о том, как лучше обеспечить работу монтеров под током высокого напряжения... А в книгах совсем другое пишут про любовь, да и Костя Винников рассказывал, что трое суток ощущал на губах первый поцелуй своей будущей жены и ни о чем другом думать не мог, как об этом поцелуе.

В дверях соседнего вагона над проводницей показалась девушка — в пижаме, в коротком сером пальто внакидку, с копной золотистых волос, рвущихся из-под заколок. Она повернула голову вправо, влево и остановила взгляд светлых радостных глаз на Орлове.

— Почему наш поезд в красных флагах? Мы встречаем кого-нибудь?

Голос, слегка вибрирующий, показался Орлову таким мелодичным, что он даже не сразу понял, о чем его спрашивают, и молча смотрел на девушку. Лишь заметив недоумение на ее лице, он спохватился и поспешно ответил:

— Да, да, встречаем...

— Кого же?

— Еще точно не известно... Может, учителя, а может, на льдине будет плавать...— машинально сказал он.

Вероятно, решив, что он подвыпил, она отвернулась.

— Нет, нет!— почти крикнул он.— Не отворачивайтесь!.. Я повторил лишь слова проводницы... Дело в том, что из соседнего вагона сейчас вынесут женщину... ну, будущую мать, понимаете?.. Кем станет ребенок, когда вырастет, угадать же трудно. А флаги — это для того, чтобы машинист не тронул поезд. Ведь женщину надо вынести очень осторожно...

Пока он говорил, девушка внимательно смотрела ему в лицо.

— Ах, вот в чем дело!..— протянула она и неожиданно спросила:— Почему вы на меня так смотрите, будто что-то вспоминаете? Мы где-нибудь раньше встречались, да?

— Нет, я вас вижу впервые... Но...— Он слегка пожал плечами.— Мне кажется, что я вас знал всю жизнь...

— Да?!— живо откликнулась она.— Вот и мне показалось, что...— Чуть смутясь, она запнулась и со смехом сказала: — Заболталась! Мне же нужно пирожное!

Прыжок — и вот она уже бежит по перрону в сторону вокзала.

— Стойте!— крикнул он ей вслед.— Куда вы? Поезд в любой момент может тронуться... Вернитесь!..

— Но мне же пирожное нужно!— оглянулась девушка.

Он догнал ее, схватил за плечи и повернул к поезду.

— Вернитесь, говорю вам!.. Я сам принесу!..— И, уже на бегу, крикнул:— С кремом?..

— Трубочку!..

«Если Люба отлучилась, разобью на буфете замок»,— думал он, подбегая к вокзалу.

Но Люба была на месте, а среди бело-розовых пирожных, к счастью, оказались и две трубочки.

— Любушка, милая, да скорей же! — умолял Орлов буфетчицу, неторопливо заворачивавшую пирожные в бумажную салфетку.— Нет, вам не на вокзале работать, а в доме инвалидов! Ведь поезд сейчас тронется...

— Уже тронулся...— спокойно ответила Люба.— Чего же тут горячку пороть.

Орлов глянул в окно: там медленно плыли вагоны.

Охнув, он схватил пирожные, в три прыжка выскочил на перрон и, обогнув носилки с закутанной в вагонное одеяло женщиной, помчался к поезду.

Девушка, высунувшись из-за спины проводницы, махала ему рукой.

Только три вагона отделяли Орлова от нее, когда машинист, стремясь наверстать время простоя, резко ускорил ход. Если бы за Орловым гналась стая бешеных волков, он не несся бы с такой безумной быстротой, как теперь, когда один за другим обгоняли его безжалостные вагоны.

По инерции он бежал еще с минуту за последним вагоном, потом сел на землю и со спокойствием обреченности сказал:

— Болван, прозевавший свое счастье. Надо было в самом начале спросить ее имя и адрес. Осел с дипломом инженера. Вместо того, чтобы безнадежно состязаться с электровозом, гонясь за ее вагоном, надо было вскочить в любой другой вагон и ехать в одном поезде с ней. Индюк, ты встретил девушку, о которой мечтал всю жизнь, и расселся здесь, на битом кирпиче и прошлогоднем бурьяне, в то время, как она уносится от тебя в неведомую точку земли. Встань, растяпа, вернись в буфет и пригласи Любу отправиться с тобою в загс. Вот это и будет твое счастье. До гроба...

С трудом передвигая ноги, Орлов направился к перрону, чтобы отыскать брошенный где-то там чемодан.

Но вдруг новая мысль так ошеломила его, что, забыв про чемодан, он со всех ног бросился к зданию вокзала.

2

От бригадира поезда Еремушкина ушла жена. Сосредоточенный, мрачный, он сидел в своем служебном купе, смотрел на бегущие в затуманенном окне телеграфные столбы и думал, какую он совершил глупость, женившись на женщине тринадцатью годами моложе его. Будь ему не сорок девять, а тридцать шесть, небось, не позволила бы вертопраху Милушкину чмокать себя в щечку. А тут, когда у мужа уже прет из подбородка седая щетина, почему не пококетничать с молодым нахальным и до отвращения красивым телеграфистом Мишкой Милушкиным?

Сидели у начальника вокзала за именинным столом, в меру выпивали, пели хором «Подмосковные вечера», и хоть Мишка хватил ерша и нахально распространялся насчет Машенькиных глаз, а она, слушая, загадочно улыбалась, все было честь-честью, в должных границах. Но вот завели эту проклятую радиолу и пошли танцевать. Он, Еремушкин, никогда не танцует, просто не имеет этой сноровки в ногах, а ей, Маше, почему бы не потанцевать, хотя бы даже и с Мишкой. И Мишка, конечно, тут как тут. Шаркал-шаркал подошвами да вдруг нахально чмок Машу в самую ямочку на щечке. Что осталось Еремушкину делать? Не устраивать же скандала. Он поднялся и молча отправился на третий этаж, в свою квартиру. Вскорости и Маша явилась. Но, явившись, принялась его отчитывать. Чего она только не наговорила! И глупый ревнивец, и увалень, и пережиток прошлого, и огрызок старого режима... Он слушал, слушал, а потом и сам кое-что сказанул. Да так, что она даже уши ладонями зажала. А потом оделась, насовала в чемодан, что под руки попалось из одежды, и ушла к матери, на другой конец города. Хара-актер! Так он и отправился в очередной рейс без завтрака, без напутственных поцелуев сначала в лоб, потом в обе щеки и под конец в самые губы. Правда, уходит она не впервой, а, почитай, в четвертый или даже пятый раз. Но всегда еще поезд и через Кушнаревку не проследует, а ему уже доставляют телеграмму, посланную вслед: «Еремушка, приезжай скорее, скучаю». Напишет же такое! «Возвращайся скорее». Будто, если он бригадир, так может по своему произволу гнать поезд, как какую-то там «Волгу» или «Москвича». Поезда ходят не по сердечному влечению, а по расписанию. Это всякий понимает. Ну, а женщинам и расписание — пустяк, бюрократический пережиток. У них на первом месте всякие там чувства... да поцелуи в ямочку на щечке... Однако Кушнаревку проехали больше двух часов назад, а телеграммы нет и нет. Неужели ушла навсегда? И очень просто: такие, как Мишка, хоть кому голову вскружат. А может, боже сохрани, заболела? И тоже очень просто: выскочила, сумасшедшая, даже не застегнув как следует шубку, а на дворе стужа. Эх-эх!..

Еремушкин потрогал колючий подбородок (расстроенный уходом жены, он даже не побрился) и пошел по вагонам, чтобы поторопить проводниц со сведениями о свободных местах.

В седьмом купейном дородная проводница, сдав рапортичку, озабоченно сказала:

— Не знаю, Федор Петрович, как мне выйти из этого чэпэ.

— А чего ж тут выходить, товарищ Меркулова, когда роженицу уже забрали.

— Забрать-то забрали, но вместе с нею и наше вагонное одеяло ушло.

— То есть как это «ушло»?— сдвинул Еремушкин брови.— А где же ваши глаза были, товарищ проводник?

— Мои глаза, товарищ бригадир, были, как всегда, на месте! — обиделась проводница.— А отправлять роженицу по холоду, не укутанную со всех сторон, я тоже не могла. Разве это дело — укрыть женщину в таком положении легонькой шубенкой?

— «Скорая помощь» должна была прихватить больничное одеяло. Знали, небось, зачем ехали.

— Знать знали, а не прихватили.

— Но и раздавать одеяла никто вам права не давал. Упустили казенную вещь, извольте полностью возместить. Еще и взыскание получите.

— Что же, высчитывайте! — всхлипнула проводница.— Накладывайте взыскание. Преступление какое сделала!..

— Преступление не преступление, а самовольничать никто вам не позволит. Вот доложу начальнику вагонного депо, он вам покажет. Если каждый проводник будет самовольно распоряжаться железнодорожным инвентарем, так в вагонах только полки останутся. И вообще оставьте эту вашу манеру всегда перечить мне. Хотите командовать — садитесь на мое место, а я в проводники пойду. Таковский!..

И столько было горечи в этом последнем слове, что проводница, замолчав, с тревогой посмотрела ему вслед, когда он, странно сутулясь, направился по коридору к двери.

Телеграмма пришла перед вечером. Было еще светло, и Еремушкин мог бы вскрыть ее тут же, около вагона, где ему вручил ее дежурный по вокзалу. Но это удовольствие — прочитать хоть и заранее известные, но с таким нетерпением ожидаемые четыре слова — он отложил до отхода поезда, когда останется один в своем купе.

Пять минут перронной кутерьмы — и под ногами опять стучат-спешат колеса. А Еремушкин не спешит: зачем спешить, когда телеграмма уже в нагрудном кармане и греет сердце? Больше не сутулясь, он прошел твердым, размеренным шагом по коридору к себе в купе, повернул ключ, чтоб никто не отвлек от чтения четырех заветных слов, и вынул телеграмму.

Но едва развернул ее, как сердце сжалось от предчувствия недоброго: вместо одной короткой строчки в глаза бросилось целое послание. Неужели действительно ушла навсегда и теперь по-женски подробно объясняет причину ухода и прощается? Еремушкин зашарил по карманам: проклятые очки, когда торопишься, обязательно запропастятся... Ага, вот они, под газетой. Но... что это? Телеграмма совсем не из дому — телеграмма со станции Муравлевой... И телеграфирует какой-то чокнутый.

Еремушкин подавил вздох, протер очки и опять принялся вчитываться в путаницу слов.

«Срочная Старовойтово бригадиру скорого 27 Товарищ бригадир убедительно прошу разыщите вашем поезде девушку покупала на станции Муравлевой пирожное трубочку высокая блондинка волосы некрашеные глаза светлые радостные добрые в сиреневой пижаме пальто серое короткое голос мелодичный прошу ее протелеграфировать мне свой адрес станция Муравлевая до востребования инженеру Семену Орлову».

Еремушкин потер висок и вздохнул. Ему было невыразимо обидно, что вместо телеграммы от жены пришла телеграмма от какого-то психа. Что этот

Орлов свихнулся, Еремушкин не сомневался. Разве нормальный человек может просить должностное лицо, каким является бригадир скорого поезда, чтобы оно ходило по вагонам, стучало в двери купе и допрашивало вверенных ему пассажирок, крашеные у них волосы или натуральные. И как это он может проверить, мелодичный у нее голос или петушиный? Заставить ее петь, что ли? Во-первых, никакой инструкцией все это не предусмотрено, а во-вторых, как ее распознаешь, натуральная она блондинка или химическая. Нынче бабы посдурели, красятся во все колеры. И какие-то пирожные-трубочки приплел. Ясное дело, спятил.

Еремушкин бросил телеграмму на стол, снял шинель и, натянув на себя одеяло, прикрыл глаза. Он хотел с полчасика подремать и хоть немного отвлечься от того, что щемило ему сердце. Но из головы не выходила сумасшедшая телеграмма. Что он там наплел, этот Воробьев... или, как бишь его, Орлов? Радостные, добрые глаза... Гм... А подметил, может, и правильно... У Маши тоже глаза добрые... когда она не ругается... И тоже всему радуются... когда не ругается... Из-за этих глаз он, Еремушкин, и попал в переплет, каждый день девчат смешил. Вспоминать даже стыдно. Ехал он в автобусе, а она вошла и села напротив. Он как взглянул, так сразу и скапустился. Смотрит, глаз оторвать от нее не может. На остановке «Чернышевская» она поднялась и пошла к выходу. Его как магнитом потянуло. Тоже к выходу, хоть надо было ехать до вокзала. Так и шел за ней до самого ее дома. Правда, на приличном расстоянии, без нахальства, а все ж таки шел. На другой день опять встреча в автобусе — в тот же час и на той же остановке, у швейной фабрики. И опять увязался до самого дома. Так вот и пошло. Швейки, что в одно с нею время садятся у фабрики в автобус, перемигиваются, хихикают, а у него нет сил отвести взгляда от ее добрых глаз и ямочек на розовых щеках. А на седьмой раз и случилось это чэпэ. Он думал, что она не замечает, как он тянется по улице за ней, а она задержалась у калитки и, когда он поравнялся, насмешливо сказала: «До завтра, товарищ телохранитель». Он даже споткнулся тогда от смущения...

Почувствовав, как у него при этом воспоминании разлилось тепло в груди, а потом опять заныло сердце, Еремушкин встал, надел шинель и, сунув в карман телеграмму, отправился по вагонам.

Он продвигался от купе к купе, спрашивал, все ли в порядке, нет ли каких жалоб. У пассажирок волосы все больше темные, с подозрительным красноватым отливом, блондинки же хоть и попадались, но чаще с побуревшими у корней волосами. «Задача! — думал Еремушкин, закрывая за собой двери купе.— Хоть переквалифицируйся на старости лет из бригадира в Шерлока Холмса».

Но войдя в коридор шестого купейного, он увидел у темного окна девушку в сиреневой пижаме.

«Гм... Что-то похожее. Проверим. — И развернул телеграмму. «Высокая». Сходится. «Натуральная блондинка». Сходится. «Добрые, радостные глаза». Сходится только наполовину: добрые, но грустноватые. Впрочем, это дело переменчивое. А как насчет голоса? Он подошел ближе и представился:

— Еремушкин, бригадир, по-старому, значит, начальник поезда. Нет ли каких жалоб, пожеланий?

Девушка подняла на него глаза, подумала и неуверенно сказала:

— Какие ж жалобы? Нет, все хорошо.

«И голос сходится,— отметил про себя Еремушкин.— Очень приятный голос». И спросил:

— Может, вы желаете телеграмму кому-нибудь послать? Так это можно: скоро будет большая станция.

— Нет, кому же,— качнула девушка головой. Помолчала и как бы про себя сказала с грустной улыбкой: — Может, и хотела бы, да адреса не знаю.

— Это бывает,— согласился Еремушкин,— позвольте еще один вопрос: не покупали ли вы на станции Муравлевой пирожные-трубочки?

Девушка вскинула голову:

— Собиралась купить! Откуда вы знаете?

— И тут сходится,— кивнул Еремушкин.— В таком случае извольте получить.— И протянул ей телеграмму.

Вспыхнув, девушка схватила ее, прочла и, обдавая бригадира радостным сиянием глаз, сказала:

— Вот как бывает!.. Спасибо!..

На следующей станции пришла телеграмма и Еремушкину. Даже не надевая очков, бригадир прочитал: «Еремушка, приезжай скорее, скучаю».

Поезд тронулся. Проходя через купейный, бригадир приоткрыл дверь к проводнице и сказал:

— Ты, Марфа Андреевна, не огорчайся. Я похлопочу перед вагонным депо. Одеяло наверняка спишут. Люди же!..

г. Таганрог.

Борис ФИЛЕВ

Рассказ

ПОРОГИ

1

Звать Куликова Василием. Но знают его как Сберкассу. Каждый раз, возвращаясь из командировки (монтеры-строители всегда в разъездах), идет он на почтамт и оставляет там зарплату почти полностью. Сначала в прозвище не было ничего обидного: просто бесшабашным и удалым товарищам по работе в диковинку казалось такое. Но потом голоса охолодели насмешкой и презрением. У Куликова нельзя было выпросить в долг, ни сговорить его на кружку пива, зато на «шабашку» он был быстрый. Скупым и жадным оказался парень.

И то, что случилось в Полневице, для Василия было не просто неприятностью.

Председатель колхоза выслушал Сберкассу со вниманием. Сосредоточенно помолчав, сказал:

— Радио, товарищ монтер, штука стоящая... Да разве непонятно! Всей душой за него. Только... с обратной стороны если подойти... народу у нас нет. Все на картошке. Уберемся... о помощи тебе подумаем.

Каждая морщина острого личика председателя так и сочилась расположением. Однако сколько Василий ни говорил, что люди нужны сейчас, как ни пытался доказать, что дать их обязаны,— все было впустую.

Выведенный из себя, Куликов подошел к телефону, крутнул ручку.

— Але! Мне райцентр... Але!

Трубка молчала.

— Из штанов выскочишь, товарищ монтер, а ответа не добьешься. Повреждение на главной станции, ляд бы ее взял!

Председатель поднялся, протянул жесткую, круглую ладонь, похожую на камень-леденец.

Василий выругался и, грохнув сапогами, вышел из конторы.

Теперь он, оскальзываясь, хлюпал по набухшей дороге. Злость на председателя разбирала монтера, и он сплевывал в липкую изморось тяжелую брань.

Василий приехал в Полневицу ставить столбы. С этим следовало спешить: в воздухе стоял запах снега, и вот-вот могли наступить настоящие холода. В мерзлую землю столб не вкопаешь. Деревня еще на одну зиму оставалась без радио, и в области Куликова ждала нудная проработка. Но не только это саднило сердце: Сберкасса терял премию.

Дорога мимо изб с убранными огородами спустилась в овраг, поднялась к голым кустам наверху и у ладного пятистенка круто свернула.

Монтер остановился, взглядом ощупал свежий, из ядреных бревен бок избы.

«Строят же люди! — В глазах зависть и тоска.— Ч-черт, где взять помощников?»

Телогрейку оттянули кулаки, голова набычилась.

Сказать в райисполкоме? Двухлетка культуры, помогут. Но как?.. Про связь неизвестно: наладят — нет. Машины неделю не ходят: грязища. Пешедралом? Семьдесят верст — не семь...

Река! Райцентр вниз по течению. По ней... К вечеру там. Лодка есть у хозяина. Обратно можно и так...

Сберкасса посветлел лицом и зашагал, клонясь вперед, решительно и споро. Зашел в сельповский магазин: когда появился оттуда, карманы брюк топорщились. Вот и изба, где заночевал. Пачкая пол необтертыми ногами, прошел в передний угол,

стукнул о стол бутылкой, банкой консервов в томате.

Скоро он и старик, оба с покрасневшими лицами, стояли на улице. Хозяин молодцевато хлопал монтера по плечу.

— Я, п-паря, эти страшущие пороги на бревне... вот тебе истин крест, п-пере... переплывал... Потому слушай меня. Бери п-правее камней... к берегу ж-жмися. Впротиве — с-сгинешь. Истин крест, говорю...

— Не хорони допрежь времени, отец. Порядок будет.

И, взгромоздив на плечо весла, глинистой тропкой монтер зашагал к реке.

2

Берега как припустили взапуски друг с другом, так и не останавливались. Утро разошлось в тусклый день, а Сберкасса по-прежнему с силой — пожуркивало под лодкой — рыл воду веслами. Он был из людей, которые, задумав что, забывают об отдыхе.

Река плыла безмолвна и величава. Оковы-кручи дыбились и были могучи, как она сама. Черные ели подпирали блеклое небо. Хмурой властной красой веяло вокруг.

Василий смотрел на все невидяще, и лицо его было усмешливо. Природа для него — место работы; он не замечал ее. Мысли монтера далеко от этих мест. Он думал о том, как скоро изменится его жизнь. И в воображении вставал собственный дом. С ним были связаны мечты Сберкассы, на него он берег деньги.

Дом виделся, как у дяди: высоким, под железной крышей, с резным крылечком. Всплескивая веслами, Василий представлял, как построит он его из звонкой сосны, как поселится в смолистых комнатах, как постарается по хозяйству, чтобы окрепло сильнее дядиного. Он тогда посмеется над всеми: хозяин!

Непрерывная гребля разогрела его. Выпустив отполированное дерево, он снял телогрейку, посмотрел на корму. Там, зябко засунув в рукава руки, сидела девушка.

— Возьми,— бросил одежду Сберкасса.— Загнешься еще!

Искоса стал наблюдать за спутницей.

«Хм-м... Ресницы — на двоих хватит... А лицо, ровно сметана, белое... Первый сорт девка».

Кто она? Вспомнил, как оказалась в лодке.

Когда он спустился по крутому склону к реке и гремел цепью, отмыкая замок, сверху донесся слабый — подуй ветер, и оборвется — голос. Монтер взглянул. Тонкая фигурка на обрыве махала рукой.

— Кого несет?

В деревне у него знакомых не было.

А фигурка боком, неуклюже спешила вниз. Скоро перед Сберкассой стояла невысокая запыхавшаяся девушка.

— Мне сказали... в райцентр едете, да? Я так спешила, бежала... Как хорошо, успела! Ведь возьмете, не откажете?..

— Как же! Только тебя и не хватало. Некому маму на порогах кричать.

И, криво усмехнувшись, Василий уперся в холодное, липкое от смолы дерево, натужился и спихнул посудину в воду.

— Ну, возьмите... Мне нужно, ну-ужно...

Девушка подалась вперед, глаза — в масть серому платку — просили, умоляли. Они блестели той почти детской обидой, которая еще немного и прольется слезами.

Монтер сдался.

— Садись,— буркнул он. Привычно добавил: — Гони пятерку.

Незнакомка беспомощно хлопнула ресницами и, поспешно раскрыв сумочку, протянула хрусткую бумажку. Сторонясь монтера, пробралась на корму и сидела отчужденная, задумчивая.

«Учителька, наверное, или библиотекарша?» — га-

Линогравюры А. Брусиловского.

дал Сберкасса. Спросить не решался, чувствовал: обиделась.

Он задумался о разговоре в райисполкоме. Какие сказать слова?

День ощутимо погустел. Ладоням Василия стало едко и жарко, тупо заныла спина.

Мертвой тишины на реке как не бывало. Воздух был пропитан плотным и ровным шумом. Сначала еле слышимый, он скоро заложил уши. Река тоже изменилась. Она уже не была покойной и неторопливой. Упругое тело ее все неумолимее жали твердокаменные берега, и она, пришпоренная ими, струилась в злых разводьях и бурунах.

Еще немного — и грести стало лишним. Василий только подправлял лодку, увлекаемую грозно и неотвратимо.

Шум вырос до рева. Казалось, навстречу мчится громыхающий товарный состав. Сберкасса держался около берега и часто посматривал вперед. Вдали вскипела и запенилась вода.

Пороги!

Ладони Василия влипли в весла, напружинилась шея. Девушка, судорожно передохнув, схватилась за холодные борта.

Лодка прибавляла и прибавляла ходу. Черные острые камни надвигались с жуткой быстротой. Бурлила и взлетала брызгами вода. Сберкасса — кожа обтянула враз похудевшее лицо — бешено рвал весла, выравнивая утлое суденышко. Отчетливо задребезжал в памяти старческий голос: «Худое, паря, место — пороги. Слышь ведь, как прозываются — Мертвая голова. Потому — не каждого ждет удача. Народу на них сгинуло — страсть. Летось два студента, бедовые головы, хотели, слышь, на бадарке проскочить. Куды та-ам. Рази можно это без умения делать! Утопли, царствие небесное. Да и то сказать, что́ у них за лодка была. Узкая да верткая, бревно надежнее».

Монтеру стало жутко. Он с трудом унял возникшую дрожь, заставил себя смотреть на уже близкие страшные зубья.

Лодку начало качать и плюхать — по всей реке у порогов гуляли гиганты-волны. Еще мгновение — и в грохоте, ледяной пыли, в немыслимой качке ее протащило мимо острых, жадных клыков.

Вода злобствовала, но была уже тише.

— У-уух! — выдохнул Сберкасса.— Пронесло!

И он попытался улыбнуться одеревенелым лицом. Девушка ответила тревожными глазами.

Глухой удар в днище сотряс лодку и поставил поперек волны. Еще мгновение — ее взметнуло и... опрокинуло.

— Держи-и-и! — ухнул Василий в мягкий, влажно охвативший тело холод. Вынырнув, вцепился в скользкий борт и увидел рядом девушку.

— Держись! Крепче держись! — выплевывал он воду.

Несло долго. На повороте поток повлек их ближе к берегу. Василий схватил девушку и поплыл.

Испуганные и закоченевшие, выбрались они на сушу.

3

Костер отдавал ночи остатки тепла и света. Сберкасса горбато сидел у огня, неотрывно смотрел на ленивое пламя. Спящая на еловых лапах девушка зашевелилась, потянула на голову пальто. Монтер тоже почувствовал, что мерзнет. Поднялся, забросал тлеющие угли ветками, навалил смоляную корягу. Звонко затрещала хвоя, на шершавые бока пня брызнуло пламя. Прикрываясь от жара, Василий опустился на трухлявый остаток дерева.

Кругом, чуть подальше от огня, стояла темнота, черная и таинственная. Глухо шумела на порогах река, в невидимом лесу раздавались вздохи, шорохи, треск. Чудилось, кто-то бродит там, между темных елей, и с размаху гладит их густые колючие гривы.

Лицо Сберкассы в желтых бликах было напряженным и злым. Мучили не мысли о происшедшем, не задержка с дорогой. Тревогу и смуту в душе посеял разговор с девушкой.

Был разведен костер, оба обсохли, согрелись у огня. И тут попутчица заплакала.

— Без слез мокро! — прикрикнул Василий.— Радовалась бы, что жива.

— Р-радуйся! — тонко проговорила девушка.— С-сумочку утопила. А в ней,— она всхлипнула,— деньги... На костюмы.

— Раззява!

Сберкасса сплюнул и пошел за хворостом. Он не вынесил слез.

Когда вернулся, глаза девушки все еще блестели, лицо было жалким и потерянным. У монтера неровно стукнуло сердце. На что только взял он эту размазню?

— Слышь, не расстраивайся, чего уж теперь,— скороговоркой сказал Василий.— Все вы актри-исы. Дрожи, а форс держи.

— Не себе я... костюмы,— прошептала девушка.— Для кружка, балетного.

Подняла глаза.

— Очень, знаете, красиво, когда танцуют, и в одинаковом. Как настоящие балерины...

Сберкасса повеселел.

— Деньги, выходит, казенные... Спи-ишут. Свидетель есть.

Девушка грустно вздохнула.

— Не в них дело. Ребят жалко, костюмов уж не привезу. А деньги? Чего же делать?.. Домой в каникулы собиралась. В школе не дали, свои взяла.

— У меня тоже костюма нет. Закажи! Раз богатая...

— Не смейтесь.— Девушка перевела взгляд на костер.— Хотелось, чтобы лучше, красиво чтоб, как в городе.

— Тебе какая радость от этого?

— Какая?! — взмахнула незнакомка ресницами.— От красивого люди лучше становятся, чище, сердечнее. Им делаешь хорошо, они тем же отвечают. Вот я в клубе стихи читала. Так одна тетечка ухватила после за рукав. «Спасибо!.. Спасибо!» — говорит. Сама растрогалась, чуть не плачет. Разве не радостно?

Василий хмыкнул.

— Правду говорю! — Голос девушки зазвенел.— Если только для себя жить, не выдержала бы в деревне. В городе я росла, педучилище там окончила. Первое время без зданий больших, автобусов, даже афиш скуча-а-ла! Ребята привязались — интересные они... Теребят, кричат: «Валентина Николаевна, почему?.. Валентина Николаевна, зачем?..» Заболела, прибежали на другой день всем классом. Переминаются с ноги на ногу, шмыгают носами, смотрят, как конфеты раскрываю,— подарок принесли. Глазенки та-ак и блестят, самим хочется. Угостила их, стали новости выкладывать. Все сразу. Шу-уму на всю деревню! После этого легче стало: почувствовала, нужна кому-то. А потом родители начали

приходить: спросят, посоветуются. Семнадцать лет мне, а верите,— попутчица смущенно и счастливо взглянула на Василия,— так и зовут: Валентина Николаевна...

Кривит монтер лицо, точно от боли. Уронил голову на колени, закрыл глаза.

— Сберка-а-ссаа! — насмешливо ухает, издевается темнота.

Скрыты от костра скулы Василия, а горячи они.

Словно наяву видится недавнее.

...Торопливо развязывают ситцевый платок заскорузлые, иссохшие пальцы.

— Знатьё, что плату стребуешь, без ра́дива дожила бы. Не от кого мне подмоги ждать. Старик в земле, сынка война сгубила.

И тянет рубль рука старушечья.

Дальше, да-альше от этой горькой руки. Хочет бежать Сберкасса, а не может двинуться с места. Но вот его куда-то понесло, закачало. Смотрит, перед ним уже другой человек.

Кто?.. Кто?!

Иван Матвеевич, мастер училища. Его глуховатый голос. Вечер выпускников, и он говорит слово.

— Монтер-строитель, хлопчики, большой человек. Верно, верно! Вы поразмыслите. Стоит, к примеру, деревенька, в глухомани. Леса, болота отделяют ее от всего света. Газеты, и те редкость. Приходит тут монтер. За собой провода тянет. Тонюсенькие, чуть их видно. Что, кажется, проку от них? А они чудо! Навесил их монтер, на самой большой избе установил динамик. И вдруг в деревеньке бьют московские часы! Впервые во всю ее историю весь народ, а не только те, кто приемники имеет, слушают радио. Совещание в столице — колхозники будто там присутствуют. Чайковского играют — музыканты словно в деревне. Новый мир, хлопчики, необъятный, раскрывается перед людьми. Вот что такое монтер-строитель. Истинный он первооткрыватель! Первооткрыватель же для человека живет, для него терпит трудности, забывает покой. Чистой души должен быть поэтому, золотого сердца. Усвойте, хлопчики, это.

Замер Василий, слушает. Иван Матвеевич очень уважаемый у ребят человек. Только перед монтером уже девушка. Коротышка, ресницы,— дивится Сберкасса,— на двоих хватит. А глаза в масть серому платку. Ширятся, ясные, чистые, заглядывают в душу, пытают. Нет сил у монтера смотреть в них: провалился бы на месте.

Опускает он голову.

Смотрит в небо красноглазый костер. Все тусклее и темнее его зрачок. Наконец совсем подернулся пеплом. Одна хозяйка осталась — ночь.

4

Утро еще не набрало сил, а монтер и девушка шли по лесной дороге. Очевидно, редко по ней ездили, потому и пролегла она прямо по молодой поросли. Автомобильные выбоины чернели водой, измятые деревца и кустарники упирались в путников иссохшими ветвями.

Уткнувшись в воротник, ссутулясь, учительница ступала сторожко и неловко. Василий остановился, прищурил глаза. Лицо энергичное, покойное, ни следа ночных раздумий.

— Эх ты, тю-юха, рано закисла! — укорил спутницу, когда подошла.— Надбавь скорости. Нам топать и топать.

Девушка взглянула исподлобья и мрачновато.

— Дорога такая. Трудно, — сказала тихо.

— Не ждать же асфальта! — передернул Сберкасса плечами.— Двигай давай.... Х-холодно.

И пошел, прямой, туго обтянутый свитером, руки в карманах брюк. Обернулся.

— Это п-пустяки. Бывало похуже.

Губы девушки недоверчиво двинулись.

— Не знаешь нашего дела, а улыбишься,— погрубел голосом монтер.— Оно только с виду простое да легкое. Заставить бы тебя зимой провода тянуть, почувствовала бы, почем лихо.

— Я ничего...

— То-то, что ничего, зеленая ты еще. У нас такие встряски бывают,— не заскучаешь.

И кулаки — глубже в брюки.

— Дали раз мне да еще троим задание. Весна стояла, таяло вовсю. Дороги в это время — на своих двоих только и додрапаешь. Обвесились мы проводом, инструмент свой взяли и похромали. Лесом, тропинка там была. Сначала держала нас, потом, дура, проседать начала. Что ни шаг — гремишь по колено со всей амуницией, а под снегом вода. И так все пятьдесят топали. Жилы повы-ытянуло, сравнишь разве с теперешним... Это, поняла, не все... Добрели до деревни — одна мечта: где поспать. А уже ночь. В одну избу стукнулись — не отозвался никто, в другую скребнулись — тишина. Обежали все — хоть бы собака взлаяла. Точно вымерло. На холоде и дрожали.

— Не пустили?! — раскрыла глаза учительница.

— Не-е,— спокойно отозвался Сберкасса.— Побоялись. Лес, всяк шляется... Да их, приключений, у нас не одно, густо...

— Понятно, почему вы выносливый,— уважительно сказала девушка.— Нелегкая у вас работа... Однако хорошая... как у нас. Людям полезная. Я сейчас понимаю, что́ для деревни радио. Это событие, это... это целый мир. И вы, как первооткрыватели...

«Что они, сговорились! — раздраженно вспомнил Василий.— Первооткрыва-атели, раскрыва-а-тели...»

Он почувствовал, как снова охватывает его беспокойство, поселяется в душе смута. Не желая и пугаясь этого, закричал:

— Чушь все, поняла! Первооткрыватели! Жратва для клопов да тараканов — вот кто мы.

Подождал девушку, наклонился, словно она могла и не услышать:

— Только и хорошего, что свободы до одури да деньгу зашибать можно. Работай не работай — жалованье идет, командировочные отваливают. Хошь — шабашку сшибай: за хребтом никто не стоит. А без этого ерунда, не работа.

— Вот вы какой,— тихо, как будто про себя, протянула девушка. И когда вскинула глаза, они были темные и полнились жалостью и отвращением. Как будто не сильный, здоровый парень — кровь с молоком — шел рядом, а человек уродливый и безобразный.

Василий поежился: взгляд был выразителен. Вместе с тем у монтера появилось ощущение, что где-то видел его, что он до боли знаком. Чувство это не проходило. Василий смотрел на хмурые ели и не замечал их. Он мучительно перебирал прошлое.

Кажется... тогда... Точно! Услужливая стала память.

...Августовский вечер, парной и тихий. Неподвижная, как околдованная, река. Лодка скользит по ней бесшумно и незаметно. С отцом (он тогда еще жил) возвращаются с рыбалки. На грудь Василию падает что-то белое. Он выпускает весла, касается нежного, бархатистого комочка.

Прилипает другой такой же, падает еще один, еще...

— Подёнка летает,— произносит торжественно и счастливо отец.— Сейчас начнется! Она вроде свадьбу будет играть.

Белых мух становится больше и больше. Густо реют, кружатся они в воздухе, плывут по темной воде, устилают лодку, мягко ударяют в лица. И вот уже не видно ни берегов, ни воды, ничего. Белый теплый буран застлал все вокруг. Впервые видит такое Василий.

Сушит он весла: куда плыть? А в воздухе протяжно и слитно: «шшшу-у». Это машут сотни, тысячи ажурных, почти невесомых крылышек.

— Щедра-а ты, мать земля,— раздумчиво тянет отец.— До неразумности иногда щедра. На что ты родишь эту тварь? Красива, а какая польза? Помельтешатся день и сгибнут. Зачем на свет появлялись?

Трогает лицо монтера улыбка. Скучной работы был отец — бухгалтер, а удивлялся и радовался всему, как маленький.

Подумалось тогда и Василию: нескладно это у нее, у поденки,— родиться, чтобы умереть.

Обозначились скулы у Куликова: вспоминает дальше.

Живая буря утихла так же внезапно, как началась. Река долго несла нетающий снег.

У какого-то селения рыбаки пристали. Стукнулись в дом, узорчатый, как терем. Статная молодайка смерила взглядом.

— Нечем кормить вас, незваны гостюшки!

Отец пошарил в карманах.

— Вот тебе деньги.

Молодайка вильнула цветастым подолом и вернулась с бутылью молока и стаканом.

Василий жадно прильнул к холодному стеклу. Глотнул и больше не пил. Молоко было необычно густое и горькое. Попробовал отец.

— Вражина,— нахмурился он на хозяйку.— Чем угощаешь? Кто доит корову перед растелом?

— Нет у меня больше ничего. Чем богата, тем рада. Тоже мне привередники,— запричитала хозяйка. Кулак с мелочью спрятала за спину.— Не отдам деньги, не отдам. После вас никто пить не станет.

Отец сухо посмотрел на нее. Нет, в глазах у него была не только строгость. Как у учительки, стояли в них жалость и отвращение.

— Поденка! Еще хуже! — кипятился он, когда отошли.— Та хоть выводит себе похожих и тогда мрет. А эта, уверен, только собой и живет. Поверь, Васька, страшно будет ей умирать. Для кого была, зачем? Пустоцвет!

Василий брел позади. Он рад, что стемнело. Вся кровь бросилась в щеки. В жадной молодайке парень узнал вдруг себя. Он тоже бывал таким.

Всю дорогу Василий хмуро молчал. Раздумывал: что он такое? Сравнивал с отцом. Старшего Куликова любили. Он был крутого нрава, но добр и отзывчив.

Такое, например, помнил Василий. После войны многого недоставало, жили плохо. Как-то под окном прошумел и смолк «газик»: вернулся из района отец. В избу вошел не один, а с шофером. Они спустились в подвал и нагребли два мешка картофеля. Кряхтя и подгибаясь в ногах, шофер снес их в машину. В окно Василий видел, как долго и благодарно тряс он отцову руку.

Когда узнала про это мать, только вздохнула. Картофель у самих, ох, как он был не лишний.

— Ничего, старуха, проживем,— отвечал отец.— Надо подмогчи было мужику. В семье восьмеро, а работает один.

И такое случалось нередко. Василий не знает, чтобы когда-то было отказано в помощи.

«Таким быть... Ведь давал обещание, что станет, как отец».

Обходя колдобины, воюя с назойливыми ветками, Куликов невесело думал: слова своего не держит. Те деньги, что в сберкассе...

Поморщился: вспомнил — так зовут. Отчетливо и необычайно остро он снова ощутил все презрение, насмешку, всю нелюбовь к нему, вложенные в прозвище. Он одинок, никому не нужен. Бессмысленна и бесполезна жизнь его. Девка, этот шкетик, и то богаче. Знает, зачем дышит, нужна, ишь ты, кому-то. А он, как поденка: для кого, зачем?

Все вчерашние волнения, тревоги, думы всколыхнулись, ожили в монтере. Два стало Василия; один другому враг. Заговорили они, заспорили и не на жизнь — на смерть.

Один:

«Ты же хороший, Васька. Вспомни, в училище любили тебя, дружили с тобой. Что за нелегкая унесла к родственнику? После него хозяйство, богатство заслонили все на свете. Забудь о дяде, о собственном доме забудь!»

Другой упорствует, злой:

«Нужен дом. По горло сыт чужими углами. Несколько лет не жил, как человек. На завод поступлю. Хозяйство будет, станут, как учительку, величать, уважение оказывать не хуже, чем отцу».

«Врешь ты,— не сдается первый.— Не уходил на завод разве? Два раза уходил и что? Возвращался. Не сидячий ты, Васька, человек, по тебе твоя работа. Уважения захотел? — ехидничает.— Забыл, как дядю зовут? Или не знаешь? Ку-ла-ко-ом. Только с виду он добрый, мягкий. Глянь глубже — забором от людей отгораживается, зверем из-за него глядит: где что урвать. Таким будешь, смеются уж над тобой».

Насупился Сберкасса, смотрит в землю, а сапоги по лужам шлеп-шлеп.

«Что делать, что?!»

Учительнице тоже не до разговоров: идти труднее и труднее. Свое усталость берет, да и тропа помягкла, засырела. В сапогах вода булькает, ноги так и холодит. К тому же мысль мучает: зря идет в райцентр, напрасно страдает — костюмов теперь не достанет.

Остановится монтер — подождет спутницу. Но теперь не кричит, не обжигает взглядом. Ко всему другому, мучит Василия вина перед девушкой. Поехала с ним, надеялась, довезет, а он вон чего учинил. Деньги, небось, не поднесли ей, трудов и сил они стоили.

Совсем тошно Василию: снова вместо добра зло сделал.

Молчаливый, угрюмый, под стать путникам, стоит лес. И, кажется, нет ему конца-краю.

А когда иссякли силы, когда сомнение взяло: туда ли идут, когда не верилось, что кончится эта, ох, и распрекрасная дорожка,— деревья вдруг поредели и выглянуло глинистое поле. Сыпанули от него на холм веселые домики, взобрались туда же несколько чопорных белых зданий, и среди всего великолепия горделиво тянулась в небо труба электростанции. Это и был райцентр.

Сберкасса не остановился у гостиницы, не сбавил шага. Он даже не простился со спутницей, направившись к старому знакомому.

Под вечер же стоял в полутемном коридоре гостиницы перед регистраторшей:

— Мне учительку из Полневиц, Валентину Николаевну.

— Пятнадцатый номер. Дверь рядом,— бесцветно проговорила дежурная.

Учительница была дома.

— Вот вам, значит, финансы... Закупайте своим артистам... на всякую одежду хватит.

И бросил на стол тугую пачку.

Девушка безмолвно смотрела.

— Так ведь ваши,— выговорила наконец.— Они ведь нужны вам...

— Премия моя,— сурово взглянул монтер.— Будет — отдадите.

Постоял мгновение и вышел.

Когда, одевшись, Валентина Николаевна выбежала на крыльцо, он был уже далеко.

— Спасибо, Вася-а-а!

Куликов не обернулся. Нет, он, конечно, слышал, что кричала девушка. Больше, его так и подбивало еще раз заглянуть в ее глаза, заплутать взглядом в ресницах. Но Василий не мог. Он улыбался во все лицо. От улыбки он отвык и ее стеснялся.

Январь—март 1963 года.
г. Киров.

Камни

Тепла сегодня многовато.
Прогрета им земля и высь.
У дома камни, как котята,
На солнцепеке улеглись.

Они калачиком свернулись
На голой, высохшей земле.
И дни весны для них вернулись,
Хоть ненадолго, в феврале.

И кажется при первом взгляде
На этих каменных котят,
Что стоит только их погладить—
Они довольно заурчат!

Юрий ФАТНЕВ

Недавно в Алма-Ате вышел первый сборник стихов молодого поэта Юрия Фатнева.

Когда Юрию было пять лет и он жил с матерью в деревушке, занятой гитлеровцами, эсэсовец ударил его кованым сапогом в спину. В результате — костный туберкулез. Много лет Юрий был прикован к постели. Но воля к жизни и искусство врачей сделали свое: он стал ходить, окончил школу, занялся литературной работой.

Подснежник

Его коснулся ток весенних сил,
И вот среди просторов снежных
Он лепестки от снега отделил,
И люди ахнули: подснежник!

Один в степи от холода не лег.
Чтоб не замерзнуть сиротинке,
Он маленькое солнышко зажег,
Где вместо лучиков тычинки.

Пускай цветы другие превзойдут
Подснежник скромный
яркостью окраски.
Они лишь потому и расцветут,
Что он с зимой боролся без опаски!

Сказка

ПЕРВАЯ

В стране, названия которой уже никто не помнит, жил удивительный чеканщик ваз. Если, чеканя вазу, он был весел,— она веселила всякого, кто ее видел. И наоборот, когда мастер грустил, его творение порождало печаль и раздумья. Он прославил свою страну множеством ваз, будивших в людях самые различные чувства: радость, смех, гнев, раскаяние, бесстрашие, скорбь, прощение, примирение... Но среди сотен его творений не появилось еще главного — вазы Любви. Потому что любовь еще не расцвела в душе молодого чеканщика, хотя молва, опережающая события, уже называла одну девушку...

Однако не будем уподобляться молве и предрекать несвершившееся. Пусть молва сильна и непреклонна, подобно ветру, но между тем паруса жизни, как, впрочем, и сказки, нередко подвластны иным силам.

...В этой же стране жил горшечник. Он не выделялся среди других гончаров своим ремеслом, но его дочь была так хороша собой, что о ней знали даже звезды.

Глаза дочери горшечника были синее моря и неба. Ее зубы нельзя было и сравнить с жемчугом, который всего лишь подражал зубам красавицы. А где и когда подражание превосходило то, чему оно подражает?

Тончайшее шелковое волокно казалось тростником в сравнении с золотисто-солнечными волосами красавицы. Змеи цепенели от зависти при виде грациозности движений ее рук. Ручей, нежно журчавший серебряными стихами, умолкал, как только она начинала говорить. Розы стыдливо переставали благоухать, когда она приближалась к ним и ее дыхание наполняло пространство ароматами, каких не знало ни одно растение, потому что она была самым прекрасным цветком земли. Впрочем, и это сравнение, как и все, что было сказано о ней, не стоит даже одной из ста граней вазы Признания, которой чеканщик воспел красоту дочери горшечника.

И это признание было так возвышенно и так пламенно, что всякий, любуясь новой вазой, восторгался и той, чью красоту она прославляла в невиданном доселе изыске чеканки.

Когда дочь горшечника любовалась вазой Признания, ее сердце зажигалось нежно-голубым пламенем, и девушка, вся светясь изнутри, становилась еще прекраснее.

И однажды она улыбнулась чеканщику. Это была первая улыбка девушки. Солнечная. Счастливая. Стыдливая. Прекрасная, как весенняя заря... Да разве можно найти сравнение несравнимому?

Эта первая улыбка запечатлелась на всю жизнь в сердце че-

Евг. ПЕРМЯК

УЛЫБКА

Линогравюры А. Брусиловского.

канщика и сделала это сердце еще больше, еще добрее и пламеннее.

У вазы Признания собирались толпы. Любоваться ею приходили люди из разных городов и стран. Это были мастера, земледельцы, охотники, купцы, любители редкостей, просто зеваки, но были среди них и властители несметных сокровищ, повелители огромных стран. И чем больше восхищала их ваза Признания, тем жарче воспламенялись их сердца.

Чеканщику ваз и в голову не приходило, что среди них окажутся те, чья сила и чье богатство могут омрачить светлые чувства мастера.

Он, разумеется, не верил этому, но старики, видавшие на своем веку всякое, советовали чеканщику расплющить молотом свою вазу и погасить этим пылание незваных сердец. Старики очень боялись, что почести, внимание, богатства, которыми окружалась дочь горшечника, могут разлучить мастера с его возлюбленной. Старики да и все жители этой страны знали, как иногда девушки забывают о своей первой улыбке.

И теперь многие, очень многие властелины и повелители добивались внимания прекрасной дочери горшечника.

Они устраивали невиданные пиры... Усыпали путь красавицы драгоценностями... Показывали ей изображения своих дворцов. Манили ее сказочным великолепием палат, в которых она может жить... Обещали ей троны.

Она могла стать царицей бескрайних степей или наместницей богини гор... Ей предлагали назваться владычицей моря...

В этой маленькой, забытой ныне стране творилось тогда неслыханное. Люди почти не спали, а те, кому удавалось уснуть, тотчас же просыпались, потому что им снились страшные сны. Сны, в которых они видели, как дочь горшечника согласилась стать женой кого-то другого, а не любимого всеми чеканщика, жившего для всех и служившего народу своими вазами, согревающими человеческие сердца, утверждающими дружбу, воспевающими труд сеятеля и ваятеля, труд рудокопа и мастера арф... Какие вазы вычеканит чудесный мастер, если она улыбнется другому?

— Это будут вазы Слез,— говорили одни,— и народ будет рыдать.

— Это будут вазы Отчаяния,— говорили другие,— и народ придет в уныние.

И однажды на феерическом торжестве, когда море сверкало всеми цветами, когда стая дельфинов исполняла танец любви под музыку шепота ветра и тихого всплеска волн, красавица не устояла и поднесла владыке моря пальмовую ветвь согласия. Согласия стать его женой.

И тут молния разрезала небо. Гром оглушил все живое. Воды вышли из берегов. Вихревой смерч закружил красавицу, и поднял ее на вершину огромного водяного столба, и умчал.

Шквальная музыка волн всю ночь прославляла долгожданное согласие. Все морские богатства были у ног красавицы. Все, населяющее море, служило и поклонялось ей. В водяном бирюзовом дворце шло шумное штормовое коронование владычицы.

А на берегу все ждали появления страшной вазы. Вазы Горя. Вазы Отчаяния... Вероломства... Измены... А может быть, и вазы Смерти... И женщины страны готовили траурные одежды, мужчины — черные повязки. Тучи хотели закрыть небо. Цветы, протестуя, решили не распускать свои лепестки. Птицы — не петь. Но...

Но этого не случилось.

Наутро взошло солнце. Яркое. Золотое. Доброе. Засветились леса, поля, горы и море. Цветы, как никогда, зацвели обильно и пышно. Птицы пели на тысячи голосов. Люди надели самые красивые одежды. И сами собой зазвенели арфы и зазвучали трубы. Все живое пришло на главную площадь. А на площади...

А на площади высилась новая прекрасная ваза. Ваза улыбалась первой улыбкой дочери горшечника. Эту вазу сразу же назвали «Первая улыбка» и люди, и растения, и птицы, и звери, и рыбы, и камни.

Восхищению не было предела. Ликование нельзя было измерить. Сила красоты первой улыбки оказалась такой чарующей, что хищные звери лежали смирнее черепах у подножия вазы «Первая улыбка». А гигантские ядовитые змеи пресмыкались перед нею, как безобидные гусеницы. Рыбы и морские чудища, выйдя из родной стихии, гибли, задыхаясь на берегу. У них не хватало сил оторваться от первой улыбки дочери горшечника, которой теперь на весь свет улыбалась новая ваза чеканщика.

Улыбались все. Улыбалось все живое. Не улыбался только...

Не улыбался только Владыка моря. Владея несметными сокровищами, он был беднее самой ничтожной медузы. Его женой теперь была самая прекрасная из всех прекрасных женщин. Она была его от коралловых ноготков до золотистых кончиков волос. Ему принадлежал ее голос, ее дыхание, синева глаз, изгиб шеи, плавные движения рук... Ему принадлежало в ней все, кроме первой улыбки. Потому что никому и никогда не удавалось улыбнуться впервые дважды... Этого никому не удавалось на земле, как никому не удавалось дважды родиться или дважды умереть.

Владыка моря хотел уничтожить вазу «Первая улыбка», чтобы забыть ее. Но разве можно этим затемнить в памяти людей и в своей памяти первую лучезарную улыбку?

Можно опрокинуть море, вывернуть его дно, но нельзя изменить то, что было.

Ваза улыбалась. Слава о ней шла по всему миру. Первая улыбка дочери горшечника обещала пережить века и остаться прекрасным назиданием людям... Так и случилось...

Владыка моря иссох от досады, исчах от горести, а затем растворился в морской пучине.

Не могла уйти от нее и дочь горшечника. И она не ушла от нее до последнего часа своей жизни.

Никто не знает, что стало с чеканщиком ваз. Забылась и страна, где это все произошло. Осталась одна ваза «Первая улыбка». Да и та осталась только в сказке. В сказке, которая не подвластна смене веков и ветров.

Первая улыбка навсегда останется первой улыбкой.

Валентин КУЗНЕЦОВ

Станция Золотая

Имя станции — Золотая.
Что за станция-самородок?
Тишиною не залитая,
Эта станция первогодок.
На карельских кривых березах
Рассыпает тоску кукушка.
Жизнь путейская — на колесах,
Одиноко дымит теплушка.
Тут не потчуют кренделями
Проезжающего туриста.
Будка, крытая горбылями,
Угловата и неказиста.

За столами сидят устало
Над багровым борщом путейцы,
За окошком проносят шпалы,
Безголосые реки-рельсы.
Бригадир Судаков Сережка
Пятернею скребет бородку.
Носит он сапоги гармошкой
И рубаху косоворотку.
В этом жарком рабочем гуде
Ест он кашу, как жизнь, крутую...
Здесь угрюмые с виду люди
Строят станцию Золотую.

Аркадий Адамов

Повесть

Лишний досмотр

На следующее утро Андрей первым делом пошел в кабинет начальника таможни. Он был неприятно удивлен, когда за столом увидел Филина. В последнее время Жгутин часто болел, и Филин в таких случаях каждый раз занимал его кабинет. Ему, как видно, хотелось, чтобы сотрудники начинали привыкать к будущей замене, на которую он, Филин, все больше рассчитывал.

Как всегда педантично-аккуратный, в тщательно отутюженном форменном пиджаке, глянцево выбритый, с прилизанными серыми волосами, тоненько, волосок к волоску, зачесанными назад, Филин просматривал утреннюю почту, водрузив на нос новые очки в массивной оправе. Увидев Андрея, он сухо спросил:

— В чем дело, Шмелев?

Вообще-то говоря, Андрей надеялся застать Жгутина. Еще вчера, когда он по телефону спрашивал его о здоровье, тот бодро ответил, что завтра, по-видимому, уже придет на работу. И вот на́ тебе! Однако сообщение у Андрея было, по его мнению, настолько важным и срочным, что, раз Филин замещал сейчас начальника таможни, значит, Андрей обязан был сделать это сообщение ему. И Андрей, пересилив неприязнь, доложил Филину о своей вчерашней встрече с Петровичем.

Филин выслушал его с чуть иронической усмешкой и, когда Андрей кончил, спросил:

— Значит, в пивной встретились?

— Да. Только это не имеет значения, где встретились.

— А я полагаю, имеет. Петрович был пьян, конечно. Да и вы...

— Я был совершенно трезв.

— Да? — И Филин насмешливо добавил: — Вы зашли туда выпить кефиру?

Андрей не выдержал и запальчиво сказал:

Продолжение. Начало см. в №№ 3 и 4 «Юности» за 1963 год.

Рисунки П. Пинкисевича.

— Михаил Григорьевич, я пришел к вам не для того, чтобы обсуждать свое меню в закусочной. Считаю, что рассказанное вчера Петровичем является...

— ...Является абсолютным враньем, ни больше, ни меньше! — повысив голос, уже раздраженно перебил его Филин.— Стыдитесь, Шмелев. Он выдумал неумную историю, чтобы объяснить, на какие деньги он пьянствует. Вот и все. А вы, извините, развесили уши. Лучше проявляйте больше бдительности на работе. Имейте в виду, второй выговор будет уже строгим.

— А я верю в эту историю,— с упрямой яростью произнес Андрей.

— Ваше личное дело. Можете идти.

— Михаил Григорьевич...

— Можете идти, Шмелев. У меня много работы. Надеюсь, у вас она тоже есть?

Андрей вышел бледный от злости. Так с ним еще никто никогда не разговаривал.

Что же теперь все-таки делать? С кем посоветоваться? Может быть, с Валькой?

Валя Дубинин, казалось, мог дать советы на все случаи жизни. Его ничем нельзя было смутить. Но когда Андрей рассказал ему все, что узнал от Петровича, а заодно уж и свой разговор с Филиным, Дубинин после глубокомысленного молчания признался, что и он не знает, как тут поступить.

Однако Валька был бы не Валькой, если бы на этом закончил свое участие в столь необычной истории. Нет, он все же нашел человека, с которым Андрею надлежало посоветоваться. Таким человеком, по мнению Вальки, был его земляк Геннадий Ржавин, работающий сейчас в уголовном розыске здесь, в Бресте.

Валька дозванивался Ржавину в течение всего дня. Наконец, уже под вечер, когда Андрей собирался уходить домой, Валька разыскал его и передал, что Ржавин просил сегодня же зайти к нему в горотдел милиции.

Андрей имел довольно смутное представление об уголовном розыске, его людях и делах, как, впрочем, всякий честный человек, ни разу не обращавшийся туда за помощью. Правда, однажды Андрей прочел какую-то приключенческую повесть о борьбе с преступниками, прочел быстро и с интересом, но в глубине души не очень ей поверил. Лишь с одним он согласился безоговорочно: работа там сложная и, конечно, опасная. Как-никак, а преступники иногда стреляют или берутся за нож. Одно дело — нечаянно напороться на таких, и уж совсем другое дело — искать с ними встречи. Одним словом, учреждение, куда шел в тот вечер Андрей, вызывало у него безусловный интерес и уважение.

Ржавин оказался долговязым, черноволосым парнем, порывистым и насмешливым. Из-под густых бровей светились лукавые карие глаза. Щеку его пересекал еле заметный шрам, но, когда Ржавин волновался, шрам становился багровым. (Это обстоятельство, между прочим, сильно огорчало Ржавина: «Сотрудник угрозыска с такой особой приметой — это наполовину уже не сотрудник!»)

Несмотря на свой живой характер, Ржавин молча выслушал рассказ Андрея, а также все его мысли и предположения по этому поводу, которые, однако, сводились к одному выводу: дело очень подозрительное.

Хотя вывод этот напрашивался сам собой и вовсе не требовал, по мнению Ржавина, столь многословных рассуждений, тем не менее Андрей ему понравился. Ржавин уже немало знал о нем со слов Дубинина и прекрасно помнил предостережение Вальки, когда тот говорил с ним сегодня по телефону: «Смотри о семье не спрашивай. Жена от него уходит».

Когда Андрей наконец кончил — кажется, никогда он не был так многословен,— Ржавин сказал:

— Я вас попрошу сесть за мой стол и подробно записать ваш разговор с шофером. И больше ничего.

Андрей смущенно ответил:

— Да, да, конечно. Это самое главное. Я тут наболтал вам...

Пока Андрей писал, Ржавин посмотрел на часы, досадливо щелкнул по ним, но, поколебавшись, все же заглянул в справочник и, сняв телефонную трубку, набрал номер.

— Тонечка?! — обрадованно воскликнул он.— Прямо не надеялся уж! У подъезда, небось, поклонники дожидаются, а вы горите на работе... Ах, так? Ну, тогда извините. И окажите услугу хорошему человеку. Что?.. А вот какую. Неделю назад облздрав получил изъятую таможней «Волгу», голубую. Какой ее госзнак теперь?..

Ржавин подождал, пока невидимая Тонечка рылась в картотеке, потом быстро записал номер и, простившись, нажал рычаг. Минуту он что-то обдумывал, потом, пробормотав: «Интересно, однако, что он скажет»,— снова порылся в справочнике и набрал новый номер.

— Товарищ Стращук? Здравствуйте. Ржавин из гормилиции беспокоит. Что, «Волга» ваша, тридцать четыре ноль семь, в городе сейчас?.. Зачем? Пока ответить трудно... К себе забирать? Нет, не собираемся. Так где же она?.. Ах, вот как. Это точно?

Может, еще раз проверите?.. Ну, добре. Всего хорошего.

Он с силой повесил трубку, потом уверенно и зло произнес:

— Врет, каналья!

Больше Ржавин никуда не звонил и принялся читать какие-то бумаги, подшитые в толстой потрепанной папке. Андрей не сразу догадался, что это были протоколы допросов.

Андрей кончил наконец писать. Ржавин взял исписанные листы, бегло проглядел их, потом задал несколько уточняющих вопросов и сам вписал ответы на них, размашисто и небрежно.

— Кажется, нам придется еще не раз встретиться,— заметил Ржавин.— Знаете, какая может завариться каша от этого сообщения?— Он кивнул на исписанные Андреем листы.— Вместе будем тогда расхлебывать.

— Да-а. Добавил я вам дел. И так, наверное, хватает.

— А!— беспечно махнул рукой Ржавин.— Разве здесь дела? Брест, я вам доложу,—золотой город. И народ здесь золотой. Но строгий. А как же иначе? Граница! Но, конечно, залетают и к нам субчики. Поэтому за сообщение спасибо. А в случае чего поможете. Идет?

Андрей, улыбнувшись, кивнул в ответ. Его невольно заражала веселая энергия этого парня. И еще ему очень не хотелось уходить, потому что это означало, что надо идти домой. Ржавин, кажется, что-то понял. В карих глазах его мелькнуло сочувствие. Он еще раз с силой пожал руку Андрея и, смеясь, сказал:

— Ого! Крепкая у вас рука. А характер такой же?

— Кажется.

— Ну, ну. Тогда все в порядке.

«Какой-то снисходительный у него тон»,— с неудовольствием думал Андрей по дороге домой. Спустя некоторое время он все же решил, что Ржавин — неплохой парень. Интересно, найдет ли он того человека, с которым встретился Петрович, или нет? «А все-таки, товарищ Филин, мы еще посмотрим, кто из нас прав!» — злорадно подумал он.

...Между тем, как только Андрей ушел, Ржавин нетерпеливо схватился снова за телефон. «Главное в нашем деле — иметь побольше друзей»,— не без удовольствия сказал он сам себе и назидательно прибавил: «Особенно среди людей, которые обслуживают других людей. Самый осведомленный и наблюдательный народ». Ржавин при этом даже не заметил, что слово в слово повторил то, что не раз говорил ему его первый начальник, еще в Минском угрозыске.

Ржавин набрал номер телефона.

— Петро? Ржавин приветствует... Да все, понимаешь, некогда... Да, да. Обязательно.

Они некоторое время говорили о каких-то общих знакомых, потом о предстоящем футбольном матче, потом еще о чем-то. Наконец Ржавин спросил:

— Ну как, «Волга», та у вас прижилась?.. Ясно. А сейчас она где?.. В гараже стоит? Вот здорово! А мне сказали, что ее угнали в район... Брехня? Понятно... Что, что?..— Лицо Ржавина вдруг стало озабоченным.— Какой человек?.. Та-ак. А когда он приходил?.. Еще днем? Понятно.— Он на минуту задумался, потом, что-то решив про себя, напористо произнес: — Вот что, Петро. Не в службу, а в дружбу. Давай сейчас к вам в гараж подскочим. Хочу я, понимаешь, на ту «Волгу» полюбоваться. А?.. Вот это добре. Сейчас я у тебя буду. Жди!

Еще одним неколебимым правилом Геннадия Ржавина было никогда ничего не откладывать на завтра. Это правило так вошло в привычку, что он уже не ощущал от него неудобства.

Работать в уголовном розыске Ржавин мечтал еще на школьной скамье. Отец и мать, оба врачи, требовали, чтобы сын пошел по их стопам. Отец с брезгливой насмешкой не раз говорил ему:

— Гена, ты уже взрослый человек. Стать сыщиком! Гоняться с пистолетом за преступником! Довольно глупая романтика, поверь мне. Это не карьера для интеллигентного человека. А у тебя безусловные способности к научной работе.

— Я буду юристом, папа,— упрямо возражал Геннадий.— Когда-нибудь даже защищу диссертацию. Но сначала я хочу узнать жизнь. Ты же сам начал с фельдшера на фронте.

— Ах, боже мой! Тогда шла война.

— И сейчас идет война.

— С жуликами?

— Да, с жуликами.

— Ну, знаешь...

— Но я же хочу быть юристом! Пойми, папа.

И потом, когда Ржавин уже учился в школе милиции, отец еще долго не мог примириться с его решением. Сейчас Геннадий перешел уже на пятый курс заочного юридического института, и отец малость поутих со своими упреками. Он и не подозревал, как трудно Ржавину сейчас учиться, работая в таком беспокойном учреждении, как уголовный розыск. Хорошо еще, что у него нет семьи, а то бы... Впрочем, Ржавин втайне немного завидовал своим женатым сверстникам.

Пожалуй, только однажды он с искренним облегчением подумал о своей холостяцкой жизни. Это было, когда Валька Дубинин рассказывал ему о семейной жизни Андрея Шмелева. И вот сегодня он познакомился с этим Шмелевым. Честное слово, прекрасный парень! И историю он рассказал любопытную. Черт возьми, что же это за «Волга»?

— ...Машина как машина,— беспечно говорил ему по дороге Петя, знакомый шофер, работавший в гараже облздрава: Ржавин заехал за ним на милицейской «Победе».

— А кто у тебя про нее спрашивал?

— Деятель какой-то,— усмехнулся Петя.— Просил прокатить.

— Ну, а ты?

— А я, как на грех, с нашим Аракчеевым был.

— Это кто ж такой?

— Известно, кто. Стращук. Не будь его, я бы этого деятеля, так и быть, прокатил.

— Скажи спасибо твоему Аракчееву.

— За что спасибо?

— За его характер.

— То есть?

— Эту поездку, милый, ты бы на всю жизнь запомнил. Если бы цел остался, конечно.

Петя встревоженно посмотрел на Ржавина и, понизив голос, спросил:

— А что, есть данные?

— То-то и оно.

— Да-а... Скажи на милость!—И строго добавил:— Неслыханное это дело у нас в Бресте.

Тем временем машина въехала наконец в большой неосвещенный двор. Посередине его на высоком столбе висела разбитая лампочка.

— Тьфу! И когда это разбить успели! — возмутился Петя, вылезая из машины.

Вдвоем они направились к темневшему в глубине двора приземистому зданию гаража. Кругом стояли какие-то сараи. Людей во дворе не было.

Неизвестно почему, Ржавина вдруг охватило бе

покойство. Судя по тому, как нетерпеливо шагал рядом Петя, он тоже был неспокоен. «Обстановка действует»,— решил Ржавин и вдруг почувствовал, как запульсировал проклятый шрам у него на щеке.

Неожиданно Петя вырвался вперед, почти бегом приблизился к гаражу и вдруг не своим голосом закричал:

— Генка! Машину угнали!

Люся уезжала.

В комнате стояли три раскрытых и почти доверху набитых чемодана, большой фанерный ящик для посуды и кухонной утвари и еще ящик поменьше, с Вовкиными игрушками, а в передней горкой лежали сумки и авоськи, неловко перевязанные бумажными веревками. В комнате суетились Люся и няня.

Поезд уходил под вечер, но еще уйма вещей была не уложена, не все продукты куплены на дорогу.

Задвигая ящики пустого комода, старая няня деланно, безразличным тоном сказала Люсе:

— Андрею-то Михайловичу как бы двух простынь не мало было! Да и наволочку всего одну оставили.

— Что вы, няня! — махнула рукой Люся.— Ну, в крайнем случае купит себе.

Няня покачала головой, но ничего больше не сказала.

А Люся увозила все. Ей было жалко оставлять и лишнюю простыню, и кастрюлю, и лампочку над тахтой, и ковер, и пепельницу. Вот только мебель ей было не жалко: она была старая и некрасивая, Люся ее стыдилась. «Ничего, ничего,— уговаривала себя Люся,— он один, а я с ребенком». Но тут же она начинала думать о том, как приедет в Подольск, к своим родителям, оставит им Вовку, а сама будет жить в Москве. И работать будет, наверно, в Московской таможне.

Дело в том, что вчера вечером Люся в последний раз была у Филиных и Михаил Григорьевич дал ей письмо к одному ответственному работнику Главного управления, своему доброму знакомому Капустину. В письме он просил устроить Люсю на работу в Московскую таможню и давал ей самую лучшую характеристику. Это было тем более кстати, что в официальной характеристике, подписанной Жгутиным, была весьма сдержанная оценка Люсиных деловых качеств. Когда Люся вчера спросила Филина, удобно ли приходить к Капустину с таким письмом, Михаил Григорьевич рассмеялся: «Он мне будет только благодарен за такую очаровательную сотрудницу. Увидите».

Это письмо Люся спрятала среди самых важных документов. Что ж, Капустин так Капустин. Уж она-то сумеет расположить его к себе. «Начнем с Капустина»,— весело подумала она.

Вообще Люся чувствовала необычайный прилив бодрости и энергии. Ей казалось, что она наконец-то вырывается на такой простор, какого только ей и не хватало, чтобы развернулись все ее способности, осуществились все мечты. Ей даже пришла вдруг на ум крылатая горьковская фраза: «Рожденный ползать летать не может». Да, верно, каждому свое в жизни. А она, Люся, полетит, далеко полетит, высоко. «Вот посмотрите!» — с неожиданной мстительностью подумала она, вспомнив, как холодно прощались с ней вчера сотрудники таможни. «Завидуют!» — решила она тогда.

Андрей пришел домой лишь за час до отхода поезда, когда надо было уже отправляться на вокзал. Люся ждала новых объяснений, но Андрей лишь угрюмо осведомился:

— Все готово? Машина ждет.

— Готово,— с облегчением отозвалась Люся.

И Андрей позвал Петровича.

Вдвоем они начали торопливо переносить вещи в машину. А Люся стала одевать Вовку.

Переминаясь с ноги на ногу, Вовка спросил:

— Мам, мы насовсем едем?

— Насовсем.

— А папа?

— Что папа?

— А он насовсем не едет?

— Папа к нам приедет... в гости.

— Папа гостем не бывает,— укоризненно поправил ее Вовка и вдруг вздохнул.

Он вздохнул так по-взрослому, что Люсе даже на секунду стало не по себе. «О чем подумал сейчас этот человечек? — невольно пронеслось у нее в голове.— Что он чувствует?» Мальчик без отца... И нельзя будет ему даже сказать, где папа, потому что он сразу спросит: «А почему?» И на это Люся никогда не решится ему ответить. То есть, конечно, когда он вырастет, она сможет ему сказать: «Разлюбила». А пока...

Люся поспешила отогнать от себя грустные мысли. Она быстро одела Вовку, поцеловала его и послала к машине.

Когда Андрей зашел в комнату за последним чемоданом, Люся была одна. Он подошел к ней и все так же угрюмо сказал:

— Учти. Если я узнаю, что Вовке плохо, подам в суд и отберу его.— И, сорвавшись, прибавил звенящим от напряжения голосом: — Чего бы мне это ни стоило, отберу!

— Не волнуйся. Ему будет хорошо.

Люся ответила мягко, почти ласково. Ей не хотелось под конец ссориться с Андреем. Зачем? Она добилась своего. Теперь надо поберечь нервы. И сейчас и на будущее: зачем делать Андрея своим врагом? Мало ли что...

Когда приехали на вокзал, было уже темно.

Андрей и Петрович стали переносить вещи к поезду через весь вокзал. А Люся, чтобы никого не встретить, быстро прошла с Вовкой и няней в вагон. У них было отдельное двухместное купе: Люся считала, что на удобства денег жалеть нельзя.

Когда Андрей нес через зал ожидания тяжелые чемоданы, его встретил Валя Дубинин.

— Давай помогу,— предложил он.

Андрей отрицательно покачал головой.

У вагона провожатых не было. Андрей занес вещи в купе, аккуратно уложил их там.

Няня поманила Вовку.

— Идем к паровозу. Попросим, чтобы скорее вез нас.

— Идем! — обрадовался Вовка и важно добавил: — А ему мой папа как велит...

Когда за ними задвинулась дверь, Андрей сказал:

— Ты, Люся, все-таки еще раз подумай там, в Москве. Я... я очень виноват перед тобой. Ну, тогда, в гостинице... Мне за это... передать не могу... стыдно!.. Голову разбить хочется... Прости меня, Люся...

— «Стыдно»? — со злой иронией переспросила Люся, но тут же снисходительно махнула рукой.— Хорошо. Я подумаю. Только, умоляю, не начинай новых объяснений.

— И тогда напишешь?

— Напишу, напишу. Ну, прощай. Желаю тебе... в общем, всего самого лучшего в жизни. А теперь иди. Присылай Вовку, уже пора.

— Та-ак.

Андрей внимательно посмотрел на жену и, ничего больше не прибавив, вышел из купе.

Около вагона он неожиданно увидел Жгутина. Старик взволнованно прижимал к себе Вовку и срывающимся голосом говорил:

— Ну, пока, милый, пока! Ну, еще раз вот поцелую — и пока! Конфеты смотри не рассыпь. Это тебе, понял? А няне вот тоже.— Он протянул еще один кулек няне и сказал ей, словно жалуясь: — Вот ведь не свой, кажется, а не могу спокойно. Ну, никак не могу!

— О господи! — ответила та.— Да на них смотреть — сердце не выдерживает. Вернемся вот в Москву, уйду. Ей-богу, уйду!

А Жгутин снова обнял Вовку.

— Папу-то не забудешь?

— Пап не забывают,— важно ответил Вовка.

Жгутин увидел Андрея. Лицо его стало вдруг суровым, и он строго сказал:

— Иди-ка сюда. Сейчас поезд уйдет, поговорим.

Стоявший тут же Петрович, ни к кому не обращаясь, со вздохом сказал:

— И за что он хороших людей наказывает? А, к примеру, меня, дурака, нет! — И убежденно закончил: — Недоразумение!

Андрей взял Вовку на руки, крепко прижал к себе и, целуя в обе щеки, сказал:

— Будь хорошим.

По радио объявили об отходе поезда. Няня с Вовкой торопливо поднялись в вагон. А через минуту поезд незаметно тронулся с места.

Мимо стоявших на перроне людей медленно поплыли зеркальные окна вагонов. В одном из них, чуть прикрытое занавеской, как будто мелькнуло Люсино лицо. Или это только показалось Андрею?

Поезд ушел. Погас вдали красный, прыгающий фонарик. У перрона тускло засеребрились полоски рельсов на черных шпалах.

Жгутин тронул Андрея за плечо:

— Пошли. Ждут нас.

Они шли долго, молча сворачивая из улицы в улицу. Андрей не понимал, куда они идут, да и не хотел понимать. Ему это было безразлично. Тупая боль стыла где-то внутри, под сердцем.

Было тепло и сыро, необыкновенно тепло. По краям тротуаров лежали потемневшие, словно спекшиеся бугры снега. Неожиданно пошел сильный косой дождь. Под ногами побежали ручьи. Фуражка обручем стягивала лоб. Голова непривычно болела, ломило в висках. Андрей вдруг подумал: «Не заболеваю ли?» И тут же с презрением сказал себе: «Сопляк ты, брат!»

Они поднялись на третий этаж.

Дверь открыла Светлана.

В первую минуту Андрей не узнал ее. Они не виделись с того самого вечера, когда Светлана затащила его вместе с Буланым к себе. Андрею казалось, что с того времени прошла вечность.

А может быть, Андрей не узнал девушку еще и потому, что нарядное черное платье скрадывало угловатость и худобу ее высокой фигурки, и ноги в модных, на тонких «гвоздиках», остроносых туфельках, казались маленькими и изящными? Наконец, темные волосы были коротко подстрижены и завиты. Словом, все, что только мог запомнить Андрей во внешности Светланы, было сейчас иным.

При виде Андрея на оживленном лице девушки появилось удивление.

— Папа, к нам гости?

— Не к нам, а ко мне на этот раз,— строго ответил Жгутин.— Ты свободна.

— То есть?

— То есть можешь идти на свой вечер.

Светлана лукаво улыбнулась.

— И мама, значит, тоже свободна?

— Ну, мама... в общем, это как она захочет.

— Ага, а я, значит, уже не могу поступать, как захочу?

Жгутин с досадой посмотрел на дочь, а Андрей тоном, каким взрослые обращаются к детям, с усмешкой спросил:

— Вы почему со старшими спорите?

— Да-а... А почему он командует? — обиженно ответила Светлана.— Вот назло ему возьму и останусь.

— Да пожалуйста! Что ты в самом деле!..

В передней появилась Нина Яковлевна в домашних шлепанцах и фартуке.

— Вот и хорошо,— приветливо сказала она.—И даже отлично. Заходите, Андрюша. Я сейчас чай поставлю.

В течение всего вечера никто не обмолвился ни словом о том, что произошло в жизни Андрея. Все как будто чувствовали, что любое прикосновение, даже самое дружеское, могло причинить боль. «Замечательная семья! — растроганно думал Андрей.— Как хорошо, что я пришел к ним сегодня!» Он представил себя одного в пустой квартире и нахмурился.

А Федор Александрович добродушно посмеивался над дочерью.

— Что же теперь с твоими кавалерами будет? Завтра опять телефон обрывать начнут.— И он почему-то тонким голоском проговорил: — «Можно Светлану?.. Кто говорит? Так, один знакомый...»

— Папа, перестань!

— Доченька, где же твое чувство юмора? — не унимался Федор Александрович.

Андрей продолжал хмуро молчать.

Нина Яковлевна положила свою руку на руку Андрея.

— Андрюша, а что там у вас с машиной какой-то приключилось? — мягко спросила она.

Андрей рассказал историю с голубой «Волгой».

— ...Вчера вот был в милиции,— закончил он свой рассказ.— При мне выяснили, что машину передали в облздрав. И номер у нее теперь... даже запомнил. Тридцать четыре ноль семь. А сегодня — представляете? — звоню этому Ржавину, говорит: «Угнали ее, ищем».

— М-да...— задумчиво покачал головой Жгутин.— Странная история.

Время шло незаметно, и, когда Андрей взглянул на часы, было уже около одиннадцати.

— Пора мне,— поднялся он из-за стола.— Завтра вставать рано.

И уже в передней, прощаясь, Андрей с чувством сказал Жгутину:

— Спасибо вам, Федор Александрович! За все спасибо!

— Ну, ладно тебе,— смущенно откликнулся тот.

Светлана схватила свою шубку.

— Я вас провожу чуть-чуть, Андрей. Ладно? Очень хочется перед сном прогуляться.

— Ну что ж. Пошли.

На улице похолодало. Дул резкий, пронизывающий ветер. Тротуары и мостовая под рассеянным, желтоватым светом фонарей отливали стеклянным блеском. После неожиданного дождя наступил гололед.

Светлана тут же поскользнулась и со смехом уцепилась за Андрея.

Они молча прошли до конца улицы и завернули за угол.

Светлана украдкой взглянула на Андрея, потом вдруг спросила:

— Андрей, а вам нравится наш Брест?

— Очень.

— А крепость вы видели?

— Еще бы!

— Это, наверное, странно, но я до сих пор ужасно волнуюсь, когда даже мимо нее прохожу. Мне кажется, что я тоже там умерла бы, но не отдала ее врагу. Хотя, я думаю, все там волнуются. Правда?

— Конечно, волнуются.— Андрей смущенно усмехнулся.— В цитадели я даже примеривался, откуда бы я стрелял. — И убежденно добавил: — Я там в первый раз в жизни почувствовал по-настоящему, что значит такие памятники боевой славы. Волна какая-то в душе поднимается, и так хочется совершить что-то хорошее, благородное. И не обязательно, чтобы война...

Андрей внезапно умолк, а Светлана, быстро взглянув на него, закусила губу, но ни о чем больше не спросила.

Неожиданно до их слуха донесся натужный рев мотора.

— Буксует,— сказал Андрей.— Ох, водителям сегодня достанется!

Светлана добавила:

— Во дворе застрял. Слышите? Вон оттуда ревет.

Она указала варежкой на ворота.

Когда Андрей и Светлана поравнялись с этими воротами, то увидели в глубине двора настежь раскрытый каменный гараж. В стороне, около палисадника, наклонившись на бок, буксовала машина. Как видно, ее пытались загнать в гараж. Мотор пронзительно ревел, машина тряслась, но с места не двигалась.

— Концерт устроили,— осуждающе заметил Андрей.— Всех теперь кругом перебудят.

— А что же делать?

— Как что? Слить воду и на одну ночь оставить машину во дворе. Ничего с ней не случится.

— А вдруг угонят, как ту?..

— Ну, это редкий случай.

В это время машина перестала реветь. Мотор выключили. Стукнула дверца, и появился человек. К нему подошел второй, он, видно, толкал машину сзади. И оба, о чем-то переговариваясь, двинулись к воротам.

На улице они простились. До Андрея и Светланы долетели слова, сказанные одним из них:

— Чтоб машина до утра была в гараже. Завтра чуть свет ею займусь наконец. Ясно?

Второй собеседник суетливо огляделся, увидел молодых людей и, поминутно скользя, побежал к ним.

— Товарищ,— просящим тоном обратился он к Андрею.— Помогите. Толкните машину. Я еще одного сейчас позову. А то из сил выбился.— Обернувшись к Светлане, добавил: — Уж я не знаю, как извиняться.

Через несколько минут к воротам подошел, сладко потягиваясь, еще один человек.

Все двинулись во двор, к машине.

Светлана осталась стоять в стороне, шофер сел за руль, а Андрей вместе с другим человеком уперлись плечами в кузов машины.

Прямо перед глазами Андрея зажегся фонарик над номером машины. И он невольно посмотрел на четкие цифры. Взревел мотор. Андрей нажал плечом. Сильнее. Еще сильнее...

Но перед глазами продолжали стоять белые цифры на номере машины. Только спустя какие-то мгновения Андрей вдруг понял, почему эти цифры так взволновали его. Тридцать четыре ноль семь!

Урча, машина медленно двинулась к гаражу.

Андрей, продолжая упираться в нее плечом, лихорадочно соображал, как ему следует теперь поступить.

Шофер уже с благодарностью тряс ему руку, а Андрей все еще не знал, на что решиться.

Когда они наконец остались со Светланой одни, Андрей торопливо рассказал ей о своем открытии. К его удивлению, она не растерялась, а, вся загоревшись от нетерпения, спросила:

— Что будем делать?

— Что делать?.. Вот что.— Андрей вдруг заговорил уверенно и спокойно: — Я останусь здесь, во дворе. Спрячусь около гаража. На всякий случай. А вы бегите к телефону. Ближе всего домой. Звоните в милицию. Пусть немедленно едут сюда.

— Хорошо. Только...— Светлана смущенно помедлила.— Спрячьтесь получше. Ладно?

— Ладно, ладно. Бегите.

И Светлана легко, почти не скользя, побежала по кромке тротуара, где льда было меньше.

Когда ее высокая худенькая фигурка скрылась за углом, Андрей медленно двинулся к воротам.

Зайдя во двор, он огляделся. Никого. Осторожно продвигаясь вдоль стены дома, Андрей добрался до гаража и прижался к его холодной, обледенелой стене. Переведя дыхание, Андрей прислушался. Во дворе было тихо, только посвистывал ветер в голых ветвях деревьев.

Томительно долго тянулось время. Холод пробирался под пальто, коченели ноги. Андрей неслышно переступал ими, пытаясь согреться.

Внезапно откуда-то донесся неясный шум. Андрей насторожился. Его трясла мелкая дрожь: то ли от холода, то ли от волнения. Зубы он стиснул, чтобы не стучали.

Шум повторился. Андрей весь подался вперед, оторвавшись от стены.

И в этот момент сзади на него обрушился удар. Человек бил наотмашь, чем-то тяжелым, хорошо прицелившись. Удар пришелся по голове.

Андрей со стоном повалился на землю и потерял сознание.

Тихо... В палате всего четыре человека. Трое спят. Не спит только Андрей. Очень болит голова, какой-то дергающей, сверлящей болью. Эта боль почему-то отдает в плечо, и оно ноет и горит, словно раненое. Но главное — голова. Боль мешает думать, читать, разговаривать.

К Андрею никого не пускают... Двое суток без сознания... профессор из Минска...

Хотя нет, пускают. Только что от него ушел Ржавин. Ему разрешили пробыть десять минут. Что мог сообщить Андрей? Ничего, кроме того, что уже рассказала Светлана. Славная девочка. Врач сказал, что она всю ту ночь просидела здесь, в больнице. Но ее не пустили к нему. И на следующий день тоже. И сегодня опять. Пустили только Ржавина.

Да, Андрей ничего нового ему не сказал. Зато успел многое рассказать Ржавин. Они прибыли через десять минут после звонка Светланы, но нашли уже лежавшего без памяти Андрея и машину. Ее пытались выкатить из гаража, но она опять забуксовала. В машине, под обшивкой и в подушках сидений оказалась крупная контрабанда: чуть не тысяча пар чу-

лок, самых лучших, капроновых, и, что особенно ценно, мотки платиновой проволоки. «Загадка голубой «Волги» почти разгадана»,— смеясь, объявил Ржавин. Но преступники пока не обнаружены.

Ржавин ушел, и опять тихий непрекращающийся звон в ушах, слабость такая, что трудно шевелить пальцами, открыть глаза. И болит, очень болит голова, плечо...

Андрей тихо стонет. Он кусает губы и все-таки, забывшись, стонет опять.

По палате кто-то осторожно прошел. Сестра, наверное. Беленькая девушка, тихая и ласковая. Наверное, это она. Но не хотелось открывать глаза. Вот подошла. Провела рукой по его волосам, выбившимся из-под повязки.

Тихо, сквозь стиснутые зубы, Андрей застонал.

И вдруг... Что это?.. Капнуло что-то ему на щеку. И снова капнуло.

Андрей открыл глаза. Чье-то расплывчатое лицо перед ним. Нет, это не сестра... Светлана!.. И плачет... Пропустили, значит.

— Андрюша, милый!.. Вы меня слышите?..

— Да, да...

— Привет вам от всех. От папы, мамы, Дубинина, Шалымова...

Сколько людей передают ему привет! Светлана называет все новые имена.

— ...И еще говорила с врачом и с тем профессором. Они чего-то боялись больше всего. Но теперь все в порядке. Говорят, что через неделю выпишут.

— Светлана, не надо плакать.

— Я не плачу. С чего вы взяли? Ох, уж надо уходить! Сестра сердится. Она у вас такая сердитая.

— Эта беленькая? Что вы!

— О, вы ее не знаете еще! До свидания, Андрюша. Тут вам какие-то записки. Я вам под подушку их кладу. Потом прочтете. А я... я опять приду. Хорошо?

— Очень...

— А вам больно, да?

— Нет... почти.

— Засните.

— Постараюсь. Значит, вы придете?

— Да, да...

Тихо. Андрей открыл глаза.

Пустая палата. Только на трех кроватях лежат под белыми одеялами три человеческие фигуры. Спят... Светлана ушла.

Вдруг Андрей вспомнил: Светлана положила ему под подушку какие-то записки. Он медленно протянул руку, нащупал два сложенных листка и положил их себе на грудь, прикрыв ладонью.

Несколько минут Андрей лежал с закрытыми глазами. Отдыхал. Потом взял один из листков, развернул, поднес к глазам.

Первая записка была от Дубинина. Веселая записка. Хороший все-таки Валька друг!

Вот вторая записка. От кого она? Глаза Андрея медленно скользили по строчкам.

«Милый Андрей. Один знакомый сказал мне, что с тобой неприятность. Зачем только принесло тебя в тот двор! И с девушкой. Я не ревную, не думай. А выздоровеешь, надо повидаться обязательно. Надя».

Надя! Что это значит? Откуда она появилась, откуда узнала, что с ним случилось? Странно... Да еще с такими подробностями: двор, девушка. Откуда ей это известно?

Андрей думал, и чем больше он думал, тем все дальше и дальше, казалось, отступала боль. Андрей чувствовал: серьезный узел завязывается вокруг этой записки.

Он так резко повернулся на подушке, что уже почти не хватило сил нажать рукой кнопку у изголовья.

Через минуту над ним склонилась беленькая сестра.

— Что вы хотите, Андрей?

Она всех больных называла по имени.

— У меня сегодня был Ржавин, из милиции...

— Да, знаю.

— Позвоните ему... Он мне срочно нужен... Вы понимаете? Это очень важно... Очень...

ГЛАВА V

Искушения святого Антония и прочие неприятности

Берлинский экспресс подошел к блок-посту Буг в первом часу ночи. Сидевший у окна Буланый сквозь слипающиеся веки увидел, как из кромешной тьмы вдруг возникли три нестерпимо ярких глаза, в потоке их света кружились белые прозрачные клубы пара. И тут же взревел гудок.

Только что дремавшие в комнате таможенники, поеживаясь от холода и ледяных порывов ветра, разбрелись вдоль состава, в темноте скользя и спотыкаясь об обледенелые шпалы.

Буланый разыскал вагон-ресторан. Вот где ему сегодня работать.

Шалымов предупредил, что это трудный участок, и ехидно, как показалось Семену, спросил, не послать ли ему в помощь кого-нибудь еще. Тут, конечно, не было никакой заботы. Просто Шалымов его не любил и хотел, чтобы он, Семен, попросил помощи, чтобы все видели, как он не уверен в себе. Шалымов, наверное, решил отомстить за случай с итальянской делегацией, из-за которого он и его любимчик Андрей Шмелев получили тогда взыскания. «Ну, погодите,— мстительно подумал Семен,— скоро Михаил Григорьевич всем вам даст прикурить».

Семен упругим движением подтянулся на высоких поручнях вагона.

После ночной тьмы глаза резанул яркий свет в пустом салоне вагона-ресторана. Вдоль окон протянулись ряды столиков под белоснежными скатертями, между ними стояли мягкие, обитые голубым плюшем кресла. В глубине вагона виднелась стойка буфета, пестрая от конфетных и папиросных коробок, бутылок с винами и шоколадных плиток. Рядом с буфетом находилась дверь в кухню и подсобные помещения.

Из этой двери навстречу Семену вышел худой и сутулый человек средних лет, в белом халате, с отекшим и угрюмым лицом и опущенными книзу, реденькими усами. Это и был тот самый Юзек, о котором специально предупредил Шалымов. Уменьшительное и почти ласкательное имя Юзек до смешного не шло к этому мрачному, неуклюжему человеку. «И этого тюленя остерегаться?» — насмешливо подумал Семен.

Чуть косолапя, Юзек подошел к Семену и, изобразив на морщинистом лице какое-то кривое подобие улыбки, глухо сказал:

— Привет, товарищ начальник. Вот мы наконец и дома, слава тебе, господи. От чашечки горячего кофе не откажетесь?

— Некогда,— сдержанно ответил Семен.— Приступим к досмотру.

Но Юзек, не слушая его, крикнул, обернувшись к буфету:

— Муся, чашку кофе!

И тотчас оттуда появилась белокурая складненькая девушка с бойкими глазами под тонкой ниточкой иссиня-черных бровей. На ярких полных губах ее играла усмешка. Девушка протянула Семену чашечку дымящегося кофе и оживленно защебетала, окидывая его бесцеремонным и веселым взглядом:

— Ну что вы, молодой человек, что вы! С такого холода-то как приятно. Я же вижу, вы замерзли. И спать, наверно, хотите. Вот так стоя и выпейте. А ля фуршет,— с комичным старанием произнесла она под конец и прыснула, бросив быстрый взгляд на Юзека.

— Не могу. Я, товарищи, на работе.

— Так разве мы вам мешаем? — огорчилась Муся.— Мы же для вас... Я так хотела...

— Я понимаю, понимаю...

Семен смягчился и благосклонно посмотрел на девушку. Положительно она недурна! Фигурка... да и мордочка. И как-то так смотрит... Видно, что он, Семен, ей понравился. Все-таки он умеет нравиться женщинам! Вот и эта тоже. Интересно было бы проверить. Однако дело прежде всего.

Тем не менее он взял чашечку из рук Муси и, обжигаясь, торопливо выпил душистый и крепкий напиток.

— Спасибо, чудесный кофе.— Семен задержал на девушке внимательный и дерзкий взгляд.— Вы, кажется, мастерица. Ну, а теперь,— он обернулся к Юзеку,— за работу.

Войдя в тесное помещение кухни, Семен с усмешкой спросил Юзека:

— Надеюсь, на этот раз в супе ничего недозволенного не везете?

— И не говорите! Тогда леший кого-то попутал! — с искренней досадой воскликнул тот.— И сам виноват: недосмотрел... Но уж теперь их вот всех предупредил...

Он указал на дверь, за порогом которой стояли, кроме Муси, еще пожилая женщина и низенький толстый повар. Все они были в белых халатах, а повар еще и в колпаке.

При этом Семен не заметил, как Юзек обменялся с Мусей насмешливой улыбкой. Затем Юзек принялся услужливо открывать перед Семеном бесчисленные шкафики, выдвигать большие и малые ящики, помогая вынимать оттуда горы посуды, пакеты и коробки. Юзек делал это с такой безбоязненной, даже подчеркнутой поспешностью, что у Семена не возникало и тени подозрений. «Нет,— решил он,— человек, что-то скрывающий, ведет себя не так».

А Юзек открывал все новые и новые дверцы, выдвигал ящики, приговаривая:

— Гляньте сюда, будьте ласковы... И сюда... А вот этот забыли!..

Семену уже казалось, что не осталось и уголка, не осмотренного им, а Юзек находил все новые ящики, то прикрытые какими-то выдвижными разделочными досками, то краем клеенки, то каким-то большим предметом на столе или на полу. Потом перешли к холодильникам.

Состав уже пришел в Брест, в вагонах пассажиры уже спали, а Буланый, усталый и злой, все еще не мог покончить с досмотром кухни вагона-ресторана.

Наконец Муся не выдержала и воскликнула:

— Ну пойдемте же ко мне в буфет! Сколько можно....

— Да, в самом деле,— откликнулся Буланый.— Тут как будто все в порядке.

Хмурое и тоже уставшее лицо Юзека просветлело, и он вздохнул с видимым облегчением, в котором, однако, и на этот раз Семен при всем желании не мог ничего заподозрить плохого, ибо точно такое же облегчение ощутил и сам.

При осмотре буфета рядом с Семеном была одна Муся. Юзек устроился вдалеке, за одним из столиков, и, надев очки, спокойно проглядывал какие-то документы. Повар и пожилая женщина переоделись и, несмотря на ночное время, ушли в город навестить кого-то.

Муся стояла так близко, что Семен чувствовал запах ее духов, ощущал теплоту ее кожи на обнаженных по локоть руках. Девушка то и дело нагибалась, открывая ящики за стойкой, и Семен исподтишка следил за ее мягкими движениями. А Муся, выпрямляясь, каждый раз обжигала его веселым и дразнящим взглядом и беспричинно улыбалась.

В какой-то миг Семен решился и, нагнувшись вслед за Мусей, крепко обнял ее за талию. Девушка, не вырываясь, с полушутливой строгостью прошептала:

— Не время сейчас баловать. Понял?

— А когда время?

— Смотри, пожалуйста, какой шустрый!

— А что?

— А то, что погнала бы я тебя, знаешь куда?.. Да что-то приглянулся ты мне.

— Ну, когда же время? — настойчиво переспросил Семен.

Муся бросила опасливый взгляд на сидевшего в глубине салона Юзека и торопливо ответила:

— Главное, уходи побыстрее. А через полчаса возвращайся. Он тоже в город уйдет,— кивнула она на Юзека.

— Понятно.

Семен с лихорадочной быстротой закончил досмотр и стремительно направился к выходу из вагона, кивнув на прощание Юзеку.

...Во второй раз Семен пробыл в служебном купе вагона-ресторана, как ему показалось, всего один миг. А Муся уже затормошила его и велела уходить.

Семен в последний раз обнял ее и вдруг, подчиняясь какому-то озорному чувству, беспечным тоном спросил:

— Слушай, дело прошлое. Скажи теперь как есть. Везли вы контрабанду или нет?

В ответ Муся неожиданно звонко рассмеялась, так неожиданно, что Семен даже вздрогнул.

— Конечно, везли,— с улыбкой сказала она и, прижавшись к Семену, шепнула ему в самое ухо: — Спасибо тебе.

— Ты что говоришь? — испуганно переспросил Семен.— Соображаешь?

Муся отстранилась и уже другим, насмешливым и резким, тоном сказала:

— Я-то соображаю. А вот ты, милый, кажется, не очень.

И уже в последний момент, когда Семен приоткрыл дверь вагона, собираясь выскользнуть на темный перрон, Муся шепнула ему вдогонку:

— Смотри. Не болтай лишнего. А то...

Последних слов он не расслышал. «Вот это влип!» — проклиная себя, думал Буланый, и Муся ему теперь казалась противной и наглой.

В ту ночь долго не гас свет в квартире Нади Огородниковой. Вокруг накрытого стола нетерпеливо шагал Засохо, шлепая домашними туфлями и засунув руки в карманы теплой куртки. За стеклами очков

видны были его большие, как у совы, настороженные глаза.

Надя сидела на кушетке, держа гитару, и задумчиво перебирала пальцами струны.

— Пора бы уже ему быть,— проворчал Засохо.— Стареет, черт бы его побрал. А ты тут за него нервничай...

— Придет. Что ему станет,— враждебно отозвалась с кушетки Надя.

Почему-то в последнее время она совсем перестала бояться Артура Филипповича. И уважать перестала: такое же дермо, как и все. А уж трус!.. Как он в прошлый раз испугался, когда Андрей намекнул на какие-то доллары! Неужели Засохо вез тогда валюту? А ей он сказал, что у него изъяли мануфактуру. И Евгению Ивановичу в Москве он тоже это сказал. Значит, он обманывает их? Такое не прощается. Вот только бы узнать, только бы узнать...

Засохо, нетерпеливо шагая вокруг стола, думал о том, что он скажет, вернувшись в Москву, Евгению Ивановичу, как объяснит потерю целой партии этих проклятых чулок. Со Шмелевым тоже получилось более чем неудачно. Слава богу, хоть жив остался. Товар же вернуть все равно не удалось. А Засохо еще собрался крупно надуть «шефа» на этой комбинации. Да, еще один скандал, и этот проклятый Евгений Иванович может, пожалуй, вообще выставить его, Засохо, из «дела». О, он церемониться не будет!

Засохо почувствовал, как его стало даже познабливать от волнения.

Он с тревогой схватился за пульс. В отношении своего здоровья Артур Филиппович был мнителен до чрезвычайности.

— Артур Филиппович,— вдруг задумчиво спросила Надя,— а как вы думаете, будет война?

Засохо, не переставая ходить вокруг стола, раздраженно ответил:

— Пусть у других за это голова болит.

— Легко сказать,— вздохнула Надя.— Сколько она нам горя принести может!

Засохо снисходительно усмехнулся.

— Кому это «нам»? Тебе? Мне? Да если у нас будут деньги, нам всюду и всегда будет хорошо.

— Я вас чего-то не пойму,— с тревогой посмотрела на него Надя.

Ей на секунду вдруг стало страшно. И не от злых глаз Засохо, даже не от его слов. Надя внезапно ощутила какую-то страшную пустоту вокруг себя. Привычное слово «мы», под которым она всегда — и в детстве, во время войны, и потом, когда речь заходила о международных делах,— как-то естественно понимала весь народ, всю Родину, вдруг сейчас это слово «мы» сузилось до крошечного «я» и «он». Неужели, если вдруг всем вокруг будет плохо, ей, Наде, и вот ему, Артуру Филипповичу, будет хорошо? Неужели?.. А другим? А маме, например? А брату Косте, который живет с семьей в Новосибирске? А другим? Неужели деньги отгородили ее от всех этих людей? Неужели, если всем им будет плохо, ей, Наде, может быть хорошо?

От этих мыслей Наде стало вдруг на секунду так жутко, что она впервые, кажется, с ненавистью взглянула на самодовольное, хитрое лицо Засохо и глухо сказала:

— Надо говорить, да не заговариваться.

В это время в передней зазвенел звонок. Он зазвенел так неожиданно и резко, что Надя сразу даже не могла сообразить, что случилось.

Первым устремился к двери Засохо.

— Слава богу, наконец-то! — услышала Надя его голос из передней.— Уж не знали, что и думать. Ну как?

В ответ прозвучал знакомый, глуховатый голос Юзека:

— Порядок. Таможенник попался — клад.

— Кто такой? — сразу заинтересовался Засохо.

— Фамилия Буланый,— усмехнулся Юзек.— Уж я его за нос поводил. А потом... потом Муська за него принялась. Куда ставить?

Надя вышла в переднюю. Она увидела Юзека в длинном темном пальто и мятой фетровой шляпе, с двумя чемоданами в руках.

— Я его знаю, этого Буланого. Его Семеном зовут,— сказала Надя.

— Вот и заметь себе,— строго произнес Засохо.— Это все? — спросил он у Юзека, указывая на чемоданы.

— Еще два в машине. Полине отвезу.

— Правильно,— одобрил Засохо и, окончательно придя в хорошее расположение духа, потрепал Юзека по плечу.— Давай вези. И не задерживайся. Дело обсудить одно надо. Да и выпить успеть.

Юзек кивнул головой и, не прощаясь, исчез за дверью.

Пыхтя, Засохо оттащил чемоданы на кухню. Там он приподнял с пола кусок линолеума, отсчитал от стены нужную доску и потянул ее вверх. Доска легко приподнялась, обнаруживая черную пустоту под собой. Туда Засохо и спустил чемоданы.

В столовую он вернулся в хорошем настроении. Надя по-прежнему сидела на тахте, задумчиво перебирая струны гитары.

— Ну, чего строишь из себя мировую скорбь? — бодро спросил Засохо.— Можно пока по первой пропустить. За его здоровье и благополучие.— Он кивнул на дверь, за которой скрылся Юзек.

Надя равнодушно махнула рукой.

— Пейте себе.

— Как знаешь. Могу и один.

Он со смаком выпил, закусил. Потом снова обернулся к Наде и подобревшим тоном спросил:

— Ну-с, а как Андрей? Срослась голова-то?

— Не знаю. Думала, он ответ мне напишет, а он не написал. Сестра говорит, слабый еще.

— Ответ? — настороженно переспросил Засохо.— А ты что ему написала?

— Ну, написала, что жалко мне его, что видеть хочу, когда выпишется...

— Та-ак. И еще написала, конечно,— с мгновенно вспыхнувшей яростью сказал Засохо,— откуда ты знаешь, что он в больнице. Что, мол, есть у тебя такой приятель, Засохо Артур Филиппович, вот он-то тебе и...

— Да что вы! — Надя сердито посмотрела на Засохо.— Что вы в самом деле!

Но Засохо, обдумывая что-то, снова молча шагал вокруг стола. Потом, приняв какое-то решение, он подошел к Наде и, покачиваясь с каблуков на носки, холодно и чеканно произнес:

— Так вот. Юзека я, конечно, дождусь. Но больше я у тебя не останусь. Все. И не ищи. За ночлег я лучше деньгами платить буду, чем свободой.

Надя небрежно пожала плечами.

Все эти дни Геннадий Ржавин энергично занимался «делом» о голубой «Волге» и о «разбойном нападении на гражданина Шмелева». В самый разгар работы он вдруг получил от Андрея записку, присланную ему Огородниковой.

Прежде чем побеседовать с Андреем, Ржавин собрал немало сведений об этой красивой и бойкой женщине. Побывал он и у нее в магазине. А старик сосед из второго подъезда, с которым он долго вел разговор на самые разные темы, перечислил всех, кто ходил к Огородниковой. Среди них Ржавина особенно заинтересовал полный седеватый человек в очках с золотой оправой, который по нескольку дней жил у Огородниковой, последний раз совсем недавно.

За всеми своими делами Ржавин, однако, не забывал каждый день звонить в больницу и справляться о здоровье Андрея.

В это утро дежурная сестра ответила:

— Сегодня выписываем. После обеда.

Ржавин немедленно отправился в больницу.

Он вызвал Андрея в коридор, и они уселись около окна, уставленного цветочными горшками.

— Ну, добрый молодец,— сказал Ржавин,— дело, кажись, на поправку пошло?

— Вот выписывают...

— Та-ак! — Ржавин испытующе посмотрел на Андрея.— Слушай, открой мне секрет: что у тебя за отношения с этой самой Огородниковой?

Рассказывать об отношениях с Надей Андрею было неприятно. Просто это касалось таких сторон жизни, которые, как полагал Андрей, совестно и бесчестно вытаскивать всем напоказ. Тем более если женщина, о которой предстояло рассказать, была, кажется, увлечена им и, следовательно, верила ему.

Ржавин, как видно, уловил причину его колебаний. Сам тон, как, впрочем, и текст записки, говорил о каком-то особом отношении Огородниковой к этому парню. И он строго сказал:

— Помни, дело тут идет о серьезных вещах. Может, она в тебя и влюблена...

— Я все понимаю.

Андрей нахмурился и, пересилив себя, очень коротко рассказал, как он познакомился с Огородниковой в гостинице «Буг», как потом она звонила ему и он избегал этих звонков, как, наконец, пришел к ней домой и застал там некоего Засохо, у которого в тот день изъяли контрабанду.

В этом месте Ржавин насторожился и спросил:

— Какой из себя этот тип?

Андрей, как мог, обрисовал ему Засохо. И Ржавин тут же отметил про себя: «Это тот самый, который недавно еще жил у нее».

— Теперь вот что...— Ржавин помедлил, обдумывая вопрос.— Сколько же раз ты встречал этого человека?

Андрей задумался.

— Пожалуй... три раза.

— Где?

— Первый раз в гостинице, потом в поезде, потом у нее дома.

— И отношения сложились неплохие?

— К сожалению.

— Это, старик, еще неизвестно. Ну, а дядю ее ты запомнил?

— Еще бы! Он же меня в гости звал, как в Москве буду.

— В гости? —оживился Ржавин.— И адрес дал?

Андрей усмехнулся.

— Нет. Адрес велел племяннице дать.

— Огородниковой?

— Ну да.

— Гм. Может, это и в самом деле ее дядя? Надо будет все это проверить. Все!

Ржавин посидел еще немного и стал прощаться.

После обеда няня принесла Андрею его вещи и сказала:

— Там девушка вас дожидается. В такси она.

«Светлана»,— сразу догадался Андрей.

Сегодня Андрей впервые после отъезда Люси вошел в свой дом. Вошел один: Светлана только довезла его в такси до крыльца — торопилась в институт.

Андрей обошел квартиру. Всюду подметено, прибрано и... непривычно пусто.

Да, они с Люсей здесь не были счастливы. В этом виноват и он, Андрей, и тот проклятый случай в гостинице, который не позволил ему потом прямо смотреть в глаза Люсе, не позволил до конца бороться, доказывать, спорить. И Вовке здесь тоже было плохо. Детям, наверное, плохо не только, когда

взрослые ссорятся, но даже и тогда, когда они притворяются, будто в доме все в порядке. Как Вовка чутко улавливал их настроение, каким он стал нервным и капризным...

В кухне на полке Андрей разыскал хлеб, яйца в картонной коробке, за окном он обнаружил сверток с маслом и колбасу.

В этот момент в передней прозвенел звонок. Андрей замер на секунду, потом торопливо направился в переднюю. Кто бы это ни был, все-таки живой человек, с которым можно будет перемолвиться хоть словом. Андрея с непривычки тяготило одиночество.

Но за дверью оказался не просто какой-то живой человек, а Валька Дубинин. С раскрасневшимся на ветру курносым лицом и живыми светлыми глазами, Валька принес с собой всю свежесть и энергию окружающей жизни. Он наполнил тихую квартиру шумом и движением. Он немедленно включился в приготовление ужина и стал громыхать посудой, накрывая на стол.

— Учти, я голоден, как волк! — кричал он Андрею через всю квартиру.— Эх, Андрюшка! Есть прелесть в холостяцком обеде с другом. Честное слово, есть!

Когда они наконец уселись за стол, Валька спросил:

— Ну, как черепушка?

— Порядок. Варит, кажись, по-прежнему.

— Интересно, а лучше ее никак не заставишь верить?

— Лучше некуда.

— Скромность не была его отличительной чертой,— насмешливо объявил Валька и вдруг серьезно спросил: — Как жить думаешь?

— Как жил, так и дальше буду.— И, меняя тему разговора, Андрей, в свою очередь, спросил: — Лучше скажи, как там у нас?

Валька раздраженно махнул рукой.

— Мишка поедом всех ест. Кроме, конечно, твоего Буланого.

— Возьми его себе.

— Нет уж. Ты это сокровище привез, ты и носись с ним.

— Он подлец,— медленно произнес Андрей.

— Помню. Ты рассказывал. Но я тебе скажу, что Мишка опаснее его в сто раз. Вот увидишь, он свалит Федора Александровича и займет его место.

— Это почему же?

— Потому, что он ничем не брезгает, потому, что его все боятся. Это страшный тип, понятно?

Валька даже покраснел от волнения, а в глазах светилась неугасимая ненависть.

— Ну, это ты уже хватил через край,— заметил Андрей.

— А я тебе говорю, что он страшный человек! — убежденно воскликнул Валька.— Судить его надо, вот что!

— Валька! — оборвал его Андрей.— Не дури! Опять «заносит»?

— Ничуть не заносит! Есть даже такая категория преступлений — преступления против человечности. Вот за что бы я его судил!

Андрей собрался было что-то сказать, но Валька перебил его:

— Вот посмотришь, я ему докажу, что таким сейчас нет у нас места!

— «Я докажу»,— насмешливо произнес Андрей.— Совесть человечества какая нашлась. А то без тебя никто этого сделать не догадается.

Валька упрямо мотнул головой.

— Я — это значит мы... Понял? И ты и другие. Только так.

Горячий спор не помешал, однако, друзьям съесть все, что было в доме. Они разыскали даже завалившуюся к самой стенке кухонного шкафа банку консервов и все-таки остались голодными.

— М-да,— сокрушенно заметил Валька.— А что дальше? У тебя деньги есть? Лично у меня накануне получки их не бывает.

— Есть,— ответил Андрей.— Целых три рубля.

— Ну, конечно! В больнице харчился на казенный счет. Дело выгодное.

— Ладно трепаться. В магазин сходишь?

— Так и быть. Не тебя же, инвалида, посылать.

— Инвалида?..

Андрей неожиданно нагнулся, схватил Вальку за пояс и, рывком подняв в воздух, забросил на плечи.

— Сейчас этот инвалид выкинет тебя из окна,— чуть задыхаясь, пообещал он.

В передней позвонили.

— Пусти,— смиренно попросил Валька.

— Лежи, лежи. И так открою.

Андрей двинулся в переднюю. Валька судорожно задергался у него на плечах.

— Ты что, рехнулся? Пусти!

Но Андрей, усмехаясь, ответил:

— Лежи смирно, а то уроню. Я тебе дам «инвалид»!

Так, с Валькой на плечах, он и открыл дверь. На пороге стояла Светлана.

— Боже мой! — всплеснула она руками.— Андрей, что ты делаешь? Тебе же нельзя!

Андрей скинул Вальку на пол, и тот, смущенно одергивая свой форменный пиджак, сказал:

— Ошалел, медведь. Это он так за то, что я его инвалидом назвал. Он же действительно ушибленный стал.— И Валька постучал пальцем по лбу.

Все трое рассмеялись. Потом друзья объяснили Светлане ситуацию: все съедено, а они голодные. Теперь прибавилась еще голодная Светлана, правильно? А поэтому...

— Поэтому в магазин пойду я,— решительно объявила девушка.— Воображаю, что вы купите, Валя.

Когда она ушла, Валька шутливо сказал:

— Ну, тебе, кажется, недолго осталось ходить в холостяках.

— Брось! Мы друзья, понял?

— Понял, понял. Тут и слепой все поймет.

— А! — досадливо махнул рукой Андрей.— Ну, что прикажешь? Сказать, чтобы не ходила?

Валька испуганно воскликнул:

— Ты что! Обидишь, знаешь как? М-да... А ведь она чудная девчонка.

— Именно.

Больше они об этом не говорили.

А потом вернулась Светлана, и друзья, как выразился Андрей, пошли ужинать «по второму кругу».

— Эх, чем-нибудь бы отметить выздоровление,— мечтательно заметил Валька.— Случай, что ни говорите, феноменальный.

Светлана, сразу догадавшись, отрезала:

— И не думайте даже. Андрею нельзя.— И добавила, обращаясь к Андрею: — Мои привет тебе шлют. Мама обещала завтра пирог испечь. А папа... опять заболел,— печально закончила она.

— Опять! — досадливо стукнул кулаком по столу Валька.— Сколько же можно болеть! Врачи называется!

Он бросил красноречивый взгляд на Андрея, и тот догадался, о чем думал Валька. Ведь пока Жгутин болеет, Филин не сидит сложа руки.

Дело, получившее шифр «Голубая «Волга», явно разрасталось. Прежде всего надо было разыскать человека по фамилии Засохо.

Ржавин в который уже раз принялся заново обдумывать все известные факты об этом проклятом Засохо. Если, конечно, уже не удрал из Бреста. От Огородниковой ушел, в гостиницах не появлялся.

Но, с другой стороны, Огородникова однажды встречалась с ним в ресторане «Буг». Почему не дома? Наверно, хотела шикануть. Но почему именно в «Буге»? Там гостиница... Так-так... Интересно, догадывается Засохо о том, что за ним охотятся?.. Пожалуй, нет...

В этот момент Ржавина вызвал к себе капитан Митрохин. Он внимательно выслушал Геннадия и, подумав, сказал:

— Учти, дело тебе дали перспективное. Ой-ой какое! Давно мы на такую опасную группу не выходили. Отсюда и задача: Брест наш от всей этой погани как можно быстрее очистить. Каждую минуту помнить надо: это не просто город, милый ты мой! Это гордость народа, это героический город. И это граница. Потому спрос тут с нас двойной. Понял? А пока что мне нужен Засохо. Достань его хоть из-под земли. Он еще здесь, в Бресте.

Однако в тот день Засохо так нигде и не появился. Не появился он и на второй день и на третий...

Ржавин терялся в догадках: в какую же щель забился этот человек? Но с каждым днем ему становилось все очевиднее: капитан Митрохин ошибся: Засохо, по-видимому, ускользнул из Бреста.

Когда Андрей впервые вышел на работу, он чувствовал себя еще слабовато, но вышел: терпения больше не хватило сидеть дома.

А утром к нему заехал Ржавин.

Он теперь бывал у Андрея чуть не каждый день, обычно под вечер. И как только появлялась в дверях его долговязая фигура в кожаном пальто и лихо заломленной ушанке, у Андрея веселело на душе. Нет, правда, хороший парень этот Ржавин и верный какой-то, во всем положиться на него можно. Приходил к Андрею и Дубинин, и тогда разговор кончался, начинались споры. Вальку, как всегда, «заносило». От мировых проблем переходили к бытовым трудностям одинокого существования, и тогда два «закаленных» холостяка не упускали случай поиронизировать над «новичком». Приходила и Светлана. Смеясь, рассказывала, что в институте она сдает экзамен на медсестру. «Андрей — моя практика. Очень удобно». Эту высокую худенькую девушку с громадными глазами и темной челкой на лбу за эти дни полюбили все трое, полюбили, как сестру, как веселого и доброго товарища. Так полюбил и Андрей, только так. И когда ловил вдруг на себе какой-то глубокий и недоуменный ее взгляд, старался отводить глаза...

В этот день Ржавин заехал утром.

— Ну, старик, собирайся. Я тебя решил перед работой на машине покатать.

— Это еще зачем? — удивился Андрей.

— Увидишь.

— А все-таки?

— Да одевайся ты наконец! — весело заорал Ржавин.— Что это за интеллигентские вопросы? Все ему объясни!

Ржавин приехал в тот самый двор, где Андрей толкал машину.

— А ну, покажи, где ты стоял, когда получил по голове,— попросил Ржавин.

Андрей показал.

— Ну, встань, как ты стоял.

Ржавин отошел в сторону, внимательно посмотрел на стоявшего у стенки гаража Андрея, потом обвел взглядом стену соседнего дома с бесчисленными его окнами. Окно комнаты, где жил шофер, загонявший в тот вечер проклятую машину в гараж,— окно это было прямо напротив места, где стоял сейчас Андрей. «Ночь светлая, луна,— прикинул про себя Ржавин.— Белая от штукатурки и снега стена и темная фигура человека. Здорово она видна была тому шоферу. А вот улик пока против него нет...»

— Все,— подходя, сказал Ржавин.— Сеанс окончен.

И повез Андрея на вокзал. По дороге, подмигнув, сказал:

— Сегодня я к тебе в помощники поступлю. Не возражаешь?

— Это еще зачем?

— Опять вопросы? Интеллигент!

— Мне эта твоя шуточка не нравится,— нахмурился Андрей.— Привкус у нее не тот, понятно?

...День в таможне шел, как обычно. Досмотровый зал то до краев наполнялся людьми — шумом, гамом, возгласами, шарканьем сотен ног, детскими криками,— то опустошался до звона в ушах от необъятной его тишины. Группы таможенников, как обычно, выезжали на Буг встречать поезда от границы. В «дежурке» шли разговоры о зарплате, о чьей-то болезни, о расписании дежурств, о политзанятиях и последней, особенно чем-то хитрой контрабанде.

Андрея затянул привычный круговорот дел.

Незадолго до прибытия берлинского экспресса из Москвы Шалымов сказал Андрею:

— Пойдете на вагон-ресторан.

— Кажется, Буланый туда просился. Вот бы...

— Как-нибудь я соображу такие вещи сам,— строго оборвал его Шалымов и, чуть помедлив, добавил:— Потом к вам еще один человек подойдет.

— Кто такой?

— Увидите.

Андрей равнодушно пожал плечами.

В первый же момент, как только Андрей появился в вагоне-ресторане и увидел Юзека, он весь внутренне насторожился.

Этот человек не внушал доверия, и Андрей твердо решил про себя, что перевернет здесь все вверх дном, прежде чем выпустит вагон за границу.

Начал Андрей с кухни. Юзек любезно предложил свою помощь, но Андрей отказался. Тогда Юзек спокойно ушел в салон и, усевшись за столик, принялся изучать какие-то накладные. «Ишь ты,— немедленно отметил про себя Андрей.— Ничего его в кухне, видимо, не беспокоит». Все же он придирчиво осмотрел кастрюли на плите, ящики, полки, холодильники... Ничего нет! Как он и чувствовал!

Андрей перешел в салон вагона-ресторана. Здесь досмотр начинался с буфета. Тотчас подбежала Муся и, обворожительно улыбаясь, предложила:

— Давайте помогу. А то еще перебьете чего.

— Ну, что ж,— согласился Андрей,— выгружайте-ка всю посуду.

— Неужели всю?! — всплеснула руками Муся.— Ведь и так будет видно.

— Ну, милая, или помогать, или не мешать.

В этот момент дальняя дверь салона отворилась, и вошел Ржавин. Андрей, заметив его, усмехнулся: «Вот он, Пинкертон. Кажется, мои подозрения оправдываются».

Тем временем Муся уже вынула почти всю посуду с полок.

— Вот так уж, я думаю, хватит с вас? — недовольно спросила она.

Андрей улыбнулся.

— Молода еще, чтобы ворчать да лениться.

— Так я оставлю?

Андрей мельком взглянул на Ржавина и заметил его напряженный взгляд. Он перевел глаза на Юзека и увидел, что тот перестал писать, рука с пером замерла над бумагой, но головы он не поднимал, делая вид, что занят своей работой. Только делал вид! За это Андрей готов был сейчас поручиться.

Ему вдруг вспомнилась детская игра, когда один ищет спрятанную вещь, а другие говорят ему «жарко» или «холодно», и чем ближе к спрятанной вещи, тем «жарче». Андрею вдруг показалось, что он сейчас играет в эту игру и все окружающие, каждый по-своему, в этот момент говорят ему: «Жарко».

Андрея охватило волнение. Контрабанда есть, она где-то рядом. Но где? Почему эта вертлявая девчонка так упорно не хочет вытаскивать из буфета всю посуду? И он решительно сказал Мусе:

— Ничего не оставлять.

— Да что же это такое?! — визгливо воскликнула та.— Издевательство прямо. Сами в таком случае вынимайте! Не нанималась!

— Муся! — прикрикнул на нее со своего места Юзек.— Если товарищу надо, вынь.

— Я нанималась гостей обслуживать, а не этих...

Когда вся посуда была вынута, Андрей внимательно осмотрел пустые полки. Доски как доски, а стенки даже фанерные. Что тут спрячешь?

Его внимание привлекла нижняя полка. Дно ее лежало на самом полу, вернее, должно было лежать, ведь ножек у шкафа не было. А на самом деле это дно находилось на порядочном расстоянии от пола. Что же под ним, под этим дном?

Андрей внимательно осмотрел доску. Она плотно, без единой щели прилегала к стенкам шкафа. И все-таки... Передний край ее ничем не закреплен, и если дверцы шкафа распахнуть до отказа... Да, да, ее, кажется, тогда можно выдвинуть.

Распахнуть дверцы мешали стопки посуды на полу. Андрей принялся отодвигать их в сторону.

— Я же говорю, он сейчас все перебьет! — звенящим от злости голосом воскликнула Муся.— А я потом из своей зарплаты отвечай! Не трогайте, вам говорят! Да что это, в самом деле!..

— Муся! — снова оборвал ее Юзек.

Андрей же не отвечал. Он был весь поглощен своей догадкой.

Наконец дверцы шкафа распахнуты. Андрей взялся руками за дно полки и потянул на себя... Еще... Еще сильнее... Дно даже не шелохнулось.

Озадаченный Андрей снова принялся изучать проклятую доску. Почему она не сдвигается, ведь путь для нее свободен? Гвоздями она не прибита. Клея не видно. Он нагнулся еще ниже. И сразу же уви-

дел тонкие металлические пластинки, вставленные по краям доски в узкие щелки между нею и стенками шкафа. А что, если вытащить эти пластинки? Эх, щипчики бы какие-нибудь!

— Мне нужны щипцы,— требовательно сказал он, выпрямляясь.— Фу! Даже спина заныла.

— У нас, к вашему сведению, не мастерская, а ресторан,— дерзко ответила Муся.— У нас щипцы только для сахара.

— Вот, вот! — Андрей обрадовался.— Такие и дайте.

Муся, ворча, открыла один из ящиков и почти бросила Андрею щипцы.

Совсем не просто оказалось ухватиться такими щипцами за узенькую, утопленную в щель пластинку. Но когда Андрей, все же изловчившись, вытащил их, доска легко и охотно почти выкатилась из пазов.

Все пространство под ней было плотно забито небольшими целлофановыми пакетиками.

— Чулки! — изумленно воскликнул Андрей.

— Что вы говорите?! — первым отозвался Юзек.— Откуда они там взялись?

Андрей насмешливо ответил:

— Об этом, дорогой товарищ, надо вас спросить.

— Понятия не имею.

— Тогда вот у этой девушки.

— Я вам что, справочное бюро? — зло ответила Муся.— Кто-то положил, а я отвечай!

— Ладно, разберемся потом.

Андрей чувствовал, как в нем просыпается ответная злость: так нагло, так бессовестно лгали ему в глаза эти люди.

— Продолжим досмотр.

Он огляделся. Черт возьми, да под любой планкой в стене, в утробе любого из кресел, за широкими плафонами ламп — словом, всюду можно спрятать что угодно. Разве все это можно осмотреть? А, собственно говоря, нужно ли? Тут надо проявить «оперативное чутье», как любит говорить Ржавин.

— М-да...— заметил Ржавин и, кивнув на чулки, с надеждой сказал Андрею:— Вероятно, это не все.

Андрей и сам так думал. Его уже охватил азарт поиска, и чувства все обострились до предела. Он был уверен, что сейчас не пропустит ни одной, пусть самой мимолетной детали в поведении этого прохвоста Юзека и девчонки-буфетчицы, детали, которая указала бы ему на направление нового поиска. Ведь вот же угадал он, что Юзек не боится за кухню.

Как же ведут себя эти двое сейчас? Девчонка, та не находит себе места, крутится и злится. Еще бы! Ведь за чулки в буфете отвечать ей! Юзек сидит в кресле, как прикованный, с невозмутимой мордой. Он только подошел посмотреть на выдвинутое дно шкафа, потом снова вернулся на свое место. Прошел мимо всех кресел и уселся на то, дальнее. И опять вытащил свои накладные. Так, так...

Андрей ощущал такое ликование в душе, так четко работала мысль, связывая воедино какие-то, будто сами собой всплывающие детали, что Андрей даже улыбнулся. «Что делает первый успех с человеком!»

Подчиняясь какому-то внезапно возникшему убеждению, он подошел к Юзеку.

— Будьте добры, пересядьте.

— Я вам мешаю?

— Хотелось бы осмотреть кресло.

В этот момент Андрей уловил все сразу: и тревожную искорку в сумрачных глазах Юзека, и откровенный интерес в глазах Ржавина, и даже мимолетную гримаску испуга на кукольном Мусином личике.

Андрей вынул из кармана отвертку и с подчеркнутой неторопливостью стал вывертывать винтики из боковых стенок кресла. Извлеченная из кресла гора целлофановых пакетиков даже как-то не очень удивила Андрея.

— Что и требовалось доказать! — насмешливо сказал он, глянув на стоявшего у окна спиной к нему Юзека.

Тот остервенело задернул шторки на окне и, повернувшись, сказал:

— Вы еще ничего не доказали! Я, например, все эти чулки в первый раз вижу.

— Об этом еще будет разговор, когда вернетесь из рейса.

Андрей в который раз подивился его наглой выдержке.

Но тут неожиданно раздался строгий и какой-то напряженный голос Ржавина:

— Сейчас же раздвиньте шторки на окне! Быстро!

Юзек поднял на него глаза.

— А в чем дело?

— Это я вам объясню потом. Раздвиньте шторки! Ну!

Ржавин говорил зло и с таким напором, что Андрей даже удивился. Потом неизвестно почему его вдруг охватила тревога, и он с угрозой сказал Юзеку:

— Прошу подчиниться!

Юзек, пожав плечами, неохотно раздвинул шторки.

— Если вам так больше нравится...

При этом он бросил внимательный взгляд на перрон.

Ржавин усмехнулся.

— Что? Никто вашего маячка не заметил?

— Я вас не понимаю,— хмуро бросил Юзек, отходя от окна.

— Зато мы вас отлично поняли.

Закончив все таможенные формальности, Андрей и Ржавин вышли на перрон.

Когда экспресс отошел от платформы, Ржавин взял Андрея под руку.

— Ну, старик, ты бесподобен. Это, я тебе доложу, был спектакль.

— Вдохновение,— со скромной гордостью ответил Андрей и подмигнул Ржавину.

Они вошли в здание вокзала, пересекли огромный, полный народа зал ожидания и очутились в другом, поменьше, где размещались кассы. Небольшая очередь выстроилась к одной из них со светящейся надписью: «Предварительная продажа билетов».

Не успели друзья войти в этот зал, как Андрей вдруг резко увлек Ржавина назад и, только когда за ними закрылась высокая дверь, возбужденно произнес:

— Там, в очереди, стоит Засохо!

— Кто?! — не веря своим ушам, переспросил Ржавин.

— Засохо, я тебе говорю!

Действительно, в очереди к кассе стоял, величественно возвышаясь над другими пассажирами, в черном с бобровой шалью пальто и в бобровой шапке-«боярке», Артур Филиппович Засохо собственной персоной. Ржавин узнал его сразу, хотя никогда до этого не видел. Он торопливо сказал Андрею:

— Пойди к кассиру, узнай, какой билет он берет. Встречаемся вечером у тебя.

В это время Засохо наклонился к окошечку кассы и через минуту, положив в бумажник билет и сдачу, направился к выходу из вокзала.

За ним последовал Ржавин.

Его ждало удивительное открытие: оказывается, Засохо спокойно жил все эти дни в гостинице «Буг», правда, под другой фамилией. Администратору он сдал паспорт на имя Пономарева. Так просто!

Не дожидаясь вечера, он зашел к Андрею.

Оказалось, что Засохо взял билет лишь на завтра, на вечер. На все другие поезда билетов в мягкий вагон уже не было.

— Когда он мне попадется, расцелую! — радостно объявил Ржавин.— Такие барские замашки! Старик, ведь он подарил нам целый день! Ты понимаешь, что это значит?

— Не совсем. А главное, я его не понимаю. Я бы, например, удрал отсюда как можно быстрее.

— Так он же спокоен. Он же не увидел сигнала тревоги — задернутых занавесок!

— Так вот в чем дело...

— Именно. Ах, Засохо, Засохо! А я-то думал: кому это Юзек маячок дает?

От Андрея, несмотря на поздний час, Ржавин отправился к себе в горотдел. Митрохин еще не ушел.

Сидели долго, придумывали, спорили, гадали...

Наконец Митрохин, отдуваясь, сказал:

— Фу-у!.. Теперь я, кажется, чуть-чуть спокоен. Хотя операция получается деликатная. Черт знает какая деликатная! И как только наши две головы ее сварили, удивляюсь.

— Теперь надо, чтобы там доварили.— И Ржавин указал пальцем на потолок.

— За этим дело не станет... И вот еще, пожалуй, какой ход надо проделать...

Светлые глаза Митрохина снова сузились и заблестели злой, лихорадочной хитростью. Он придумал действительно ловкий, необычайно ловкий ход. Сперва вспомнил пустяковую деталь, а уж из нее вытянул и этот ход.

— Сам говоришь: приглашал его тот дядя к себе, если он в Москве окажется. Ведь приглашал?

— Приглашал.

— Ну, так как же это не использовать, милый человек? Почему бы ему и не оказаться в Москве?

— Не все тут от нас зависит.

— А мы попробуем! Нас не убудет, если что... Зато если клюнет, ты понимаешь, что откроется?..

И снова они заспорили.

Но вот Митрохин потянулся, откинувшись на спинку стула, потом встал, не спеша, молча прошелся по кабинету и, словно убедившись про себя, что больше нечего спорить и нечего придумывать, сказал:

— Действуй, Ржавин. Очищай наш Брест, гордость нашу и славу, от всей этой погани. Очищай беспощадно! Ты тут главный будешь. Подбирайся, подкрадывайся, тихо только, осторожно. Они враги наши, до конца враги! Это я тебе как старый коммунист молодому говорю. Я их побольше тебя видел. И еще запомни: с каждым твоим шагом в этом деле враги будут появляться все опаснее. Не здесь, не в Бресте. Здесь, сам знаешь, если и появится вдруг такое, — раздавим быстро. Тебя главная задача ждет. До сих пор «плотва» шла. «Щуки» — впереди. Так что будь осторожен, Ржавин!

Андрей сидел на диване, возле маленькой красной лампочки-грибка и думал. Тихо в квартире. Пусто и темно. Четко, как маленькая кузница, тикает будильник. За окном проехала машина. И опять тихо, тоскливо и холодно, словно в склепе каком-то.

Вздохнув, Андрей потянулся было к книге, но раздумал. Разве там написано, как жить ему дальше?.. Вот ушли дневные дела и хлопоты, они всегда будут уходить от него по ночам. А тогда? Человеку так нужно чье-то тепло, чья-то ласка, и еще ему надо иметь кого согревать самому, о ком заботиться, кого ласкать...

Тьфу! До чего же он размяк! Впору побежать сейчас ну хотя бы к Светлане, она ведь звонила ему недавно. «Нет, нет, я никуда не ушел и не собирался. Я сказал тебе неправду. Я дома!» И голос ее из напряженного, все время ждущего и искусственно веселого станет вдруг звонким-звонким и счастливым. Да, да, он это знает. Но он не может... Мешает Люся. Она и сейчас мешает ему!.. Она всегда будет мешать! И это еще потому — о, Андрей хорошо себя знает! — что он виноват перед нею, перед ними обоими! Он виноват, так что бесполезно теперь казнить себя. И все, что случилось, вся беда, все одиночество, и глухая, изматывающая пустота в груди — все закономерно.

К черту! Надо ужинать и лечь спать. Спать, спать! Чтобы не думать, не слышать этой звонкой, пустой тишины, от которой некуда убежать... по ночам.

Днем другое дело. Днем он сегодня, например, нашел чулки у Юзека, знаменитого Юзека!

А еще они увидели сегодня Засохо. Этого человека Андрей ненавидел незатухающей ненавистью. Каким он был жалким на личном досмотре...

Личный досмотр... Да, это штука серьезная. «Крайняя мера в таможенном досмотре, чтобы докопаться

до самых потайных мест»,— как сказал однажды Жгутин. А потом — эти слова Андрей тоже запомнил, но почему-то отдельно,— потом Жгутин добавил: «Мне кажется, что всем нам жизнь тоже иногда устраивает вдруг личный досмотр, и тогда сразу выясняется, кому какая цена».

Да, это верно. Но пусть лучше сейчас Андрею не устраивают личного досмотра. Копейка ему сейчас цена, копейка...

Неожиданно зазвонил телефон.

Андрей невольно поглядел на часы. Ого, половина двенадцатого! Кто бы это мог быть?

Звонил Ржавин. Он прокричал Андрею в самое ухо слова, которые оглушили его:

— Старик, возможен вариант: послезавтра махнешь в Москву! «Щук» ловить! Готовься!

ГЛАВА VI

Операция «Щуки»

Весь день перед отъездом Засохо не выходил из номера гостиницы. Валялся на кровати, лениво читал и думал...

Мысли были разные. Одна, самая, казалось бы, робкая, чаще других тревожила его: «Не пора ли «упаковываться»? Слава богу, есть деньги, квартира, дача... Не пора ли?.. Ведь опасно. И этот последний Указ. Черт возьми, расстрел! Ну, нет! Для этого у него еще маловато капитала. И вообще, к черту!..

И тут же приходили другие мысли, деловые, расчетливые, жадные. Как, например, нащупать каналы, по которым работает Евгений Иванович? О, это хитрая бестия! Делец первой руки. Связи у него блестящие! Но и он, Засохо, тоже не дурак. Почему он должен состоять при чужом «деле»? Конечно, у Евгения Ивановича есть чему поучиться. Хватка! Нюх! Наконец, методы! К примеру, у Засохо с ним — ни одной личной встречи за все последнее время, это же надо! Так никакой ОБХСС не страшен! Все это, конечно, хорошо. Но хватит! Засохо уже научился. Почему же он должен питаться «долей»? Было время — еще совсем недавно,— когда Засохо не хотел даже думать о том, что за «каналы» у Евгения Ивановича, как получает он товар. Но то время прошло. Засохо как-то подсчитал, сколько с каждой операции имеет он и сколько — даже приблизительно — имеет Евгений Иванович. Подсчитал и ахнул! Вот после этого он и решил: все, баста! Надо ставить свое «дело».

О чем бы теперь Засохо ни думал, он в конце концов приходил все к тому же: надо ставить свое «дело». Но избавиться от Евгения Ивановича не так-то просто. Значит... значит, надо его сбить с ног.

И Засохо, багровея, сжимал кулаки, словно и в самом деле собирался немедленно сбить с ног своего «шефа». «Нервы,— через минуту ворчал он.— Нервы, будь они прокляты!»

Потом он начинал думать с Надьке Огородниковой. Дрянь такая! Надо избавляться! Но за ней цепочка! Юзек, например. Ох, что-то беспокоит его этот Юзек. Правда, он благополучно увез последнюю партию. Засохо внимательно наблюдал за окнами вагона-ресторана. Когда поезд тронулся, ни одно из них не было закрыто занавеской. И все-таки Юзек его беспокоит. Нет уж! Пусть эта цепочка остается Евгению Ивановичу. А он, Засохо, создаст свою. Конечно, это не так просто в Бресте. Проклятый город! Не пришли он сюда Надьку, так вообще не с кем было бы работать. А она нашла себе только старуху Клепикову. А ведь как искала! Подумать только, на весь город одна эта старуха! Пашка, шофер, что машину угнал, не в счет. Пустой парень, и ударил-то Андрея со страху. Да, тут пойди создай новую цепочку!

Вечером, когда Засохо вошел в вагон, в купе уже сидел худощавый молодой человек в дорогом, отлично сшитом костюме, явно заграничном галстуке и модных, до блеска начищенных ботинках. «Солидно, весьма,— отметил про себя Засохо.— Хотя и молод». И бодро сказал:

— Здравия желаю.

— Здравствуйте.

Поставив чемодан и скинув пальто, Засохо остановился перед окном, за которым медленно уплывал назад пасмурный, в черных лужах перрон с равнодушными носильщиками и провожающими.

— Так. Прощай, Брест,— деловито произнес Засохо, усаживаясь на диван. — А вы что же, до Москвы изволите ехать? — обратился он к своему попутчику.

— Именно.

— «Из странствий дальних возвратясь?» За рубежом побывали?

— Нет. Здесь, в Бресте, сел.

Засохо видел, что молодой человек не очень расположен к знакомству, словно бы даже робеет перед посторонним. Таких людей он не уважал. Правда, они были безопасны, но зато и интереса не представляли.

Однако после целого дня в пустом номере гостиницы Засохо стал особенно общительным.

— Раз уж нам суждено пробыть энное число часов вместе, разрешите познакомиться,— церемонно сказал он,— Засохо, Артур Филиппович, работник треста. В командировке здесь у вас был.

Молодой человек отложил газету и равнодушно пожал ему руку.

— Очень приятно,— и, в свою очередь, представился.— Соловей Павел. Железнодорожник.

Засохо с интересом посмотрел на своего попутчика. Для крупного работника он был слишком молод, но в то же время на рядового тоже не очень-то походил.

— В Москву едете по делам? — опять спросил Засохо.

— Нет. В отпуск.

— А семья здесь осталась?

— Какая там семья! — небрежно махнул рукой Павел. — Дядюшка один. Пенсионер. Да и с ним редко вижусь. Все в рейсах. Километры наматываю.

Слово за словом, все больше приоткрывался для Засохо его случайный попутчик. Да и Павел становился как бы все разговорчивее, словно оттаивая под заинтересованными, участливыми вопросами Засохо. Наконец он окончательно отложил газету и закурил. При этом Засохо невольно отметил про себя, что Павел курит самые дорогие сигареты. У него все больше росло ощущение, что попутчик его чего-то недоговаривает.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что дядюшка Павла в прошлом работал по торговой части. «Небось, «упаковался» сукин сын»,— завистливо подумал Засохо.

И тут вдруг пришла ему на ум идея, от которой даже ладони внезапно стали влажными от пота. Чтобы не выдать своего волнения, Засохо снял очки и стал тщательно протирать стекла. Но с этой идеей следовало, однако, подождать. И Засохо, водрузив очки на прежнее место, уже с особым вниманием следил теперь за каждым словом своего попутчика, продолжая обычный дорожный разговор.

Артур Филиппович прекрасно знал особенность такого дорожного разговора, когда собеседники неизвестно почему проникаются внезапной симпатией друг к другу и с откровенностью, на которую при других обстоятельствах ни один из них никогда бы не пошел, начинают рассказывать незнакомому человеку самые сокровенные свои мысли и заботы.

— ...В прошлом году умерла у него жена,— продолжал рассказывать Павел.— Один остался. А домик, хозяйство кое-какое. Ну, я к нему и перебрался. Иной раз привезешь ему оттуда,— он сделал легкий жест назад, в сторону границы,— чего-нибудь из шмоток или так...

Засохо ликовал, но внешне ничем не выдавал своего состояния. Племянник совершает загранрейсы! У дяди отдельный домик!

Вскоре он предложил пойти в ресторан; время было подумать об ужине.

За столиком среди шума и гама разговор принял безобидно-шутливый характер.

Неважный, хотя и дорогой коньяк, целый графинчик которого распили новые знакомые, окончательно их сблизил.

Первый тост был на «брудершафт», и растроганные приятели громко облобызались. Второй тост произнес Засохо.

— Павлуша, надо уметь жить. За умных людей, которые это умеют!

И, не дожидаясь ответа, Засохо опрокинул рюмку.

— Верно,— усмехнулся Павел.— Видали мы таких.

И тоже выпил.

Спал Засохо беспокойно. Среди ночи, проснувшись, пососал таблетку валидола, жадно напился воды, вздыхая, улегся снова и наконец заснул. Наверху неслышно дышал Павел.

Утром Засохо проснулся мрачный, с головной болью, но полный нежности к своему новому другу: на этот счет Засохо был великим артистом.

Приближалась Москва. Проводники уже собирали постели, раздавали билеты.

— Павлуша, ты где остановишься? — спросил Засохо.

— В гостинице,— беспечно ответил Павел и туманно пояснил: — Друзья-приятели.

«Я не должен его упустить,— говорил себе Засохо.— Это то, о чем я мечтал,— начало моего «дела»...

— Но сначала заедем ко мне,— решительно объявил Засохо.— Посмотришь, как живу. И план наметим. Мы с тобой за эти дни всяких радостей вкусим, вот увидишь, и... и о делах, быть может, перемолвимся.

При этом громадные его совиные глаза за стеклами очков смотрели так лукаво и игриво, что Павел засмеялся.

— Скажи, пожалуйста, «вкусим»... Интересно даже.

За окнами вагона уже мелькали высокие пригородные платформы, проносились зелеными вихрями поезда электрички, в паутине запасных путей появились стада пустых вагонов.

Это была уже Москва.

В то утро Жгутин впервые после болезни пришел на работу. Он бодрился и старался не подать виду, что чувствует себя все еще неважно. А люди потянулись в кабинет начальника таможни, откуда все эти дни доносились лишь зычные «разносы» Филина. К Жгутину приходили с делом и без дела, просто так. Поэтому в кабинете вечно толпился народ, и Жгутин редко набирался духу, чтобы выставить всех за дверь.

Чувствуя доброе отношение к себе окружающих, Федор Александрович растроганно благодарил за приветствия, шутил, но когда ему пытались жаловаться на Филина, сердито отвечал:

— Не могу же я, голубчик, отменять его приказ. Я болел, а он работал. Понимать надо.

Сердился же Федор Александрович потому, что прекрасно понимал, что жаловались на Филина не без оснований. Он и сам с трудом прощал ему формализм и грубость в отношениях с людьми. Но откровенное недовольство Филина всем тем, что пришло нового, справедливого и разумного в жизнь народа за последние годы, Жгутин простить не мог. Тут он уже забывал о предписании врачей избегать волнений и споров.

С негодованием увидел Федор Александрович, что за его отсутствие Филин наложил взысканий столько, сколько сам Жгутин не накладывал и за полгода. Причем взыскания получили даже лучшие работники, такие, например, как Шалымов.

Когда Федор Александрович спросил об этом Филина, тот сухо ответил:

— Я считаю, что товарищ Шалымов распустил людей в своей смене. Только и всего.

— Есть факты?

— А вы думаете, я чем руководствуюсь, чувствами? — холодно, со скрытой насмешкой, в свою очередь, спросил Филин.

«Он стал себе много позволять»,— отметил про себя Жгутин и холодно добавил: — Вы потом мне доложите их.

Спустя некоторое время он вызвал Шмелева.

— Вот что, Андрюша. Меня просили командировать тебя в Москву. Согласен. Тем более, что и по нашим делам туда ехать надо. Когда поедешь?

— Лучше всего завтра утренним.

— Та-ак. Ну, а что из Москвы-то пишут?

Андрей понял, кого имеет в виду Жгутин, и отрицательно покачал головой.

— Неужто не пишет?

— Нет.

Жгутин нахмурился.

— А ты?

— Написал два письма. Не отвечает.

— Черт знает что! Вот будешь в Москве, зайди. Проведай сына.

— Зайду, что ж делать.

— Ты голову-то не вешай,— рассердился вдруг Федор Александрович.— Это не только твое право, а, если хочешь, обязанность твоя!

Андрей строго посмотрел в глаза Жгутину.

— Сын мой без отца не будет. Не позволю я этого.

— Вот, другой разговор. — Жгутин вдруг хитро прищурился. — Ну, а выговор-то пережил?

Андрей сдержанно ответил:

— У меня, Федор Александрович, и без того переживаний хватает. Мелкие подлости меня уже не трогают.

— Ишь ты! — удивился Жгутин и, посуровев, добавил: — А меня, голубчик, всякие подлости невозможно как трогают. А врач волноваться запретил. Вот как хочешь, так и живи теперь.

— Как же вы хотите жить? — улыбнулся Андрей.

— А как жил,— неожиданно дрогнувшим голосом сказал Жгутин.— Мне, милый, меняться поздно.

Жгутин как-то сразу выпрямился, и походка, какой он обошел вокруг стола, была неожиданно решительной и бодрой. Андрей обрадованно подумал: «А он еще подерется!» Вдруг Жгутин рассердился.

— И ты, пожалуйста, запомни: коммунист должен драться за справедливость во всем. Меня, например, волнует такой выговор, как у тебя.

— На все нервов не хватит, Федор Александрович,— чуть иронически возразил Андрей.

— Должно хватить! Особенно у вас, молодых. Ты же коммунист, Андрей.

Андрей тихо ответил:

— И он тоже...

— Ну и что? Да на такой случай у нас есть партийное собрание и его воля. — Жгутин на секунду умолк, потом махнул рукой.— Ладно. Об этом еще успеем. А пока счастливого тебе пути. И возвращайся быстрее. Ждать тебя будем. Черт знает, как-то привыкаешь к хорошим людям!

Андрей улыбнулся.

— У вас в Бресте удивительно много хороших людей. Мне даже кажется, больше, чем в других местах.

— «У вас в Бресте»,— ворчливо передразнил его Жгутин.— Я надеюсь, что это уже и твой город?

— Верно, верно, Федор Александрович. Он и мой теперь. Как-то незаметно все в нем полюбил. И бульвар Мицкевича, и парк наш, и улицу Ленина, и вокзал. Знаете, когда приехал, мне даже гостиница «Буг» вначале мрачной показалась. А присмотрелся — ведь, ей-богу, отличная гостиница. Не во всяком большом городе такую встретишь! А над всем этим — крепость! Знаете, брожу, брожу по ней и все новые уголки открываю — где битва шла, где кровь лилась. И так, знаете, воображение разыгрывается, так я все перед глазами вижу, что озноб пробирает.

Жгутин тепло взглянул на Андрея.

— Я вижу, расчувствовался ты, милый, перед отъездом. Ну, надеюсь, что хоть не зря съездишь.

— Не знаю, Федор Александрович,— чистосердечно признался Андрей.— Дело-то непривычное.

— Вечерком-то зайдешь? — спросил Жгутин.

Андрей, подумав о том, что ему предстоит этим вечером, только огорченно вздохнул в ответ.

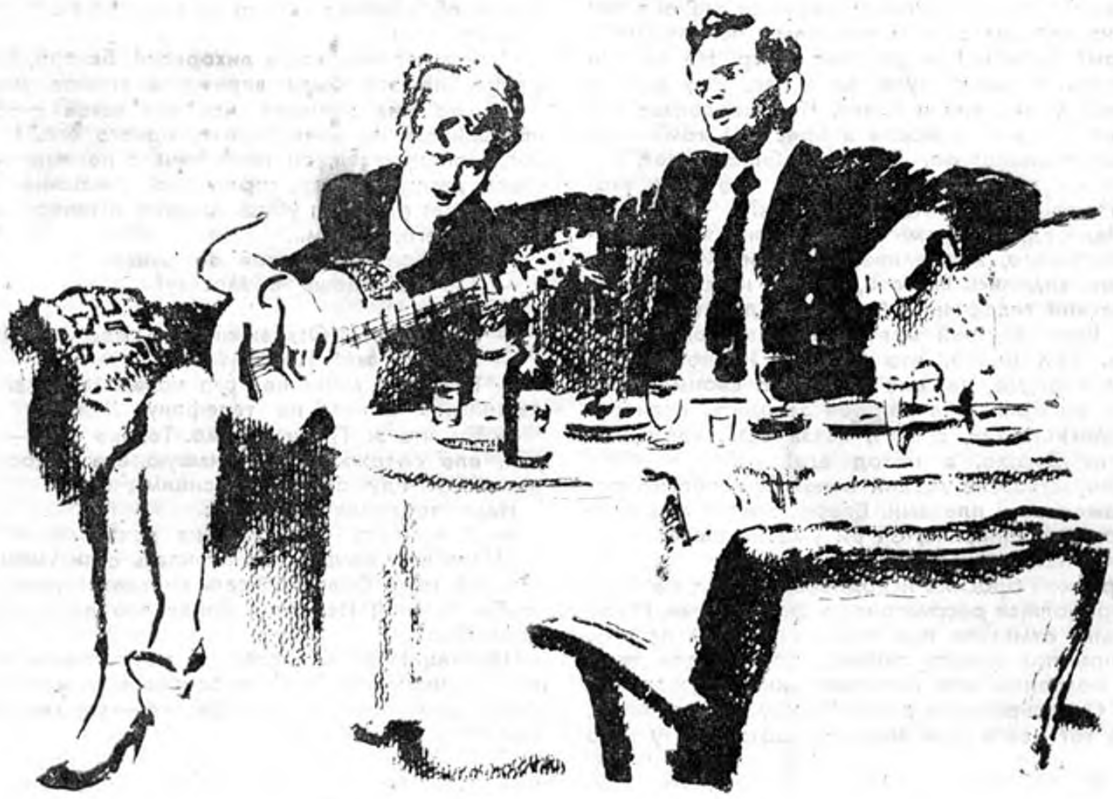
Вечером Андрею предстояло идти к Наде Огородниковой. Так велел Ржавин. Как всегда, с шуточкой, он вчера сказал: «Ты теперь человек одинокий. Посети. Мало ли что. Может, к примеру, она какой-нибудь секретик сообщить захочет. Ведь приглашала. И насчет поездки в Москву тоже вверни. Увязываешь?» В словах Ржавина был серьезный смысл, и Андрей вынужден был согласиться.

Было уже часов восемь вечера, когда Андрей пересек темный, но уже немного знакомый двор и без особого труда нашел нужную дверь.

Надя открыла ему быстро, она словно ждала его у двери. Раскрасневшаяся, в каком-то очень пестром и, как всегда, открытом платье, крупная и ладная, под стать Андрею, она вдруг обняла его за шею и, властно притянув к себе, поцеловала в губы. Андрей опешил от неожиданности. Надя как бы сразу, с порога решила определить их отношения на будущее или по крайней мере на этот вечер.

Придя в себя, Андрей спокойно разомкнул ее руки.

В комнате был уже накрыт стол. На кушетке залялась гитара с пышным бантом на грифе. В углу светился зеленый глазок приемника. Стены были увешаны фотографиями. Над кушеткой висел зеленый немецкий коврик: около стада овечек целовались пастух и пастушка.



Андрей опустился на кушетку, от смущения повертел в руках гитару. Разговор не клеился.

Надя уловила отчужденность гостя и, задетая, подумала про себя: «Зачем же он пришел? А я-то, дура, сразу на шею бросилась». Но в конце концов она решила, что Андрей просто стесняется.

Разговор медленно вползал в нормальную колею.

Надя пела, но не обычные свои «душещипательные» романсы, а какие-то разудалые, звонкие песни — такое вдруг настроение почему-то охватило ее. Потом они стали петь вместе, и Надя не могла удержаться от смеха.

— Ты же совершенно не умеешь петь! Тебе слон наступил на ухо!

Андрей окончательно освоился и, улучив момент, как бы между прочим сказал, что завтра едет в Москву. Он тут же заметил, как подействовали на Надю его слова.

Она задумалась, резкая складка неожиданно пересекла лоб, и глаза потухли. Надя как будто сразу постарела.

Андрей сделал вид, что не замечает этой перемены. Он даже принялся рассматривать пухлый альбом с какими-то фотографиями.

А Надя думала... Андрей едет в Москву. Туда же уехал противный ей теперь Артур Филиппович, уехал к своему «шефу» и там расскажет о ней, о Наде. О, конечно, ничего хорошего он не скажет, он будет ругать ее, он свалит на нее все неудачи, все провалы. Да, да, уж она-то его знает. А что потом? Они все равно не обойдутся без нее. Она — это Юзек, это путь контрабанды, это квартира, где можно спрятать что угодно, можно встретиться с любым человеком и самому прожить сколько надо, прожить незаметно, тайно. Нет, без нее они не обойдутся. А без него, без Засохо?

Впервые Надя подумала об этом в ту ночь, когда разъяренный Артур Филиппович ушел, хлопнув дверью, а она в припадке бессильной злости залилась слезами и упала на кушетку. Вот тогда, вдоволь наплакавшись, Надя и подумала: неужели же она так неразрывно связана с этим страшным человеком, с этим гадом? Ведь не он достает товар. Не он его прячет здесь и увозит туда, на запад. Это делают она, Полина Борисовна и Юзек. Что же делает он? Доставляет товар из Москвы в Брест? И командует ими?.. Надя размышляла, а в мозгу билась злая, неугомонная мысль: «Его надо убрать, его надо утопить, его надо раздавить!..» Но как?

И тут Надя вдруг вспомнила: ведь она знает «шефа», этого тихого, молчаливого Евгения Ивановича. Правда, они виделись всего один раз, но он оставил ей московский телефон. А что Наде делать с ним? Как что? Ведь Андрей едет в Москву, он может позвонить. Тем более, что Евгений Иванович сам приглашал его. Да, да, она тогда его своим дядей назвала, и он пригласил Андрея заходить, если тот будет в Москве. Так, значит, связь есть, связь, отдельная от Засохо, в обход его!

Надя почувствовала легкий озноб и невольно повела обнаженными плечами. Впервые идет она против Артура Филипповича, он ей уже не кажется таким всесильным, как раньше, но все же...

Она украдкой бросила исподлобья взгляд на Андрея. Он продолжал рассматривать фотографии. И Надя невольно отметила про себя: красивый парень, с таким приятно крутить любовь, правда, для дела, кажется, полезнее его смазливенький дружок. Но Андрей... Он понравился даже Артуру Филипповичу, хоть он в тот раз и был зол, как черт: ведь у него конфисковали тогда контрабанду. Ничего себе, проехался к сестрице...

Надя негромко окликнула его:

— Андрей!

— А? — Он сконфуженно улыбнулся.— Извини. Увлекся твоими открытками. Есть любопытные. Вот это твои родители, да?

Да, да, это ее родители. Мать и сейчас жива, она у брата, в Новосибирске, а отец погиб в войну, в страшном сражении под Курском.

Андрей пристально посмотрел на Надю. Ему вдруг стало ее почему-то жалко, захотелось схватить ее за плечи и вытрясти всю гадость, всю подлость, всю дурь из ее головы, крикнуть ей, чтоб не смела... «Она же дочь воина, погибшего в боях, и она захлебнется и утонет в этом болоте». И еще одна мысль неожиданно пронеслась в голове: «Она же в Бресте живет! В Бресте! Здесь нельзя так жить!» И эта мысль, вдруг удивив его самого, через секунду уже не казалась ему странной.

А Надя еще что-то рассказывала о своих родителях, потом неожиданно сказала:

— Знаешь, я вдруг вспомнила, как ты был у меня прошлый раз. Еще Артур Филиппович тебя выпить уговаривал.

— Помню, помню.

— Он тебе понравился?

— Нет,— решительно мотнул головой Андрей.

— Людей узнаешь не сразу. — И, помедлив, Надя осторожно добавила: — У него в тот день конфисковали контрабанду. Ты помнишь?

— Еще бы! Он валюту вез.

— Валюту?! — изумленно воскликнула Надя и, спохватившись, уже другим тоном добавила: — Так ему и надо.

«Валюту! Валюту!..» — думала она. Значит, Надя угадала: он все-таки обманул ее в тот раз! Ведь он сказал, что вез какие-то ткани. И, конечно, то же самое он сказал своему «шефу». Вот она о чем напишет Евгению Ивановичу. Пусть знает, какие делишки обделывает Засохо за его спиной. И еще она напишет...

Мысли неслись, как в лихорадке, быстро, беспорядочно, но это были верные и точные мысли!

И еще она напишет, что вся затея с «Волгой» провалилась по вине Засохо, одного его. И потом, когда он приехал, он тоже ничего не смог сделать, чтобы вернуть товар, спрятанный в машине. И даже еще хуже: он хотел убить Андрея, и теперь милиция идет по его следам...

Надя тронула Андрея за рукав.

— Так ты едешь в Москву?

— Ага.

— Знаешь что? Отвези письмо дяде, хорошо?

— А чего же! Пожалуйста.

— Только у меня нет его нового адреса. Ты созвонишься с ним по телефону. Ладно?

— Ну, что ж. Пиши письмо. Только учти.— И Андрей, еле сдерживая охватившую его радость, объявил: — Я еду завтра утренним.

Надя торопливо сказала:

— Я привезу его тебе на вокзал.

...Надя в ту ночь долго возилась с письмом к «дяде». Его надо было написать иносказательно, но так, чтобы Евгений Иванович понял все до мельчайшей подробности.

Наконец Надя в последний раз перечла исписанные страницы и осталась довольна. «Ну, милый,— злорадно подумала она про Засохо,— уж теперь с тобой будет кончено!»

(Окончание следует.)

Поговорим о книгах

Феликс
КУЗНЕЦОВ

МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ

1. ЖИТЬ — НЕ «ПРОСТО»!

В журнале «Вопросы литературы» № 9 за прошлый год опубликована анкета: «Молодые — о себе».

Любопытнейший документ эта анкета. Лаконичные ответы ее помогают лучше понять успехи, трудности и огорчения молодых писателей. Эти ответы зовут на размышление, на осмысление каких-то изначальных вещей, а иногда и на спор. Особенно ответы на вопрос: «Как вы изучаете жизнь, как собираете материал для своих произведений?»

Пожалуй, только В. Липатов, человек немалого жизненного опыта, с полной серьезностью отвечает на этот вопрос:

«Лучшим временем для накопления жизненного материала для меня были восемь лет работы в томской областной газете «Красное знамя»... Я хотел бы изучать жизнь прежним способом — газетным, но мне неизвестно, как можно сочетать профессиональную работу в газете с профессиональной же работой писателя. Хочется заметить, что выражение «собирать материал для своих произведений» я, при всем желании, к себе применить не могу... Мне больше нравится несколько модернизированное выражение: «Накапливать душевный материал». Может быть, смешно?»

Не смешно. Анкета «Вопросов литературы» составлена в своеобразной манере: «Как вы понимаете долг писателя в формировании в людях(?) новых, коммунистических качеств?» Чувствуете, как тяжеловесно? Ее вопрос: «Как вы изучаете жизнь, как собираете материал для своих произведений?» — так сформулированный, можно истолковать, будто действительность где-то там, сама по себе, а художник взглядом со стороны изучает ее. Очевидно, поэтому анкета настроила некоторых писателей на полемический лад. И если В. Липатов спорит с ней добродушно, то армянский писатель Перч Зейтунцян полемизирует с явным оттенком иронии: «Думаю, что специально жизнь никто не изучает. Специальное изучение жизни сделало бы жизнь невыносимой».

Язвительность эта вызвана, по-видимому, отзвуком упрощенного толкования столь сложного вопроса, который послышался молодым в формулировках анкеты «Вопросов литературы».

«Вопрос изучения жизни — вопрос сложный и запутанный частью наших критиков-примитивистов... Мне кажется, что нет та-

Ожидание восхода

То, что естественно, то неповторимо. Только к посредственности можно без труда и без вреда подобрать дубликаты. Так в искусстве, так и в жизни.

Вот потому-то облик Тбилиси неповторим. Тбилиси красив, велик, многообразен— все, что угодно, но прежде всего он естествен. Древняя грузинская архитектура конструктивна, как ни странно звучит этот термин рядом со словом «древняя». Да, конструктивна, потому что сочетает в себе легкость и естественность, гармонию формы и материала.

У естественности есть и еще одно свойство. Все естественное, такое не похожее друг на друга, отлично сосуществует. Поэтому современные (уже поистине конструктивистские) здания прекрасно уживаются с древней церковью Метехи, расположенной на скалах, над самой Курой. И стеклянные коробки вовсе современных кафе «Газапхули» и «Метро» выглядят своими на одном проспекте Руставели, рядом со знаменитым храмом Кашуэты.

По всему по этому, пожалуй, нигде, как в Тбилиси, не выглядят столь неуместными пышные порталы и толстенные колонны зданий, вклиненных в ансамбль города в так называемый «период украшательства».

К сожалению, по строгим литературным правилам вольные ассоциации считаются дурным тоном, а то бы я рискнул перекинуть рассуждение о городе на поэзию Грузии.

Там что-то похожее: удивительная естественность, сердечность, народность, органичное сочетание не просто старых, а древних традиций с юным новаторством и противостояние фальши и неестественности.

А впрочем, можно и рискнуть; ведь то, что я пишу, не статья, претендующая на глубину анализа, а всего лишь репортаж. Я не стремлюсь и к широте обзора; речь пойдет лишь о том, чем Грузия всегда славилась больше всего,— о поэтах. О молодых поэтах.

Продолжение на стр. 74.

Ожидание восхода

Когда мы говорим о лучших советских грузинских поэтах, то в любую обойму неизбежно попадут Галактион Табидзе, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Георгий Леонидзе, Симон Чиковани, Ираклий Абашидзе... Трудно обрывать это перечисление: так много в Грузии прекрасных поэтов старшего поколения, но ничего не поделаешь: речь ведь сейчас не о них. И все они, повторяю, отлично известны.

А что мы знаем о молодых поэтах Грузии? И вспоминаем ли мы о них, когда пишем или читаем критические обзоры поэзии? Не вспоминаем и почти ничего не знаем. Тем хуже.

Поэтические традиции (и традиции вообще) — как взлетная площадка для нового таланта, как земля, с которой он взлетает, но которая и держит его своим притяжением. Традиция многое дает поэту, но преодолеть ее притяжение, пойти дальше и выше все-таки необходимо. Иначе полет (и поэт) не состоится.

Молодые поэты Грузии — настоящие последователи своей старой, несдающейся гвардии. Но они вносят в поэзию очень много нового.

...Социальность, гражданственность — все эти понятия существуют лишь в очень конкретном (и в очень разном) воплощении. Они могут войти в стихи неожиданно, начавшись с малого:

Не зря,
не зря
летят
в траву
года
плодами
спелыми.
Не зря
в густую синеву
деревья эти вделаны!
О, в мире ничего не зря:
ни взрослые,
ни дети.
Не зря моря,
не зря заря,
и ночь не зря на свете...

Это поэт Мухран Мачавариани. Конечно, это просто молодой взрыв радости бытия, не больше, но как это обаятельно и естественно! Если человек так

Продолжение на стр. 75.

кой проблемы — нарочитого, школярского изучения жизни»,— говорит в анкете А. Гладилин.

Многие участники анкеты не приемлют примитивно-школярского «изучения жизни» с помощью гастрольных командировок или иным поверхностным путем. Они стремятся к глубине, масштабности, духовности, философичности опыта. «Жизненный опыт... Его надо брать в большом плане, плане жизни народной. ...Тот, кто старается ухватить каждую деталь быстро несущегося времени, рискует упустить гораздо большее — лицо эпохи в целом. В наше время надо мыслить большими категориями, острее, чем когда-либо...» (Н. Дамдинов).

Но, оспаривая поверхностно-школярское, догматическое представление об «изучении жизни», воюя с фальшью, искусственностью, нарочитостью в толковании этого сложного вопроса, некоторые участники анкеты в запале полемики приходят к выводу: «Изучать жизнь — значит просто жить».

Вслушайтесь в такой тезис одного из молодых прозаиков:

«Я вообще не понимаю этого термина — «изучение жизни». Жизнь можно осмысливать, о ней можно размышлять, но «изучать» ее незачем — нужно просто жить».

До чего «простое» решение вопроса, над которым безуспешно бились не только критики-примитивисты, но и гениальные умы!

Болью пронизаны слова Чехова, который и мучился-то тем, что ему мало было «просто жить»: «Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке с мангусом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита — это не жизнь».

Какая страсть к познанию, поглощению действительности за этими строками! По свидетельству Телешова, Чехов не раз говорил, что молодому писателю нельзя сидеть в четырех стенах и вытягивать из себя свои произведения, что необходимо видеть жизнь людей, слышать подлинные человеческие слова и мысли и обрабатывать, а не выдумывать их.

«...Литератор обязан хорошо знать все, что творится вокруг него, знать действительность, в которой он живет, и работу сил, которые двигают ее»,— утверждал Горький, подчеркивая, что «действительность надобно знать именно так, как будто сам ее делал».

И это говорил писатель, за плечами которого были его, «горьковские университеты»!..

А наши молодые?

На вопрос анкеты: «Какой жизненный опыт предшествовал началу вашей литературной работы?» — участники ее отвечают так:

«Ничтожный. Школа, работа электромехаником, несколько месяцев военного училища, первый курс литературного института...»

«Я окончил Московский архитектурный институт. Много занимаюсь живописью...»

«Жизненного опыта, предшествовавшего литературной работе, опыта в смысле «моих университетов», не было. Сразу после десятилетки я поехал учиться в литературный институт...» и т. д.

Исключения (В. Липатов: «Восемь лет работы в газете»; В. Быков: «Четыре года войны. Десять лет послевоенной службы в армии») редки. Да эти писатели и гораздо старше других участников анкеты. Большинство так называемых молодых пришло в литературу, что называется, прямо «со школьной скамьи». Так им ли говорить: «Изучать жизнь незачем — нужно просто жить»?!

2. МИР ИЛИ САМОГО СЕБЯ!

Похожую анкету Горький заполнял в 1931 году. На вопрос: «Каким материалом, преимущественно, вы пользовались в своем творчестве?» — он отвечал: «Преимущественно материалом автобиографическим».

Непростой вопрос предложил молодым писателям литературоведческий журнал. Собственно, это был вопрос о будущем литературы: за вашу первую книгу — спасибо, но чем вы порадуете мир завтра? Нерастворимы жизненный опыт и творчество художника; а как быть, если биография ограничена годами ученичества и ее хватает на одну, от силы вторую книгу?

Вырваться из узости представлений в действительность народную, узнать ее так, «как будто сам ее делал», чтобы она стала не «объектом изучения», но фактом личной биографии и как таковая вошла в книги,— вот порог, который предстоит одолевать многим молодым.

Рассказывая о своей мечте создать такого героя, который был бы «настоящим сыном своего времени», В. Аксенов писал в «Правде» после мартовской встречи с руководителями партии и правительства с деятелями литературы и искусства:

«Тридцать лет моей жизни были

не так уж легки, я кое-что повидал, узнал разных людей, но я отлично понимаю, что для выполнения такой ответственной и трудной задачи еще недостаточно моего душевного и биографического опыта. Мне надо еще многое увидеть, многое передумать, многому научиться. Я должен узнать разные стороны жизни народа, преодолеть односторонность своих наблюдений, разглядеть своего современника в его многоликом единстве, глубже понять главные направляющие идеи нашего времени и в силу своих способностей выразить их в своем творчестве».

Всесторонне узнать жизнь народа, глубже понять направляющие идеи времени — к этому выводу неумолимо приводят прозу молодых трудности ее становления, ее творческого пути.

«Работайте! Покажите своим трудом, чего вы стоите»,— этот призыв Н. С. Хрущева к молодым литераторам обязывает их делом ответить на доброжелательную партийную критику.

Повести «Коллеги» В. Аксенова, «Продолжение легенды» А. Кузнецова — одни из лучших книг молодых — были произведениями, довольно точно выразившими душевный и биографический опыт их авторов.

Впечатления детства и юности питали повести «Хроника времен Виктора Подгурского», «Бригантина поднимает паруса» А. Гладилина, «Все только начинается» Э. Ставского, «Кандаурские мальчишки» Г. Михасенко и многие другие.

Молодые в значительной части начинали «автобиографической повестью» — лирическим осмыслением собственной, как правило, небогатой событиями жизни, в лучшем случае осмыслением биографии поколения.

«Я окончил десятый класс, но никогда в жизни не чувствовал себя таким растерянным. Таким беспомощным. Щенком...

С детского садика мы, умиляя мамочек, учимся петь: «Молодым везде у нас дорога»,— а в семнадцать лет видим, что упомянутая дорога одна: на завод, в работяги, в мазут!»

Так начинается повесть «Продолжение легенды», имеющая характерный подзаголовок: «Записки молодого человека». Это был своеобразный дневник становления юношеского характера и одновременно гражданское раздумье о жизни, столкновение двух мировоззрений, двух нравственных миров. Герой «Продолжения легенды» написал свои «записки» как ответ шкурнику и обывателю Витьке и его мещанину-отцу:

«Болван ты, Витька, ой, болван же ты какой... и враг...

Я не могу тебе ответить одним словом, я написал записки. Они со всей правдой, со всей искренностью и болью ответ тебе. А если кто-либо расценит эти записки как вызов, то и тут он не ошибется.

Да, готовься!

Мы будем вас уничтожать. Все в мире только начинается! Нам много еще в жизни предстоит борьбы. Наше поколение еще только вступает в нее. Мы принимаем эстафету от Захара Захаровича...»

Так, уже первые произведения молодых — в ответ недругам, придумавшим конфликт «отцов и детей» в советской литературе,— утверждали преемственность поколений, революционные традиции отцов — таких, как коммунист Захар Захарович.

Эта мысль стала пафосом «Коллег» В. Аксенова.

«А наше поколение? Выдержим ли мы такой экзамен на мужество и верность?..» — вот главный вопрос повести, на который автор дает художественно убедительный, недвусмысленный ответ.

К этому выводу читателя подводит жизненная судьба Александра Зеленина и нравственная эволюция его друга — «скептика» и «чайльд-гарольда» Леши Максимова. Года два с половиной тому назад на страницах «Юности» в одной статье я прочитал о том, что этот скептицизм Максимова является якобы вообще неизбежным (?!) качеством юноши, входящего в жизнь. Это, конечно,—глубокое заблуждение. Об этом свидетельствует весь строй повести В. Аксенова. Скептицизм Максимова — явление внешнее и наносное, оно ни в коей мере не выражает суть характера Максимова, а тем более сущность молодого человека наших дней. То теневое, что было в недавнем прошлом, внушило Максимову недоверие к большим и высоким словам. Новая нравственная атмосфера времени и такие люди, как коммунист Дампфер, как Александр Зеленин, личным примером своим убеждают Максимова: «Высокие слова сохраняют свою цену, когда их произносит... Сашка Зеленин, когда их поют и выкрикивают миллионы честных людей. А сволочей, которые пользуются ими как дымовой завесой, надо бить!»

«Коллеги» близки «Продолжению легенды» не только тем, что герои В. Аксенова также отыскивают свою жизненную тропу. Повесть «Коллеги», как и «Продолже-

Ожидание восхода

вольно чувствует мир, так радуется ему, он неизбежно начнет и думать о нем. Ведь и вправду «Не зря!». А почему «не зря»? В чем суть взаимоотношений человека с миром? Как ощутить себя уместным и необходимым в мире?

Дружеские шаржи
Г. Пирцхалава,

Мухран Мачавариани.

Собственно, это один из самых важных вопросов, которые сразу же начинают решать поэты, входящие в жизнь. Конечно, это не временный вопрос, это вопрос всей жизни, но в молодости его решают особенно остро и нетерпеливо.

Решают по-разному, в зависимости от темперамента, от характера дарования, от взгляда на мир. И скоро понимают: открыть себя можно, лишь соприкоснувшись с людьми, лишь разглядев свое, личное в них, лишь слив свою судьбу с их судьбами.

Это схема, конечно, потому что у каждого поэта все происходит по-своему. Но лишь с осознания своей слитности с людьми начинается и оригинальность и цельность. Так прорезается свой, неповторимый голос.

У поэта Отара Чиладзе он уже прорезался — резкий, мужественный, очень сильный. Мне жаль, что, говоря об этом одном из самых интересных

Продолжение на стр. 76.

молодых грузинских поэтов, мне нечего цитировать. У него переведены лишь стихи, написанные несколько лет назад, от которых он стремительно уходит вперед. Такая опасливость переводчиков понятна: слишком оригинален Отар, слишком велика опасность оказаться неизмеримо ниже оригинала. Но и по подстрочному переводу можно понять, как он талантлив.

Старшему брату Отара Тамазу Чиладзе повезло больше: его переводят. И это уже совсем иной поэт: мягче, сдержаннее, и философичность его прежде всего обаятельна, потому что не абстрактна, а всегда связана с очень конкретными вещами.

Вот что он увидел в простой уличной сценке: востроносый мальчик, похожий на Буратино, рисует на известковой стене

Отар и Тамаз Чиладзе.

девочку, которая захватила его маленькое сердце.

Тамаз Чиладзе не умилен, он задумчиво улыбается и размышляет:

И сумма нежная штрихов
Живет и головой качает,
Смеется из-за пустяков
И девочку обозначает.
Так, в сердце мальчика
проспав,
Она вкушает пробужденье,
Стоит, на цыпочки привстав,
Вся — женственность и вся —
движенье.
О, Буратино, ты влюблен!
От невлюбленных нас
отличен,
Нескладностью своей смешон
И бледностью своей трагичен.
Ужель в младенчестве твоем,

Продолжение на стр. 77.

ние легенды», была гражданской исповедью, своеобразным идейным кредо автора. Повесть выражала душу значительной части поколения, сформировавшегося после XX съезда партии, его стремление наследовать ленинское дело отцов. «Продолжение легенды» и «Коллеги» вызывали чувство доверия, ощущение жизненной правды. Было очевидно, что молодые прозаики знают жизнь, о которой пишут, гражданski честно осмысляют ее. Это была реалистическая проза, в которой жизненный материал пропущен через «душу живу» (Белинский) молодого писателя, через ум и сердце его.

Талантливость Аксенова никем не оспаривается. Так почему же многие страницы «Апельсинов из Марокко» утратили качество такой художественной убедительности? Попытаемся разобраться: что за этим стоит? Умысел писателя? Конечно, нет... Так что же?

Ответ на этот вопрос касается не одного В. Аксенова. Вспомним свидетельства анкеты молодых, узость жизненного опыта многих из них. Именно эта особенность биографии (школа, да еще до реформы,— институт — литература), за пределами которой оказывалась большая и сложная народная жизнь, стала тормозом в дальнейшем развитии, в идейном и духовном созревании молодых.

Выход был трудный, но единственный: прорываться в неизведанные сферы народной жизни, отрываться от своего узкого, «ученического» опыта, открывать героя, который наконец не будет авторской ипостасью, его alter ego, вторым «я».

Как начинал В. Аксенов свой бурный и стремительный путь? Собственную личную биографию (медицинский институт, работа в сельской больнице под Ленинградом и в Ленинградском порту) он с щедростью автора первой книги презентовал трем героям, выпускникам медицинского института — Саше Зеленину, уехавшему в Кругогорье, Алексею Максимову и Владьке Карпову, оставшимся работать в Ленинградском порту. Критика уже отмечала, что трое неразлучных друзей из повести В. Аксенова выражают один типический характер, раздробленный между тремя персонажами. И этот типический характер молодого человека наших дней, как самого себя, знает В. Аксенов. Но не может же прозаик вечно живописать неизменного и юного самого себя!

Большая проза начинается тогда, когда писатель художественно познает и осмысляет не только себя, но через себя — большой и сложный социальный мир.

И что такое, к примеру, повесть «Вечная командировка», или последняя повесть А. Гладилина, как не попытка вырваться из заколдованного круга привычной для этого молодого писателя темы? Герой «Вечной командировки» — офицер-разведчик майор Краминов — решает качественно иные по сложности и значимости проблемы, чем семнадцатилетний мальчуган Виктор Подгурский или Вовка из повести «Бригантина поднимает паруса».

Такой же попыткой является, на мой взгляд, и повесть В. Аксенова «Апельсины из Марокко». Автор — в этом не может быть сомнения — стремился создать в повести жизнелюбивые, оптимистические характеры.

Почему же повесть все-таки оставляет чувство неудовлетворенности? Да потому, что очень уж искусственно соединены в ней место действия (Дальний Восток) и вот эти, уже знакомые нам (и поднадоевшие у молодых) характеры. Герои повести — Виктор Колтыга, Николай Калчанов, Герман Ковалев — языком, манерой мышления, чувствования, стилем поведения очень уж похожи друг на друга и в значительной мере повторяют уже известные нам по предыдущим повестям Аксенова литературные персонажи. Так бывает, когда писатель идет не столько от жизненных характеров и ситуаций, увиденных, осмысленных и исследованных им, сколько от привычных представлений, от приблизительного знания действительности.

Несомненно, реальная жизнь молодежи, осваивающей в наши дни Дальний Восток, неизмеримо богаче и интереснее той, которую показал нам В. Аксенов. Она насыщена подлинным героизмом труда, богата яркими человеческими индивидуальностями, но для того, чтобы все эти индивидуальности заговорили своим, присущим им языком, повели себя так, как свойственно им, а не как иной раз видится «со стороны», для этого ему, автору, не хватило подлинного глубокого знания этой жизни.

Путь к прозе, посвященной неизведанным сторонам народной жизни, оказался для писателя нелегким.

Да и не для одного В. Аксенова он таков.

Вчитайтесь в последние повести А. Гладилина — «Вечная командировка», «Первый день нового года». Даже такие далекие друг от друга герои, как разведчик-майор Краминов, молодой художник Феликс

и его отец, старый коммунист, говорят не собственным, индивидуализированным, но одинаковым «гладилинским», каким-то мальчишечьим языком. Все, что высказывает старый коммунист, отец героя в повести «Первый день нового года», правильно. Но эти правильные слова, черты романтической биографии, рассыпанные по страницам повести, не во всем воссоздают реального человека. Оказывается, куда труднее постичь, осмыслить не просто собственную личность, но — через себя — тот сложный мир социальной действительности, который из века был предметом исследования прозы. Мир, к художественному постижению которого звал писателей еще Белинский, требуя, чтобы литература «обращала внимание на толпу, на массу, изображала людей, то есть жизнь всех классов общества».

Литературная практика показывает, что с наибольшей глубиной и истинностью народную жизнь воспроизводят те прозаики, чей жизненный опыт перешагнул традиционное: школа — институт — литература. А также прозаики, не стесняющиеся «изучать» жизнь, проводя по полгода в котловане КМА, как например, Г. Владимов, откуда и вышла в конечном счете «Большая руда».

«Большая руда» Г. Владимова — одно из лучших произведений прозы молодых не только в силу своей очевидной талантливости, но еще и потому, что характер героя выхвачен писателем из глубины народной жизни. Г. Владимов исследует социальные процессы современной действительности.

Для невнимательных читателей герой повести Г. Владимова шофер Пронякин — рвач, даже стяжатель. Или герой. Но и то и другое неверно. Г. Владимов увидел характер, в котором время выработало немало высоких человеческих качеств и прежде всего влюбленность в труд, но чье гражданское самосознание находится в неразвитом, младенческом состоянии, не поспевает за движением жизни и даже за развитием самого героя.

Когда Виктор Пронякин, насмерть разбитый, будет осмыслять свою жизнь, он поймет: «...Крохоборства много было в моей жизни. Теперь уже не поправишь». Он стремится, чтобы «женулька» не повторила его ошибку: «Вы бы потолковали с ней. Что дальше делать ей... Жить как?»

В пристальном внимании к нравственным проблемам народной жизни Г. Владимов не одинок. Молодые прозаики и сами стремятся преодолеть «узость взгляда на общенародную жизнь», о которой с такой точностью говорил в «Слове о Пушкине» Твардовский. Молодые все целеустремленнее ищут в жизни неизмеримо более серьезного героя, который был бы настоящим сыном своего времени. Они стремятся к исследованию глубинных коллизий жизни, к прозе мужественной и героической. В этом стремлении их следует решительно поддержать.

Разве «инфантильный юнец» — герой таких непохожих произведений, как «Жив человек» В. Максимова и «Королева и семь дочерей» Э. Шима?

Трудным, я бы сказал, трагическим путем идет к постижению смысла существования герой повести талантливого прозаика В. Максимова «Жив человек». Жизнь сбила его с ног, отняла у него душу, веру в себя и в людей. Когда он был мальчишкой, арестовали отца. Потом война, плен, лагерь. Что-то сломалось внутри, и началось страшное: уголовный мир, обесчеловечение, человеконенавистничество...

Таким подобрали его, полузамерзшего, после побега из лагеря жители маленького таежного поселка. Повесть В. Максимова — это история борьбы за жизнь «беспаспортного», неизвестного, чужого для них человека, которую героически ведут работники глухой сибирской больницы. И одновременно история борьбы за человеческую душу. Советские люди теплом сердца, естественной, как дыхание, беспримерной добротой своей возрождают в погибавшем человеке веру в жизнь, в людей, в себя...

Итак, жив человек!

И хотя в повести «Королева и семь дочерей» Э. Шима главный герой, шофер Алеша, гибнет, гибнет героически, совершая подвиг самопожертвования, спасая от неминуемой смерти детей,— эта повесть также утверждает в нас светлую ленинскую человечность, веру в людей.

«Серьезная жизнь» когда-то назвал свою статью о молодых критик А. Макаров — первую критическую статью, где обобщался творческий опыт прозаиков, сформировавшихся в атмосфере XX съезда партии («Знамя», 1961, № 1).

Время подтвердило правильность этих слов.

Вчитайтесь хотя бы в «Северный дневник» Ю. Казакова,— трудно отрицать серьезность, с которой писатель вглядывается в души лю-

Ожидание восхода

Догадкой осенен мгновенной,
Ты слышишь в чистом небе гром
Любви и верности неверной!

Надо быть не просто талантливым, но добрым и хорошим человеком, чтобы написать такие строки...

Итак, еще одно знакомство состоялось — пусть беглое, но ведь и приятное?

А вот еще один поэт, у которого мягкость сочетается с суровостью, а причудливость образов — с пластичностью,— Джансуг Чарквиани.

Джансуг Чарквиани.

Вот как заканчивается одно его очень современное стихотворение о нелегких путях и судьбах:

И всякий слышит, как суровы трубы:

Век короток, прислушаться к басам...
Но первых листьев вытянуты губы,
Навстречу потеплевшим небесам.
Но начеку хребты. Но радуг дуги
Они как те, заветные врата...
И, словно в сказке, никнут злые духи,
И Землю будоражит доброта.

Продолжение на стр. 78.

Ожидание восхода

«Землю будоражит доброта» — это уже не только из сказки. Это из нашей жизни, в которой произошло так много добрых перемен.

Свойство настоящей доброты в том, что она не убаюкивает и не умиротворяет, а, напротив, делает человека борцом и созидателем. Она его б у д о р а ж и т — поднимает к жизни и борьбе, зовет на войну со всем недобрым и бесчеловечным.

Стихи Чарквиани как будто не говорят этого прямо, но их лирический накал современен и гражданственен — так же современен и гражданственен, как у стихов совсем другого по стилю поэта Шота Нишнианидзе:

Я словно меж войной
и тишиной посредник.
Мы все, как часовые,
под ружьем,
А жизнь всегда бывает
первой и последней...
Побережем ее, побережем.

Для чего «побережем»? Не для себя, для других, для целого мира. Только ради этого стоит жить. И, обращаясь к сверстнику и единомышленнику, Нишнианидзе убежденно и страстно говорит: «Мы не просто стареем, взирая на мир из окна. Мы, наверно, затем и живем, чтобы стала последней та минувшая, трижды проклятая война».

...Не знать этих поэтов — большая потеря для любителя стихов. Ее особенно остро начинаешь ощущать, хотя бы вот так, бегло соприкоснувшись с отрывками и отдельными переведенными стихами.

А ведь я взял пять имен почти наугад. Ну, не совсем наугад. Это одни из самых талантливых. Но ведь есть еще прозаик и поэт Арчил Сулака-

Окончание на стр. 79.

дей, изучает (да, изучает!) нравственную жизнь. В последние годполтора в литературу вошли такие самобытные рассказчики, как Г. Семенов, И. Крупник, В. Шукшин. Герой рассказов Крупника — мужественный и скромный советский человек, в трудных условиях Сибири, Крайнего Севера проявляющий мужество, чуткость, самоотверженность. В журналах «Октябрь», «Молодая гвардия», «Новый мир» появились циклы очень своеобразных новелл В. Шукшина. «Сельские жители», «Они с Катуни» — уже название их раскрывает круг интересов молодого прозаика: люди современной русской деревни.

Наша критика плохо исследует географию творчества молодых. А между тем она показательна.

В Воронеже работает талантливый прозаик Ю. Гончаров, автор нескольких книг рассказов, последняя повесть которого, опубликованная в журнале «Подъем»,— острая и зрелая работа, разоблачающая психологию шкурничества и предательства. В Костромской области живут такие успешно заявившие себя прозаики, как К. Воробьев, Ю. Куранов (помните его «Пыщуган» — солнечных, ясных жителей села Пыщуг из цикла «Лето на Севере»?). В Туле живет и работает Анатолий Кузнецов. В Харькове — Василий Самойлов, во Владимире — В. Краковский, в Кирове — А. Лиханов, в Сухуми — Ф. Искандер. Совсем недавно «Юность» познакомила читателей с творчеством способных прозаиков — москвичей Виссариона Сиснева и Владимира Малыхина.

А национальные республики? В. Быков и А. Адамович (Белоруссия), Ю. Марцинкявичус (Литва), З. Скуинь и Д. Зигмонте (Латвия) — это лишь малая толика, уже известная общесоюзному читателю, молодых сил в национальных литературах!

И это, как правило, проза высокого идейно-художественного качества.

Высоким признанием молодых сил советской многонациональной литературы является Ленинская премия, которую получил Чингиз Айтматов, зоотехник и журналист из Киргизии, чья первая повесть «Джамиля» была опубликована в журнале «Новый мир» в 1958 году.

«Самой прекрасной на свете повестью о любви» назвал эту книгу Луи Арагон.

Появившиеся следом повести «Верблюжий глаз», «Тополек мой в красной косынке», «Первый учитель» обнаружили талант глубокий и сильный — сильный знанием народной жизни, стремлением гражданski осмыслить ее.

Какой большой, драматический и одновременно героический смысл заключен в короткой, лаконичной повести «Первый учитель», рассказывающей о «школе Дюйшена» — заброшенном сарае на голом бугре, где полуграмотный комсомолец Дюйшен из рода Хромой овцы когда-то учил читать и писать киргизскую детвору. Теплотой, лиризмом, щемящей болью наполнен рассказ о борьбе Дюйшена за сироту Алтыной, которой не разрешали учиться, об их чувстве — первом и робком, об их судьбе — такой удивительной у Алтыной, такой печальной и обыденной у старого сельского почтальона Дюйшена.

«Первый учитель» — это исповедь жизни киргизской женщины-академика Алтыной Сулеймановой, воспоминание о ее первом учителе, первом в ее жизни коммунисте, которому она обязана вторым рождением: «Я считаю, что это нужно не только нашим землякам, это нужно всем, в особенности молодежи... Это моя исповедь перед людьми. Я должна исполнить свой долг».

Долг художника, по мнению Чингиза Айтматова,— выразить красками эту сложную жизнь, исполненную борьбы, эти многообразные судьбы и страсти человеческие. «Как сделать, чтобы не расплескать эту чашу?..»

Над тем же вопросом бьется и читинский прозаик В. Липатов, которого роднит с Ч. Айтматовым знание народной жизни.

«Основной конфликт современности, привлекающий мое внимание,— отношение личности и коллектива»,— пишет в анкете «Молодые — о себе» В. Липатов. Он исследует этот конфликт, всматриваясь в жизнь лесорубов («Глухая мята»), трактористов («Шестеро»), речников («Капитан «Смелого»), рыбаков («Стрежень»). Мало кто из молодых прозаиков так хорошо и конкретно знает трудовую жизнь и людей труда.

Не все ровно в творчестве В. Липатова. Его повесть «Зуб мудрости» («Молодая гвардия» № 12, 1961 г.) менее интересна, чем «Глухая мята» и «Стрежень». В ней нет серьезных общественных коллизий, в исследовании которых В. Липатов особенно силен. Его склонность — социально-психологическое раздумье о глубоких, порой только нарождающихся процессах современной действительности. Он умеет раскрыть духовный, гражданский мир таких людей, как старый рыбак Истигней, как лесоза-

готовитель Григорий Семенов, людей повседневного труда,— и какие же интересные, богатые, счастливые и правильные эти люди!

Все смелее, все увереннее показывает проза молодых сложные и крупные характеры таких вот «правильных людей», все глубже вторгается в народную жизнь. Эта тенденция главная.

«В центре внимания находится наш современник,— говорил о творчестве молодых Л. Ф. Ильичев.— Наследуя и развивая традиции гражданственности, молодые творческие работники, как правило, вдумчиво всматриваются в советскую действительность, ...смело вторгаются в жизнь. Здесь они ищут и находят острые конфликты и столкновения, сильные характеры и типичные обстоятельства, художественное отображение которых способствует формированию у советских людей коммунистического мировоззрения и новой морали».

3. НЕ «РАЗМОЛОДИТЬ» ЛИ!

С таким призывом обратился недавно со страниц «Литературной газеты» Г. Радов, утверждая, что творческие работники, о которых шла речь выше, слишком долго ходят в «молодых».

Что же, давайте «размолодим»! Но как?..

Думается, что молодых ничто от этого не спасет. Но это будет процесс естественный и органичный, неумолимый и необратимый. Неодинаковый для всех. Процесс этот будет путем к творческой зрелости. И чем быстрее эта зрелость наступит, тем лучше и для самих молодых и для литературы в целом.

Внимательный читатель уже сегодня не поставит вровень по жизненной зрелости прозу Э. Ставского и В. Липатова, Б. Сергуненкова и Ч. Айтматова. Среди «молодых» есть и такие, которые не только возрастом, но и творчеством уже выросли из этого тесненького мундирчика. Но ведь ряды прозаиков пополняются и будут пополняться непрерывно! Язык не поворачивается именовать «молодыми» таких писателей, как А. Рекемчук, С. Никитин, да и иных из перечисленных выше, имеющих не по одной, не по две, а по нескольку серьезных книг.

Но ведь наряду с ними есть и В. Амлинский, удачно дебютировавший книгой рассказов «Станция первой любви», и Е. Шатько, тоже выпустивший первую книгу. И ленинградцы Р. Грачев, А. Битов. И упоминавшийся выше В. Шукшин. Перечислять всех нет никакой возможности.

Путь к творческой зрелости для каждого из них будет собственным, индивидуальным. Но ни один из них не минует того, что именуется школой жизни. Собственной практикой, первыми шагами в литературе молодые опровергают тезис: «Изучать» жизнь незачем — надо просто жить».

Плавал матросом на рыболовецком траулере в Баренцовом море, работал в экспедициях на Дальнем Востоке, Сахалине, Курильских островах, в Каракумах автор книги рассказов «Снежный заряд» Илья Крупник. Первые шаги И. Крупника в литературе не исключение для молодых. Несколько лет — сначала рабочим, потом собкором «Литературной газеты» — был на строительстве Братской ГЭС А. Приставкин. Он неоднократно встречался там с бригадиром электросварщиков, выпускником Новосибирского вуза, молодым прозаиком Г. Михасенко.

В котловане сибирской стройки работал автор «Продолжения легенды» А. Кузнецов.

Ежегодно бывает в плавании морской штурман, ленинградец Виктор Конецкий.

Почти два года работал под Ленинградом лесником, прежде чем написать свою повесть «Лесные сторожа», Б. Сергуненков.

«Сто километров» называется новый очерк Г. Горышина в «Знамени» о том, как коллектором поисковой партии он прошагал эти необычайно трудные сто километров северной карельской земли.

Без устали путешествуют по родной стране молодой рассказчик Е. Шатько и его товарищ Ю. Куранов, поселившийся в селе Пыщуг в костромских лесах.

«Уже несколько лет район за районом знакомлюсь с родной Бурятией... Пусть не так обстоятельно, как по Бурятии, но обязательно хочу как можно больше поездить по родной стране»,— делится в анкете своими планами Н. Дамдинов.

А Ю. Казаков? Разве родился бы его замечательный «Северный дневник» без продолжительных поездок по русской земле?

И что любопытно: молодые чаще всего отправляются не в обычную «творческую» командировку, нет. Они поступают коллекторами геологических партий, разнорабочими на стройки, матросами на суда.

Школа жизни — в этом, в значительной степени, гарантия завтрашней творческой зрелости молодых. Ибо писатель — «человек

Ожидание восхода

ури, есть прозаики Нодар Думбадзе, Мераб Элиозишвили, есть поэты Гиви Гегечкори, Тариэл Чантуриа, Заур Болквадзе. Есть отличные критики, не похожие друг на друга (что среди критиков бывает не часто): тонкий и язвительный Гурам Асатиани, точный и сдержанный в формулировках Реваз Тварадзе, эрудированный и красноречивый Гурам Гвердцители...

Опять приходится обрывать список. Всех все равно не перечислишь.

У молодых грузинских писателей есть одно большое преимущество перед многими другими молодыми литераторами, пишущими на языках народов СССР. У них есть где печататься. Их охотно и много печатает журнал «Мнатоби», редактируемый поэтом Григолом Абашидзе. Им часто предоставляет свои страницы журнал, выходящий на русском языке,— «Литературная Грузия». Наконец, у них есть и свой, молодежный (толстый) журнал «Цискари» («Восход»), который редактирует прозаик Константин Лордкипанидзе и в котором работают сами молодые писатели.

И тут в заключение опять трудно удержаться от соблазнительного символического намека.

Собственно, «Восход» — неточный перевод слова «Цискари». Цискари — это утренняя заря, это тот момент, когда небо уже полыхает и вот-вот покажется солнце.

Будем надеяться, что это и вправду символично. Молодые грузинские литераторы стоят действительно на пороге больших свершений.

Ст. РАССАДИН

действительности более, чем всякий другой человек, если только он, работая над нею как над своим материалом, позаботился всесторонне изучить ее» (Горький).

Как видите, Горький не чурался термина «изучать жизнь». Он понимал, что дело в реальном содержании, которое в это понятие вкладывается. Он настойчиво требовал от молодых «интереса к действительности», «широты наблюдений», умения «наблюдать, сравнивать, изучать явления природы и факты социальной действительности».

Но с еще большей настойчивостью Горький требовал от писателя умения думать, осмыслять социальную действительность. Он предостерегал молодых от «социальной малограмотности», духовной инфантильности.

Мое глубокое убеждение — его я повторял неоднократно: самое слабое место, ахиллесова пята сегодняшней ярко талантливой, богатой индивидуальностями прозы молодых,—уровень социального осмысления действительности. Молодым не хватает не только (а порой и не столько) знания конкретных фактов действительности, сколько умения думать о ней.

Думать с высоких гражданских позиций, фундаментом которых является идейность, образованность, знание действительности. С каких пор берется под сомнение такое качество литературы, как идейность? Идейность не иллюстративная, но истинная,— та, которую Белинский именовал пафосом художественного творчества?

«Литература не может не быть служительницей того или иного направления идей: это назначение, от которого она не в силах отказаться, если б и хотела отказаться»,— эти слова Чернышевского выражают закон художественного творчества. Любая безыдейность в конечном счете идейна. Но лишь те «направления литературы достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и живых, которые удовлетворяют настоятельным потребностям эпохи».

Весь опыт классической русской советской литературы подтверждает верность этой мысли Чернышевского.

А чтобы «идеи сильные и живые», удовлетворяющие «настоятельным потребностям эпохи», стали пафосом творчества молодых, нужна зрелость. Гражданская. Духовная. Нравственная. Н. Дамдинов пишет в анкете «Вопросов литературы»: «К уровню зрелости ума и возмужанию таланта, уровню, который Герцен, Лермонтов, Огарев достигали к 17—20 годам, мы с трудом приходим годам к 25—30».

Лермонтов и Добролюбов прожили немногим более четверти века. Все основное, что сделано Писаревым, написано им в возрасте от 20 до 26 лет. Вот она, «молодая литература» прошлых веков.

А истоки их раннего возмужания в понимании того, что «...одной голой честности и великого самородного таланта еще недостаточно, чтобы быть мировым поэтом... Истинный, «полезный» поэт должен знать и понимать все, что в данную минуту интересует самых лучших, самых умных и самых просвещенных представителей его века и его народа» (Писарев).

Любой из великанов русской литературы был не только художником, но и философом, социологом, эстетиком — публицистические выступления Толстого, Достоевского, Горького тому пример.

«Художник — чувствилище своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его; он — голос своей эпохи. Он обязан знать как можно больше, и чем лучше будет знать прошлое, тем более понятным явится для него настоящее время, тем сильнее, глубже почувствует он универсальную революционность нашего времени и широту его задач. Обязательно необходимо знать историю народа и так же необходимо знать его социально-политическое мышление»,— все ли молодые задумываются с достаточной серьезностью над этими словами Горького?

Радует, что молодые прозаики в большинстве своем не хотят «жить просто», что так много времени отдают они поездкам по стране, активному познанию действительности. Радует, что определяющей тенденцией в развитии прозы молодых становится устремление в глубины народной жизни. Но понимают ли они с должной отчетливостью, что это еще половина дела? Что подлинная социальная проза — а для молодых она еще впереди — рождается из столкновения реальных фактов действительности с мощью творческой мысли, с партийным пониманием жизни художником, с его гражданским миросозерцанием?

Умение же мыслить, осмыслять действительность вырабатывается знанием — непосредственным и опосредствованным, знанием, которое приобретается не только в заводском цехе, на колхозном поле, но и в библиотеке.

Жаль, что анкета «Молодые — о себе» не содержала еще и такого вопроса: «Что вы читаете? Как пополняете знания в области литературы? Философии? Социологии? Эстетики?..» Не исключена возможность, что иные ответы документально подтвердили бы истинность наполненных болью, жестких слов Твардовского:

«Нельзя, конечно, применять к нашей литературной молодежи... меру пушкинской мысли, образованности, высочайшего, художественного вкуса. Но можно и должно указать ей, что она как-то мало озабочена тем, «чтоб в просвещении быть с веком наравне». Создается впечатление, что она мало читает, довольствуется «наследием» близлежащим, заветы великой поэзии усваивает из вторых рук. Отсюда опять же удручающая немощь содержания, узость взгляда на общенародную жизнь во всей ее сложности и как следствие — некая инфантильность, отсутствие той взрослости, какая Пушкину была присуща смолоду».

Никто не может сделать «взрослыми» молодых, кроме них самих. Нет спору, молодые стремятся к этому, постепенно освобождаясь от инфантильности, от узости взгляда на общенародную жизнь. Но творчеству многих из них не хватает пока масштабности мысли, ярких и сильных характеров, социальной глубины.

В движении молодых к «взрослости и социальной зрелости» главное — их собственный труд. Труд исследования действительности и осмысления ее, труд накопления знаний — непосредственных и опосредствованных, совершенствование мастерства. Труд выработки мировоззрения, глубокого и правильного партийного взгляда на жизнь.

Говоря о молодых писателях, хочется еще раз в заключение напомнить слова Н. С. Хрущева из его речи на третьем съезде писателей СССР: «...Надо внимательно, заботливо относиться к творчеству молодежи... Без притока молодых творческих сил не будет расти литература в целом. Молодежь — это наша смена. Каждый начинает с чего-то небольшого, а потом он развернется, создаст большие, хорошие произведения, и его талант признают. Талант рождается не сразу, он постепенно совершенствуется... Надо помогать молодым товарищам развивать свое дарование, поддерживать молодежь, как поддерживали ее многие старые писатели, как поддерживал Горький...»

Рассказ

Илья ЗВЕРЕВ

(УФФИК(„ЕНЬК“

Рисунки
Л. Корсакова.

Я разыскал Яшу у ректификационных колонн.

Мне всегда нравится смотреть на эти колонны. Красные сигары сорокаметровой высоты, они стоят, как ракеты, нацеленные в небо. Кажется, вот-вот полетят! (От чего, впрочем, упаси боже, так как полететь они могут только при взрыве.)

— О, индус! — радостно сказал Яша, и мне было приятно, что он так обрадовался.

Индусами называют друг друга все бывшие студенты нашего индустриального института. И хотя мы учились в разных группах и там почти не знали друг друга, все-таки мы были люди не чужие. Потому что оба когда-то питались в столовке у свирепой тети Клани (мы ее в шутку окрестили Ку-Клукс-Кланей). У обоих, как пишут в романах, «теплели глаза», когда в компании запевали нашу добрую старую песню:

К ногам привязали ему сопромат,
Чертежным листом обернули,
Потом потащили его в деканат,
И слезы у многих сверкнули...

— Слушай,— сказал Яша, и улыбка осветила его красивое лицо, годное, по-моему, даже на обложку иллюстрированного журнала.— Я могу тебя осчастливить, филателист несчастный!

Он достал из кармана синей своей замасленной, небрежной и элегантной спецовки серебряный портсигар и выстрелил крышкой. Из-под сигарет, зажатых резинкой, торчал обрывок плотной, пронзительно голубой бумаги.

— Тащи, специально для тебя выпросил.

Я вытащил кусок конверта с двумя новенькими бельгийскими марками, которых у меня не было. На марках улыбался молодой симпатичный король в военной форме. Но, конечно, я сразу вспомнил, что не такой уж он симпатичный, если учесть Конго.

Яша защелкнул портсигар, и я увидел на его крышке разные штучки. Они были не нарисованы, а приклепаны: кудрявая женская головка, винная бутылка, три карты веером. И под всем этим надпись серебряной проволокой: «Не увлекайся!».

— Собственно, Яша, это я тебя искал. Мне нужна твоя бескорыстная поддержка.

— Давай, старик, выкладывай! Кого жать надо? Кого бить?

Как-то даже весело с таким человеком разговаривать.

— Нашего Фомичева. Может быть, ты помнишь эту историю с фильтрами?

Я старался сказать это как-нибудь небрежно, но не думаю, что сумел.

— Неужели маринует? — ужаснулся Яша.— Сейчас же брошу все к черту, и пойдем делать из него бифштекс.

— Да нет,— сказал я.— Он ничего мужик. Ты только подтверди ему, что уверен. Ты же уверен?

— Господи,— сказал Яша.— Абсолютно надежное дело! На все сто! Я об этом в журнал написал. Скоро верстка будет.— Яша в сердцах выругался. — Назначили начальничка! А мы — тащи его за уши в царствие небесное.

Внутренне я не был с этим согласен. Фомичев, по-моему, был далеко не глуп. Но он не имел диплома и поэтому, как мне казалось, побаивался самостоятельно принимать серьезные решения. Однако я почему-то не стал возражать Яше.

Мы шли с ним по главному проспекту нашего завода, этого «гиганта большой химии», над которым, как рыжее знамя, днем и ночью вьется лисий хвост. Мы шли мимо деревянных восьмиугольных градирен, в которых грохотали спрятанные ниагары; мимо куцых, желтых с зеленой полосой цистерн «Аммиак», мимо блоков разделения воздуха, стены которых и в тридцатиградусную жару покрыты льдом.

В привычной последовательности кидались на нас запахи: то шибанет нашатырным спиртом, то пахнет лаком и свежей краской, то тухлыми яйцами потянет сероводород, то возникнет горьковатый сложный запах экспанзерного газа.

Мы шли долго: завод у нас очень большой. В статье товарища Грешнева, напечатанной в «Знамени химика», было сказано, что все наши внутризаводские пути, если вытянуть их в одну линию, протянулись бы отсюда до Костромы. Кто его знает, почему именно до Костромы! И сам Грешнев, наверное, не знает.

Пока мы шли, Яша немного порассуждал о том, что Грешнев, конечно, человек крупный, но из-за своего крутого нрава он объективно даже приносит вред производству.

Я соглашался, потому что и сам много слышал такого о нашем начальнике, хотя ни разу еще с ним не разговаривал. Так, здоровался раза три...

Тут я должен в нескольких словах объяснить, что там была за история, ради которой мы шли сражаться. Представьте себе гигантские такие кубки, фильтры. По проекту надо делать алюминиевые. А я додумался, что лучше будет из углеродистой стали. Восемьдесят тысяч экономии (правда, старыми деньгами)! Однако тут есть одно условие: обязательно надо получить «добро» от нашей химзащиты, то есть от Яши, он у них главный спец. Согласятся они — тогда все в порядке. А нет — значит, нельзя.

Три месяца, как Яша дал «добро». А наш Фомичев все не заказывает. Уже котельно-механический ждет, уже срок, а он все сомневается. Конечно, тут есть неприятный момент — надо проект переделывать. Но ведь стóит же!

— Дикая история,— сказал Яша.— Нельзя такие вещи прощать! К чертовой матери!

Так мы и шли, очень довольные друг другом,— два интеллигентных, независимых и остроумных молодых человека.

Кабинет моего начальства на втором этаже конторы. Перед дверью, обитой дерматином, сидела Анечка. Она тюкала одним пальчиком на машинке и шепотом подсказывала сама себе, что печатать.

Анечка — красивая девушка: такая глазастая, белая. Она тут временно. Просто зарабатывает себе стаж для института.

— Здравствуй, Яшенька!— сказала она. — Здрасте, товарищ Лебедев! (Это я — товарищ Лебедев.)

Честно говоря, я относился к Анечке сложно: она мне нравилась, а я ей в общем-то нет. В таких случаях мне иногда изменяет чувство юмора.

— Анечка,— сказал Яша,— я узнал для твоей мамы новое средство. Какое-то тибетское. Надо взять алоэ, два лимона и положить в мед на три недели. Говорят, снижает до нормы...

— Большущее спасибо, Яша,— сказала она, сделав ветер своими ресницами.— Правда, товарищ Лебедев, Яша милый? И теплый?

Я не мог злиться на Яшу, поскольку он сказал про это шарлатанское средство не для того, чтобы понравиться Анечке. Он вообще любил делать добро: сумасшедшему книжнику Шлимовичу он звонил, что утром прибыл Бальзак!.. Мне он где-то раздобыл два твердых кохиноровских карандаша, без которых я совсем погибал. И еще он ездил на аэродром встречать тетю Сурена Арутюняна, поскольку у самого Сурена на тот же час намечалось другое свидание, которое было опасно отменить...

Нет, я не имел зла на Яшу, меня даже резануло, что она назвала его каким-то там «теплым, милым», а не как-нибудь получше.

— Я вас сразу предупреждаю, что за это дело я буду драться в кровь,— сказал Фомичеву Яша прямо с порога.— Это дикость и перестраховка. И вам это так не пройдет.

Признаться, я малость испугался, что он так ругается. Если нашего Фомича обозлить, он упрется, как бык. И не сделает. Но вообще действительно нельзя в таких случаях дипломатничать. Надо прямо.

— Говорите с Грешневым!— хмуро сказал Фомичев.— Этим теперь лично Грешнев занимается.

— Прекрасно,— сказал Яша.— И поговорим.

— Можете сейчас,— предложил Фомичев.— Он как раз рядом сидит, у моего главного.

Мы направились к дверям, и долговязый, нескладный Фомичев вдруг поднялся и пошел за нами.

Высокий гость был при ближайшем рассмотрении не намного старше нас.

— Вот хлопцы тоже пришли насчет етих фильтров,— сказал Фомичев (все-таки чувствуется, что наш начальник участка из десятников, этого никакой практикой не сгладишь),— надо бы, Иван Саввич, сделать все-таки. Искушение большое.

Круглое лоснящееся лицо Грешнева как будто вылеплено из хозяйственного мыла. Только глаза из другого материала — серые, умные, злые, веселые.

— Я по два раза не решаю,— сказал он.— Ты сделай мне, друг Фомичев, сорок восемь часов в сутки,— тогда, пожалуйста, буду по два раза решать.

Я выступил вперед и произнес речь. Не помню точно, какие именно слова я говорил,— скорее

всего, Яшины. Об интересах страны и о борьбе за новое... Но, конечно, я говорил слабее, чем Яша у Фомичева, хотя и громче.

— Так вот,— сказал вдруг Грешнев и гулко положил руку на стол.— Кончай ООН. Я перерешать не буду. И так уже меня проектант за дурака считает из-за таких вот быстрых.

— Хорошо,— холодно сказал я (но, может быть, на самом деле я это проорал).— Тогда мы с ним напишем в Москву, в ЦентроНИИ, и будем там пробивать. Все знают, какой он специалист по химзащите, нас где угодно выслушают.

— Ага, и ты, значит?— спросил Грешнев и с неласковым любопытством осмотрел Яшу. Потом полоснул: — За компанию, значит?

Он нас совсем не боялся. И не потому, что был прав. По-моему, он уже сразу знал про нас что-то такое, чего мы сами про себя не знали. Или не хотели знать...

Мне было, конечно, не до наблюдений, но, кажется, Яша побледнел.

— Надо будет еще обдумать,— медленно сказал Яша.— Это ведь не окончательно. Но мы искренне полагали...

— Что же вы являетесь ко мне с неокончательно продуманным проектом?— Это Грешнев сказал неожиданно весело.— Вы, значит, так полагали.— И потом, уже совсем мягко: — Вы ведь, ребята, не все можете понять. Не к чему мне с генпроектировщиком по пустякам собачиться. А то сейчас — мы его. А потом — он нас! — Грешнев постучал указательным пальцем по столу.— И вот что: бросьте вы, ребята, разводить демагогию.

Мы вдвоем вывалились из кабинета и, не взглянув на Анечку, прошли прямо в коридор.

— Что ты на меня так смотришь? — жалобно спросил Яша.

Я на него не смотрел вовсе.

— Ты что, не понимаешь, что этот дуб все равно ничего не даст сделать!

— Так драться надо! В институт написать, в ЦентроНИИ! Но ты же сам все завалил: «Не окончательно... мы полагали...»

— Умный человек всегда уступит дорогу автомобилю. Это не из вежливости...

О, его тонкий юмор не изменяет ему, наверное, никогда!

— Ну ладно,— сказал я.— Будь здоров! Не забудь забрать статью из твоего журнала.

Яша с горечью усмехнулся, щелкнул крышкой своего портсигара и сунул в рот сигарету.

— Будь здоров!— сказал он совсем грустно.— Как вы все любите быть прокурорами...

Я подумал: кто это «вы все»? Но мне было приятно, что Яша отделял меня от себя....

Я плюнул на автобус и пошел домой пешком. Я шел и анализировал. Конечно, я сейчас распалился, и злоба во мне просто клокочет, но надо все-таки объективно разобраться.

Прокурор был на месте. Но для справедливости нужен был и адвокат. Я его долго в себе вызывал и уговаривал; наконец он созрел и вступил в дело.

АДВОКАТ. Ах, как сразу все изменилось! Был хорошим — стал плох. А он всегда делал добро! В тысячу раз чаще, чем ты! Он для всех был чутким и отзывчивым товарищем.

ПРОКУРОР. Факты?

АДВОКАТ. Пожалуйста! Суренова тетя, алоэ с медом, марки да тысячи подобных вещей. Подожди, подожди, подожди! Я знаю, что ты сейчас скажешь. Но это не мелочи — это стиль, отношение к людям.

ПРОКУРОР. Конечно! Но это же ему давалось без особого труда. И добро не очень крупное. «Ничто не стоит нам так дешево и не ценится другими так дорого, как вежливость»,— говорила моя тетя Рая (надо сказать, препротивная баба).

АДВОКАТ. Ага, не очень крупное? А то, что он отстоял нашу вахтершу Анну Андреевну? Одинокую женщину, мать двоих детей? Это тоже мелочь? Ее бы уволили!.. Он разоблачил этого сукина сына, который так хитро все подстроил. Тут судьба целой семьи! Это, по-твоему, мелочь?

ПРОКУРОР. Минуточку. А с кем он, собственно, сражался? С заведующим АХО, с завхозом? И чем грозила Яше эта схватка с малограмотным жуликом? Он сделал доброе дело, совершенно ничем не рискуя. Ты замечал, что вообще все его схватки были безопасные? Во всяком случае, для него.

АДВОКАТ. Все? А вот то письмо, которое он написал против председателя райисполкома. Это было мощное письмо — никто не посмеет отрицать! Вот то письмо насчет махинаций с жильем. Оно было совсем не безопасное. Кто же знал, что председателя снимут? А Яша сам стоял в списке очередников. Он вполне мог погореть.

ПРОКУРОР. Да, он действительно здорово написал это письмо. Но сам же он не стал подписывать.

АДВОКАТ. Ты передергиваешь! Ты же прекрасно помнишь: все согласились с Яшей — и ты сам был согласен,—что такой документ должны подписать не инженеры, а рядовые рабочие — аппаратчики, монтажники, уборщицы. Так убедительнее. Была в этом логика или нет? Письмо же подействовало!

ПРОКУРОР. Да, всюду была логика — и тут и в других случаях. Но все-таки он ни разу не подвергался опасности и не понес какого-нибудь урона или убытка.

— Но он добрый! — в отчаянии крикнул адвокат перед тем, как окончательно исчезнуть.

— Добрый? Нет, он милый... Как она там еще сказала, эта Анечка? Он теплый... Он тепленький!

Суффикс «еньк» сразу все объяснил!

Да, да, да, у Яши хорошие качества, прекрасные качества, великолепные качества! Но они отпущены в каком-то таком количестве, что на настоящего человека не хватает.

Вот именно! Добренький, умненький, хорошенький...

Я шел, не разбирая дороги, и совал этот суффикс «еньк» в слова, где ему быть уже никак, уже совершенно невозможно: правдивенький, смеленький, принципиальненький, непоколебименький.

А потом я стал думать, как напишу в ЦентроНИИ.

ПРОЧТИ — ЭТО ИНТЕРЕСНО!

НОВЫЙ МИР

«Дневник Нины Костериной» (№ 12 за 1962 г.). Это не художественный вымысел, но не всякий художественный вымысел сможет соперничать с «Дневником» по силе воздействия на читателя. Нина Костерина — обычная московская школьница, в первые же месяцы Великой Отечественной войны ушедшая в партизанский отряд и героически погибшая в 1942 году. В ее записях, сделанных «для себя», очень верно и тонко подмечено многое из жизни нашей страны конца тридцатых годов. И в то же время эти записи проникнуты жаждой и ожиданием подвига, подвига, который Нина свершила во имя Родины. Иногда мы говорим: эта книга представляет немалый исторический интерес. Бывает, что это лишь вежливая форма намека на то, что книга устарела для современного читателя, потеряла воспитательный и политический «заряд», сохранив разве что **только** исторический интерес. К «Дневнику Нины Костериной» эти слова не имеют никакого отношения.

Да, прочитав «Дневник», можно многое узнать о том времени, которое успело стать далеким. Можно понять некоторые его неповторимые черты. Но само «Дневник» нисколько не устарел! Движение молодой души к подвигу, ее совершенствование — все это звучит как нельзя более современно.

Нина Костерина, героически погибшая более двадцати лет назад (подумать только, ей сейчас было бы только сорок!), оказалась вдруг живой современницей молодых ребят и девчат, перекрывающих Енисей и пашущих целинные земли.

Прочтите «Дневник Нины Костериной»! Одним другом у вас станет больше.

———

МОЛОДОЙ КОММУНИСТ

«Бригантина» — так назвали свой районный Молодежный дом комсомольцы Первомайского района Москвы. И песню свою они создали, положив в основу слова знаменитой «Бригантины» Павла Когана. И даже рассказ об этом Молодежном доме напечатан в «Молодом коммунисте» (в № 1 за 1963 г.) в виде бортового журнала под названием «Бригантина» поднимает паруса».

«Бригантина» не просто молодежное кафе и не просто Дом культуры. А что именно она собой представляет, вы можете узнать, прочитав «бортовой журнал», где сделали записи многие создатели и друзья «Бригантины».

Среди этих друзей не только люди комсомольского возраста. Здесь и многие знаменитые поэты, путешественники, ученые. И, надо полагать, их будет все больше и больше, круг их, оставаясь таким же тесным и дружественным, будет тем не менее расширяться и расширяться.

Опыт «Бригантины» ценный и богатый (хотя она существует недавно). Почему бы его не перенять организаторам и других молодежных кафе и клубов?

Окно в мир прекрасного

Г. ПОЖИДАЕВ

ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ — ПОНИМАТЬ МУЗЫКУ?

В третьем номере за прошлый год «Юность» опубликовала своеобразный рассказ, посвященный музыке и ее восприятию. Рассказ этот, написанный читателем журнала, молодым военным инженером Геннадием Пожидаевым, назывался «Путешествие в страну Симфонию».

В чем смысл подобных выступлений? В том, чтобы указать единственно верный, протоптанный путь к постижению того или другого произведения искусства?

Конечно, нет. Тогда в чем же?

В прошлом же году в «Юности» было напечатано еще одно читательское выступление — статья о Пушкине. Ее автор так обращался в редакцию журнала: «Мое письмо — ни на что не претендующий рассказ об одной из множества тропинок, ведущих к роднику поэзии. Наверно, где-то, в чем-то моя тропинка пересечется с другими: их ведь так много...»

В этом все дело. Каждый приходит к роднику искусства СВОЕЙ тропой, и троп этих миллионы, столько же, сколько и людей, желающих понять и полюбить искусство. Но направление большинства троп одно, и один человек может помочь в этом пути другому.

Поэтому мы обращаемся к читателям нашего журнала с просьбой: присылайте нам свои статьи, рассказы, заметки о том, что вы особенно любите в искусстве — в современном и в классическом, что вы ищете в нем, на какие ваши вопросы оно отвечает, а на какие — нет, как происходили в вашей жизни встречи с любимой книгой, картиной, песней, кинофильмом и т. п. Нам очень хотелось бы, чтобы на страницах «Юности» возникла такая «перекличка» любителей искусства.

Закончив перепечатку на машинке моего рассказа «Путешествие в страну Симфонию», знакомая машинистка, пожилая женщина, неожиданно обратилась ко мне:

— А вы знаете, мой брат очень любил эту симфонию Чайковского. Откуда это в нем, не знаю, но не мог он жить без симфоний и опер. К чему я это все говорю? Как началась Отечественная война, пошел он, инженер, добровольцем на фронт. А как отбили немца от Москвы, помню, появился однажды в квартире, усталый, заросший, в пропахшем дымом ватнике. И то всего лишь на несколько часов. Что сделаешь за такое время? Побрился, помылся и, что вы думаете, завел пластинку! Шестая симфония Чайковского. Нешуточное тогда было время. Хотели люди побольше родного взять с собой из дому на войну... А ему — симфония! Слушал молча, серьезно. Как сейчас помню, в конце как-то посветлел лицом, хоть такая там грустная музыка! А потом сказал: «Теперь можно идти. Отлегло... Прощай, Аня». И ушел. Да так мы с ним больше и не встретились...

Слова машинистки взволновали меня. Никто не знает, что любил и искал в симфонии ее брат, какие чувства владели им при звуках музыки в той короткой передышке между боями. Понимал ли он симфонию?

Да, понимал. Потому что любить музыку — это уже значит в какой-то степени понимать ее. Но понимание в каждом конкретном случае своеобразно и зависит от многих и многих причин. Вот об этих причинах мне и хочется поговорить.

Моцарт, кажется, сказал: «Мелодия — душа музыки». А мелодия доступна всем людям. Значит, душа музыки доступна всем. Это — главное. Следовательно, только благодаря мелодии мы можем, как по компасу, идти по неведомой стране Симфонии. Надо только захотеть этого, а компас — в руках у каждого.

Есть, правда, у нас часть молодежи, которая ищет в музыке прежде всего ритм, признавая только джаз. Это — неумное увлечение. Неумное потому, что однобокое. Если, по выражению Г. Нейгауза, «библия музыканта начинается словами: вначале был ритм», то их «библия» этим, очевидно, и исчерпывается. Обидно. А не пора ли этим молодым людям перейти от первобытного состояния на более высокую ступень?

Я ни в коей мере не хочу принижать значения легкой музыки, танцевальной и песенной, потому что это просто бессмысленно. Это все равно, что заставлять человека забыть улыбку. Хороша всякая талантливая музыка, в каком бы жанре она ни была написана. В этом смысле Штраус так же велик, как многие «серьезные» музыканты.

Но как же все-таки перейти от мелодии, составляющей основу и песен и симфоний, к пониманию симфонии в целом?

Единого ключа здесь нет. Ключ надо искать в себе самом. Как в игре в «холодно и жарко», в поисках этого ключа я попробую вести вас хотя бы от «холодно».

За что я люблю симфоническую музыку? За то, что она приносит радость. Человек должен всегда быть «в поисках радости», он не должен себя обеднять. Мир большой музыки — это мир той радости, которая вызывает не просто улыбку, легкое удовольствие, а потрясение, обновление чувств, творческое вдохновение.

В чем же причина неуспеха симфонической и другой «серьезной» музыки у неискушенных слушателей?

Теперь мне просто трудно понять, почему мне не нравилась раньше симфоническая музыка,— ведь вообще музыку я любил, особенно песни. А причина в том, что я ни разу не потрудился специально сесть и внимательно послушать эту музыку, и никто мне не подсказал, с каких произведений надо начинать ее слушать. Так часто бывает в школе, когда среди многих учителей встречается такой, который своим предметом так увлечет ребят, что вдруг заслонит перед ними все остальные предметы и определит для некоторых даже жизненный путь. Вот к такому учителю нужно постараться попасть с самого начала.

Для меня таким учителем был Чайковский. Я видел в его произведениях много прекрасных мелодий, ради которых вначале и слушал их. Бессознательно я чувствовал в них красоту гармонии, но еще не видел самого главного — действия, развития мысли автора, которое проявляется в столкновении различных мелодий-тем, в их разработке. Но главное было сделано.

Эту музыку недаром называют серьезной. Она и в самом деле сложна. Надо проявить большое желание и терпение, чтобы познать основные законы ее развития. Будь моя воля, я бы ввел в программу музыкальных радиопередач цикл лекций по основам музыкальной формы. Потому что, не зная формы, трудно себе представить содержание больших музыкальных произведений. Это нужно, как воздух, тем, кто не имеет музыкального образования, но любит слушать серьезную музыку и хочет в ней разобраться. Удовольствие от катания на коньках получают тогда, когда научатся стоять на них, чтобы не дрожали от напряжения ноги и коньки не разъезжались в разные стороны. Так примерно и здесь.

И вот тогда, когда вы полюбите серьезную музыку и от созерцания отдельных «картинок» (то есть мелодии) в раскрытой перед вами, но еще непонятной музыкальной книге сделаете первые шаги к пониманию их содержания, вы непременно заинтересуетесь программами больших музыкальных произведений, которые оставили нам их авторы или «разгадали» тонкие ценители музыки — лучшие музыковеды.

Чем же особенно хороша симфоническая музыка для любящих ее людей? Тем, что человек может взять от нее то, что ему по душе. Многие произведения, любимые мною, постепенно наполнялись для меня своим, особым содержанием. Эти представления при каждом (и неоднократном) прослушивании расширяются и часто уводят в совершенно неожиданные области мысли. И здесь важно многое — даже знание биографии композитора, эпохи, в которую он жил, времени написания той или иной вещи.

Особенно хорошо чувствуешь прелесть испанской музыки и удивительно теплое отношение к ней Глинки, слушая «Арагонскую хоту» и «Ночь в Мадриде», после того, как прочитаешь в его «Записках» о посещении Испании. А прочитайте письма Глинки и Чайковского к родным из Германии и Италии, письма, проникнутые невыразимой тоской по родине!

Бывает, что с первых же встреч с некоторыми музыкальными произведениями у нас остается о них неизгладимое впечатление. И все-таки не все они с первого раза «потрясают» нас. И здесь я хочу коснуться одного из самых главных секретов воздействия на нас музыки.

Первое условие известно — здесь должно быть истинное произведение искусства; второе тоже ясно — прекрасное творческое исполнение его; а третье — это особая настроенность слушателя, как скажут врачи, «предрасположение к данному заболеванию». И вот к этому «заболеванию», единственно целесообразному, слушатель должен быть готов. Надо иметь большую жажду, чтобы почувствовать, как прекрасен вкус воды.

Помню, какое сильное впечатление произвела на меня первая встреча с Пятой симфонией Чайковского. Это было лет десять назад. Я приехал в Ленинград на время зимних студенческих каникул и однажды взял билет в кинотеатр «Великан». До начала сеанса было еще больше часа, и я пошел бродить по скверу. Но вскоре замерз и направился к кинотеатру. Огромное его фойе выглядело, как концертный зал, и я почти не удивился, когда объявили, что выступит симфонический оркестр, который исполнит вторую часть Пятой симфонии Чайковского.

...Оркестр начал тихо и убаюкивающе, как будто вздыхая. Я стал рассматривать музыкантов. Вот один из них, сидевший в середине второго ряда оркестра, немолодой, с черными, коротко подстриженными волосами, чуть откинулся назад от пюпитра, приподнял блестящий медный инструмент («скрученный в бараний рог», почему-то подумалось мне), и раздался робкий, дрожащий звук, очень похожий на человеческий голос. Оркестр отошел на задний план, создав тихо звучащий фон.

И дирижер и зал, казалось, затаив дыхание, смотрели на валторну. Она пела печальную, задумчивую мелодию, очень простую и очень нежную. Прелесть ее сразу же покорила меня. Неужели это, подумал я, симфоническая музыка, та самая, «отпугивающая» своей непонятностью, утомительно однообразным и бесконечным потоком звуков, в котором я никак не мог разобраться? Ласковый мотив валторны не мог не тронуть. Она словно жаловалась на что-то, просила участия. Настоящая песня, но только без слов, и вот эту песню я понимал.

Чуть стихла она, навстречу ей из оркестра поднялась другая песня, но в ней уже чувствовалась радость, какое-то утреннее, рассветное настроение. Это очень похоже на робкое ответное признание, вызванное песней валторны. Оно еще не яркое, цвета ранней зари, но обещает солнце... И вот уже смело, без тени неуверенности вновь появляется в оркестре тема валторны, подхваченная всеми инструментами.

Вызвав неожиданное робкое признание, она уже радостно требует у другой стороны полного откровения. И это откровение следует—ласково, нежно и широко, как раскрытые объятия, звучит мелодия песни...

Кто хоть раз мечтал в юности об ответном чувстве, тот поймет смутно зародившуюся тогда в моем воображении аналогию, которая впоследствии развивалась до ясно видимой сцены диалога влюбленных — Ромео и Джульетты.

Ужасные, мрачные звуки вдруг прерывают разговор сердец. Но злое нашествие длится недолго, уступая радостной перекличке чудесных мелодий.

...Так началось мое приобщение к «серьезной» музыке, без которой мне теперь уже просто трудно представить свою жизнь.

Геннадий Угрешинов

Вступление

«В древности считали, что земля плоская и стоит на трех китах...»

Ты — плоское блюдо,
ты — прах окаянный,
Так горби китам шелудивые спины,
Земля!
Но жила полоса окоема,
И мужи, гусиным скрепя, уступили:
Велением божьим ты шар,
но недвижный,
Мирская юдоль во вселенской купели
А кто-то воскликнул:
— Я знаю!
Я вижу!
И пол повернулся в монашеской
келье.
И смрадно пахнуло железом
и кровью,
И руки взвились над костром
в исступленье,
Но было вращенье, но живы герои,
А тленье —
вовеки останется тленьем.
Страшнее другое,
страшнее усталость:
Седой человек в обезлюдевшем замке
Вдруг скажет, в камин прогоревший
уставясь,
— Вращается — верно,
но круг ее замкнут...
И странное эхо пройдет по покоям,
И дьявольский хохот обрушат
колонны,
И лживая правда поманит рукою,
И толпы,
как реки,
стекут по уклону.
— Ведь круг ее замкнут:
рожденье... могила...
А все остальное —
обычные трюки,
И люди нагие,
и небо над ними,
Как синее дно опрокинутой рюмки.
Так верьте в веселую чарку успеха,
А что до земли — пусть хоть к небу
прибита.
Но где-то взгляделись в смещение
спектра —
И треснули рельсы привычной орбиты.
И вся голубая
в морях и проливах,
Согретая солнцем
и с ним воедино,
Земля устремилась к созвездию
Лиры,
Как будто бы заново нас породила.
И встала великая правда Движенья,
Движенья росы по вощеному лавру,
Движения смерти,
Движенья рожденья,
Движенья позора,
Движения славы
Повержены боги,
и ризы их смяты,
А солнечный разум,
он рвется на стогны
И вот распахнулась вселенная —
атом
И стала простою
иголкою в стоге.
И кто-то взглянул на небесные карты
Уже по-иному,
уже по-земному.
Ты слышишь, как мечется сердце
Икара,
Как бьется бессонная мысль
астронома?
Надвинулся мир,
бесконечен и путан,
Плеснув на планету тревогой и
ветром...
Веселые парни садятся за пульты
В апрельское утро двадцатого века.
А это воочью,
и это запомнят,
Когда человек не богами,
не сказкой —
Собою
высокое небо заполнил,
Сквозь чуткие пальцы лучи пропуская,
Земля проступала округло и явно,
Даря теплотой материнских
напутствий,
И был он так дорог,
«тот прах окаянный»,
И вспыхнул сигнал:
«Приготовиться к спуску!..»
...Шагать по земле —
вам такое случалось,
Шагать, запинаясь, шагать, увязая,
Шагать, ощущение шага сличая
С привычным,
но словно оставленным сзади,
И встретить людей?
Вам случалось такое?..
Весна. Вы вернулись с космической
трассы.
И мальчик коснется скафандра
рукою,
И вы по губам прочитаете:
— Здравствуй!
И день опрокинется светом и ширью,
И в нем не прожить в стороне
и отдельно,
И где-то готовят к полетам машины,
И кружится небо,
и жизнь беспредельна.

Владимир БЕЛОВ

ВПЕРЕД, „ПОЛОСАТЫЕ"...

Рисунки В. Барышкова.

«РВАЧ»

Плечи у него широкие, глаза большие, синие, на губах добрая усмешка. В «козла» он играет удачливо. Хорошо, что он мой партнер.

— Здорово играет Витенька! — восхищенно говорит кто-то из зрителей, когда он неожиданно заканчивает партию пустышечным дуплем.

Удары костяшек пытаются соперничать с перестуком колес. Под вечер в купе становится тихо. Черным пугалом покачивается Витин бушлат.

Вагон катится на восток, третий день мы в дороге. В тамбуре двери нараспашку, пахнет травой и хвоей. Стоим с Виктором, курим, молчим. Я с удовольствием оглядываю его крепкую фигуру. Он ловит мой взгляд и говорит смущенно:

— Механизм прилично изготовлен, в любой работе помогает...

— У тебя какая специальность?

— Бетонщик,— произносит он и, вдруг потускнев, добавляет:—...но рвач. Бывает в художественной литературе этот отрицательный образ: человек любит только деньги, работает там, где платят больше. Говорят, я такой. Ты про таких читал?

— Читал,— отвечаю я и смотрю на Виктора с интересом: уж больно он не похож на рвачей, про которых я читал и которых видывал.

Виктор крутит в руках незажженную папиросу и говорит задумчиво:

— Я на «бобиках»— больших «охотниках»— на флоте служил. Привык с ребятами жить так, словно мы части одного мотора. Демобилизовался — и сразу на стройку. Еще в поезде мы с ребятами собрали бригаду. Меня бригадиром выбрали. На строительстве, в отделе кадров, просим: «Принимайте целой бригадой»,—а они заартачились. Я — к главному инженеру. Вид у меня был представительный — мичманка, лычки еще не спороты. Он посмотрел: «Примем... Не подведете?»

Подержали нас дней пять на второстепенных объектах, посмотрели, что умеем, а потом перевели бетонировать гребенку водосливной плотины. Работали мы, как звери.— Виктор улыбнулся, закурил и с удовольствием повел плечами.— Людей не хватало, план горел. Так, бывало, мы две смены подряд вкалывали. К концу второй не понимаешь, где руки кончаются, где начинается вибратор.

На строительстве про нас говорили с уважением: «Бригада морячков». А из наших лишь четверо служили на флоте, двое окончили ФЗО, двое — школу, остальные — из армии. Но после первого аванса съездили ребята в райцентр, купили в универмаге тельняшки.

Приближался ледоход. Пришел главный инженер, поздоровался: «На вас все строительство равняется. Давайте темп». Показали мы темп: телогрейки, рубахи долой, все в тельняшках остались, как на большой приборке. С этого дня стали нас называть «полосатые».

Три месяца мы были богами. На нас с уважением смотрели старожилы, нас хвалило начальство, и

мы чувствовали, что делаем нужное дело. Но вот строительство вошло в график, и тут началось... Каждый день по полсмены ждем бетона. Пошел я к прорабу, тот мне: «Не бойся, твою бригаду не обидим».

Кончился месяц, работали кое-как, но получка оказалась намного больше, чем ожидали. Новый месяц — снова сплошные простои. Еще прошел месяц — все по-прежнему. Ребята волнуются: «За что нам платят? Будет настоящая работа или нет?» Я отправился к главному. Тот вызывает прораба: «Сделайте все, чтобы бригада была довольна». Прораб достает ведомость: «Заработки у них высокие, мы им выводим». Я говорю: «Не надо нам приписок, мы сами больше заработаем». Тут главный на меня посмотрел брезгливо: «Верили мы вам, а у вас, оказывается, рваческие настроения».

Хлопнул я дверью — и к своим. Ребята в амбицию. Начали решать, что делать дальше, а тут мне телеграмма: мать умирает. Взял расчет — и домой...

Сейчас еду на другую стройку, посмотрю: если можно там развернуться в полную силу, ребят вызову. Они сейчас бой ведут, в райком комсомола обратились. Но наше начальство вряд ли проймешь. Главный решил, что я рвач. Да, люблю я, чтобы работа была... горячая... А деньги? Мне, знаешь, подарки очень нравится делать. У меня племянница — занятная такая пацанка. Я, как приехал домой, куклу ей купил с закрывающимися глазами. Девчонка наутро в детский сад ее потащила. Прихожу туда вечером, а там рев: «Хотим такую!» Воспитательница сердится... Строгая такая девушка, серьезная.

Я пошел в магазин, взял оставшиеся десять кукол и притащил в детский сад. Воспитательница так обрадовалась, что в щеку меня поцеловала. Очень симпатичная девушка...

Витя настороженно посмотрел, не выражу ли я сомнения, но я согласно кивнул. Он вздохнул:

— Переписываюсь с ней.— Швырнул окурок в проем двери, и он маленькой кометой прорезал темноту ночи.

Вернулись в купе. Баюкает перестук колес. А вагон катится на восток, блеснет под фонарем стеклами да беленькой дощечкой «Москва—Лена».

Проснувшись утром, я увидел, что полка Виктора пуста. Не было и его бушлата у окна. Сосед лениво промолвил: «Телеграмму какую-то получил, выскочил чуть ли не на ходу, а телеграмму забыл...»

Я раскрыл бледно-синий бланк:

«ДЕРЕМСЯ СТАРШИНА
НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ
ПОЛОСАТЫЕ».

Мне верится, что «полосатые» победят. Но я вожу телеграмму с собой: ведь драка еще не кончена...

ЭТО КАСАЕТСЯ КАЖДОГО

Да, драка еще не кончилась. Я вспоминаю строительство Мамаканской ГЭС. Оборудование полигона подходило к концу. Стоял мягкий летний вечер. В такой вечер почти у каждого назначено свидание. Но стало ясно: придется остаться во вторую смену, потому что завтра придет кран и можно будет начать изготовление бетонной опалубки. Остались все. До поздней ночи собирали фермы, а когда облака опустились на сопки, ребята возвращались в поселок усталые и почему-то довольные, пели песни про кружку, которая всегда выручает в походе.

Утром кран не пришел. Сидели хмурые и лениво ругали начальство. Крана не было и на следующий день. И тогда ребята все вместе двинулись к конторе строительства.

Главный инженер произнес перед ними речь о том, что во время рабочего дня полагается быть на своих местах и что подобные делегации неуместны.

Но, бывает, и неуместные методы помогают: на следующий день кран появился на полигоне...

...Да, драка еще не кончена. В Минске, на заводе запасных частей, я вновь услышал знакомый диалог:

— Что, плохо зарабатываете, девушки? Мы же вам выводим.

— А мы сами можем больше заработать. Были раньше две смены, зачем ввели еще ночную, увеличили число рабочих? План ведь остался тот же. Вот и спим ночью между станками.

— Зато Верке хорошо,— весело объявил задорный голос,— у ее парня телефон в комнате, так она с ним ночью прямо по телефону роман крутит.

Девушки рассмеялись, а потом упрямо и зло ругали мастера.

Вечером заместитель секретаря комсомольской организации и начальник цеха объяснили мне, почему на участке появились лишние люди. Детали из соседнего цеха поставляли неравномерно: то большими партиями, то малыми. На тот случай, если деталей для обработки поступит много, и набрали людей «про запас».

Я не пытаюсь анализировать все причины, вызывающие простой. И я знаю, что есть немало предприятий, где простои сведены к минимуму. Но, листая блокноты и вспоминая то, о чем — увы, нередко — узнавал в разных концах страны, я не могу не думать об этом.

Две смены подряд проработал Виктор. С одной стороны — трудовой героизм, а с другой — если бы не было простоя, то не трудилась бы бригада «полосатых» две смены подряд, а это ведь нелегко и, если хотите, просто вредно. Да, героизм нужен, но не надо прятаться за него нерасторопному начальству.

Как-то я видел короткометражный фильм. Его сюжет прост. Рабочие во время перекура подсчитывают, сколько зданий за пять минут могут возвести все строители. На экране вырастают эти дома, но в руках у рабочих папироски, и дома исчезают, как дым,— их уничтожил перекур.

Я пытаюсь представить себе, сколько дополнительной продукции получила бы страна, если полностью и везде ликвидировать простои. Я вижу ряды машин, тяжело груженные составы, новые улицы домов, новые электростанции. Я вижу людей, которые живут намного лучше, чем сегодня. И понимаю совершенно отчетливо, что это касается каждого из нас.

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ СПОР

Секретарь заводского комитета комсомола смотрит на меня испытующе. Целый день он ходил вместе со мной по заводу, демонстрируя деятельность комсо-

мольского «Прожектора», и теперь ждет, что скажет корреспондент.

Мы оба одинаково устали, одинаково голодны (пообедать не успели) и одинаково злы. Но злы мы по разным причинам.

Алексей зол на меня: я свалился ему на голову неведомо откуда, и ему пришлось ходить со мной, хотя у него бездна своих комсомольских дел. Я зол на редакцию, которая просила, чтобы, учитывая ее специфические редакционные причины, я обязательно принес рассказ о том, как замечательно работает комсомольский «Прожектор». Я зол на товарищей из городских организаций, которые сказали, что именно на этом заводе «Прожектор» работает великолепно. И еще я зол на Алексея: вроде хороший парень секретарь, а комсомольского «Прожектора» на заводе фактически нет.

— Плохо, очень плохо,— произношу я вслух, отвечая на собственные мысли.

— Что плохо? — взрывается Алексей.

— Да все. «Прожектора» ведь нет.

— Как нет? А общественное конструкторское бюро? А рейды против бракоделов? А борьба за чистоту в цехах?

— Но скажи, разве до появления «Прожектора» всего этого на заводе не было?

— Было. Но «Прожектор» для того и создан, чтобы собрать все действия молодежи в один кулак. Верно?

— Верно. Но ведь не только собрать?

— Конечно, «Прожектор» — дело большое, но ты думаешь, на других заводах по-иному? Во всяком случае, в нашем районе вряд ли найдешь, где лучше. Встречаемся мы в райкоме, спрашиваем друг друга: «Ну, как прожектуете?» Отвечают: «Прожектуем». И они так же, как мы, ввели в отчет по работе «Прожектора» все, что и раньше на заводе делалось...

— А помнишь, Алеша, видели мы в механическом цехе ребятишек, недавно окончивших ФЗО?

— Ну, помню.

— Они ведь третий день уже работают по полдня.

— Заготовок нет, это от поставщика зависит.

— Но простой — это же страшный враг, и ребятам, которые простаивают, и вашим потребителям, не получившим продукции, не утешение, что виноват поставщик.

— Ты думаешь, наша борьба с браком дает меньше продукции, чем выпустили бы эти ребята? Это если говорить о потребителе. А ребятам мастер выведет их среднюю...

Зазвонил телефон. Через минуту Алексей попрощался: его куда-то вызывали. Так мы и недоспорили. Но сейчас я попробую высказать все, что не успел тогда.

РАСПЛАТА

Эх, Алексей, Алексей! А что ты скажешь, если речь пойдет не только о невыпущенной продукции, но и о человеческом достоинстве, о честности, требовательности к себе и друг к другу?

Простой и достоинство — казалось бы, что общего между ними? Попробуем разобраться.

Каждый год приходит молодежь на заводы и стройки страны. Приходят ребята чуть-чуть застенчивые, чуть-чуть растерянные, готовые к трудовым подвигам, почти таким, о которых читали в книгах. В мыслях, про себя они смену именуют «трудовой вахтой», хотя в этом никому не признаются...

Бывает, что в первые же дни их встречает наглой усмешкой простой. Ребята возмущаются, а находятся «начальники», которые их успокаивают:

— Ничего, не волнуйтесь, выведем...

И, бывает, «выводят» — выписывают наряд за работы, которых они не выполняли.

На первый взгляд позаботились о рабочих, а на самом деле обеспечили покой себе: если нет простоя, значит, мы хорошие руководители, и дела на вверенном нам предприятии идут лучше некуда.

Ради этого утверждения такие люди приносят в жертву все, чему научен молодой человек с детства. Еще со школы он знал, что должен быть честным и гордым, что зло наказуемо и справедливость — понятие отнюдь не абстрактное, а совершенно конкретное.

Так думал мальчишка вчера, а сегодня его сделали участником безопасного воровства, и теперь он вынужден ладить с мастером, чтобы тот и в следующий раз «вывел» побольше.

Происходит «воспитание наоборот».

Вот и скажи, Алексей, что могут противопоставить иному повидавшему виды мастеру или начальнику цеха эти ребята-фезеошники из механического цеха? Свой неокрепший характер и столь же неокрепшие представления о жизни, которые еще не успели стать убеждениями? Из месяца в месяц железной логикой рубля такому пареньку доказывают, что изнанка и есть истинная жизнь.

Ломка привычных понятий не проходит бесследно. Тот, кто посильнее духом и повзрослее не только годами, но и опытом, как «полосатые», рвется в бой. Тот, кто послабее, порой начинает терять уважение к себе, к своему времени и даже к результатам собственного труда. Начинается рассуждение:

«Если можно простаивать из-за глупости мастера или по иным причинам, то почему нельзя простаивать по собственному желанию? Ведь все равно «выведут»...»

Молодой человек видит, что первый из людей, встретившийся ему на трудовом поприще, обходится с государственными средствами крайне небрежно. И случается: привычка к производственному простою приводит к моральному падению. Конечно, нельзя объяснять *только* простоем рождение рвача, но с непосредственной помощью простоя появляются люди, которым уже неважно, что они делают, а важно, сколько они получают...

...На Волго-Балте я был свидетелем грустной истории. Надо было отремонтировать школу. Комендант поселка предложил эту работу двум молодым штукатурам. Цену они заломили несусветную. Других кандидатур у коменданта не было. Зная это, ребята присту-

пили к делу, уверенные, что комендант все равно согласится.

На следующий день из Минска приехала бригада девушек-электриков, в прошлом штукатуров. Комендант кинулся к ним. Девчата, гордые своей новой профессией, сказали:

— Штукатурить не будем. Мы электрики.

— Ребятам ведь учиться негде будет! — взмолился комендант.

— Так это школа?! Сделаем в порядке шефства!!

Обрадованный комендант объявил заломившим цену рабочим, что если они хотят, то могут войти в компанию к девушкам и получить по нормальным расценкам.

— И школа будет готова быстрее: первое сентября на носу,— убеждал комендант молодых рабочих, которые курили, сидя на недавно сваленной смолистой сосне.

В ответ младший грязно выругался.

— Зачем ругаешься? — остановил его старший.— Я же помню: два года назад ты сам был таким же сосунком, как эти девочки. Однако,— он повернулся к коменданту,— ежели так, я собью ту штукатурку, что мы вчера сделали.

Лениво потянувшись, он встал и пошел уничтожать собственную работу... А комендант шагал рядом и говорил:

— Я прослежу, ты сбивай только свое, а то там уже девушки поработали, я прослежу, ты не думай...

ДРАКА ЕЩЕ НЕ КОНЧЕНА

Он недобр, ленив и хитер. С ним очень трудно справиться. Он не принимает открытого боя. Он говорит: «Да, да...» — и уходит в сторону. Даже когда его стукнешь, не чувствуешь силы удара: кажется, что кулак вязнет в тесте.

А он усмехается. Я все время вижу его усмешку, когда в магазине не могу найти нужной вещи, когда на стройке или на заводе я встречаю хмурые лица хороших ребят...

Имя его — простой.

Простой, особенно если он сочетается с тем самым «выведением» среднего заработка, уродует душу молодежи, и не только молодежи. Он уродует старших, которые привыкают к тому, «чтобы деньги шли, а работа была не пыльной», он уродует и тех, кто «выводит». Они привыкают, что подчиненный зависит лично от них, и эта мелочная бесконтрольная власть порой не знает границ. Они перестают видеть собственные ошибки и не признают справедливой критики.

Ты понимаешь, Алексей, что здесь не отделаешься рассуждением о том, что борьба с браком тоже увеличивает выпуск продукции, а ребятам, мол, «выведут»...

Сегодня, на мой взгляд, один из самых опасных врагов молодежи — простой. И, я думаю, важнейшая задача «Прожектора» — борьба с ним во всех его проявлениях. Его нужно преследовать всюду, начиная от своего цеха до завода-поставщика, а если нужно, то даже до Госплана.

Простой — одно из страшных наследий того времени, когда люди рапортовали о благополучии, которого не было.

Это понимают многие — от рабочих до больших руководителей,— настойчиво и страстно воюя с простоем.

Я вспоминаю ребят из Мамакана, девушек из Минска, я знаю, что на далекой стройке ведут борьбу «полосатые». Я верю: они победят. Но им обязательно надо помочь: ведь их телеграмма снова и снова напоминает, что драка еще не кончена.

М. ТАРТАКОВСКИЙ

Трибуна Юности

Обыкновенный предмет

Рисунки И. Бронникова.

ДВИЖЕНИЕ — ЗДОРОВЬЕ — СЧАСТЬЕ

Года два назад, когда я учился в институте, ко мне подошел сокурсник.

— Толстею,—пожаловался он.— Ты, кажется, и физкультурный кончал... Посоветуй что-нибудь.

Я посоветовал ему наклоны, приседания, еще что-то.

— А как это делается? — спросил он.

Тут я взглянул на него с изумлением. Передо мной был «без пяти минут» выпускник гуманитарного вуза, окончивший, кстати, до того вуз технический, вдвойне, так сказать, образованный человек, и вместе с тем определенно недоучка: он не знал простейших гимнастических движений. Я обратил внимание на его походку: при каждом шаге он слегка наклонялся всем корпусом, точно кланялся. Трудно было представить, как он бегает. Об умении плавать и речи быть не могло. Уверенный в ответе, я спросил его об этом. Собеседник (напоминаю: инженер по профессии) понял, обиделся и сказал:

— А в сопромате ты хоть что-нибудь смыслишь?

— ...Я собираюсь в университет, а не в инфизкульт,— сказала учителю физкультуры одной из московских школ его ученица.— Зачем мне ваш предмет?

— Чтобы быть счастливой,— серьезно ответил учитель.

...Помню безобразную сцену в другой школе. Учитель физкультуры извинился перед коллегой, преподававшей математику, за учеников, которые задержались в зале и опоздали на занятие ее кружка.

— Меня никогда не интересовали ваши дурацкие кувыркания,— высокомерно заявила «математичка».

— Это видно,— холодно ответил учитель, взглянув на ее тщедушную фигуру.

Далее была истерика, обвинения во всех смертных грехах, хотя в ответ на прямое хамство были сказаны только те два слова, которые я написал.

— Вы знаете, отчего это неуважение к физкультуре? — грустно сказал мне учитель.— От неуважения к физическому труду.

Да, машины все более и более заменяют человека, оставляют ему самые тонкие, мыслительные функции. Тем бóльшую роль приобретают в нашей жизни физические упражнения, спорт. Парадоксально? Нисколько. Ведь мы не хотим растерять ни одной из данных нам самой природой радостей и возможностей. Давно изобретен пароход, но человек отправляется через океан, подобно своему пращуру, на плоту. Это проверка научной гипотезы, но это и испытание физических возможностей человека. Человек опускается на морское дно не в батискафе (что само по себе требует незаурядной физической подготовки), а с аквалангом; человек пешком забирается на высочайшие вершины Земли, хотя мог бы комфортабельно пролететь над ними на самолете.

Зарубежные фантасты представляли физическое вырождение человечества с развитием цивилизации, а человек становится все крепче. И это понятно. Иначе техника опередила бы возможности человека, и мы потеряли бы над ней власть. Увеличилась продолжительность человеческой жизни. Отмечено, что молодое поколение нашей страны здоровее и даже ростом выше своих отцов. Медицина? Не только. Здесь стоит привести наблюдение бывшего директора московской школы-интерната № 16 В. А. Гречишкина. Вот что он говорит:

— Физкультурники редко болеют, хорошо растут и прибавляют в весе. Так, воспитанник, занимающийся спортом, за год в среднем прибавляет в весе 6 килограммов и в росте 8 сантиметров, а незанимающийся — соответственно 3 килограмма и 5 сантиметров.

Подчас мы и не задумываемся над тем, как глубоко вошла физкультура в нашу жизнь, как она нужна нам. Люди поднимаются в космос и, помимо всех прочих званий, получают также значок заслуженного мастера спорта.

«Партия считает одной из важнейших задач — обеспечить воспитание, начиная с самого раннего детского возраста, физически крепкого молодого поколения с гармоническим развитием физических и духовных сил. Это требует всемерного поощрения всех видов массового спорта и физической культу-

ры, в том числе в школах, вовлечения в физкультурное движение все более широких слоев населения, особенно молодежи».

Так записано в Программе КПСС.

«ФИЗКУЛЬТУРНИК» ИЛИ УЧИТЕЛЬ

Бывая в разных школах, я часто вспоминал слова опытного учителя физкультуры о неуважении к физическому труду. Есть в этом неуважении что-то дореволюционное, почти доисторическое. «Работать физически?..— рассуждает обыватель-интеллигент.— Мне не пришлось пачкать руки и моим детям, даст бог, не придется». Не оттого ли так неохотно идут на производство некоторые выпускники школ? Как же, ведь там иной раз «пачкаются руки»!

На уроке физкультуры тоже приходится не только думать головой, но и «пачкать руки». Эти уроки для многих непривычно тяжелы — здесь приходится тратить мускульную энергию. Здесь меньше надо запоминать. Может быть, согласен, меньше приходится думать. «Неужели так сложно научить школьника двигать руками»,— рассуждает некто — директор школы — и отдает завхозу ставку учителя физкультуры. «Меньше будут прыгать, баловаться»,— решает этот некто, «сердитый на физкультуру», и заменяет дорогие ребятам уроки — математикой или языком.

А вот и «теоретически обоснованная» точка зрения.

— Неужели вы думаете, что ребятам полезнее побегать с мячом, чем на свежем воздухе раскидать лопатой снег?

Так важный школьный предмет становится совсем необязательным, почти ненужным. Вроде случайного воскресника...

...В 744-й московской школе я разыскивал учителя физкультуры.

— Сбегай, позови физкультурника,— сказала какому-то стриженому пареньку пожилая учительница, желавшая мне помочь.

«Физкультурник» оказался рослым, подтянутым молодым учителем в ладной спортивной форме. Я не выдержал, рассказал, как его только что пренебрежительно назвали. Аркадий Михайлович Туров рассмеялся:

— Привыкли. Я в этой школе недавно, а раньше здесь был, кажется, не педагог, а именно «физкультурник». Ребята рассказывают: бросит им мяч, а сам садится с кем-нибудь в шахматы играть. Называлось это: баскетбольная секция.

Здесь, выходя на соревнования, лыжи не смазывали (пойдут и так), номера нашивали бумажные — они в первые же минуты намокали и рвались.

Мелочи? Мне понравился учитель А. М. Туров уже и тем, что он велел сшить прочные красивые номера из материи: внешний вид спортсмена, защищающего честь школы,— далеко не мелочь.

— Знаете ли, преподаватель физкультуры должен быть красив,— задумчиво сказал однажды заслуженный учитель РСФСР С. В. Покровский.

Сам он пожилой, маленький, далеко не спортивный на вид. Но взгляните на него во время урока, вам покажется, что за плечами немолодого учителя блистательная спортивная биография. Никто в школе не подумает назвать его «физкультурником», лишь уважительно — Сергей Васильевич.

ДЕРЕВЬЯ И МЕЛКОЛЕСЬЕ

В этой школе натыкаешься прежде всего на стенд. За хрустально отблескивающим стеклом — кубки, кубки, кубки... И грамоты. И какие-то треугольные вымпелы с золотыми буквами.

«За... место по спортивно-массовой работе» — начертано этим золотом. Прямо вот, не отходя от данного стенда, похожего на иконостас, пиши праздничную статью.

Прежде всего учитель физкультуры представляет своих «звезд». Целое созвездие. Этот — чемпион школы, эта — «звезда» района, а вон тот — и в целом городе кое-что значит...

— Третье место в прыжках с шестом.

— Как, у вас и шест культивируется?..

Но учитель уже представляет очередное «светило»:

— Саша... Саша, ты каким видом занимаешься? — вдруг спрашивает он.

— Волейболом,— смущаясь, отвечает долговязый Саша.

Оказывается, волейболом он занимается не в школе, а в секции общества «Буревестник». А здесь, в школе, даже и сетки волейбольной нет. Зала нет тоже.

— Как это нет зала?!

— Нет,— подтверждает учитель.— Школа старая, не построили...

И площадки, оказывается, тоже нет. Проводятся уроки физкультуры в коридоре, куда выходит дверь с табличкой «Для мальчиков».

— А как же первые места по гимнастике, по баскетболу?..

— Выигрываем,— отвечает учитель.— У нас сборная...

В сборной команде школы по всем видам спорта два десятка крепких, здоровых учеников. Они выделяются среди своих семисот сверстников, как деревья среди чахлого мелколесья. Члены сборной занимаются по всему городу— кто в обществе, кто в детской спортивной школе. Туда их привел школьный учитель (за что, впрочем, честь ему и хвала). Накануне спартакиады учащихся директор вызывает спортсменов к себе в кабинет, говорит им о чести школы и т. п., говорит «поднажмем»!.. А в результате школа пожинает обильные плоды, которые сама не сеяла, не растила. Скорее это плоды организационной расторопности дальновидного преподавателя.

А, впрочем, что на него сердиться? С него и спрашивают разрядников да рекордсменов, его работу оценивают по спортивным достижениям школы.

— Кубков бы,— многозначительно намекает ему директор.

И видишь, как выходят на старт чемпионы по лыжам среди школ Ленинградского района столицы — все в сине-белой форме «Юного динамовца». Счастливцы! Им повезло попасть в секцию.

В Москве примерно тысяча школ. Сотни тысяч учеников! Даже те мизерные проценты из них, занимающиеся в спортивных школах, дают астрономические цифры участников соревнований. Чей руководящий глаз не умилится, увидев тысячи ладных, энергичных юных спортсменов. Это живые, веселые,

здоровые и, безусловно, реально существующие ребята, и это же показуха. Это не лес, это отдельные деревья, собранные вместе. А вокруг порою мелколесье — школьники с плохой осанкой, не умеющие не то что плавать, но и хорошо бегать, не могущие даже подтянуться на перекладине или влезть по канату.

ДВОЙКА — НЕ ДВОЙКА

Ой, пересолили! — скажут в Министерстве просвещения РСФСР.— Во всем пересолили. И голое рекордсменство давно осуждено, и отношение к физкультуре уже иное, даже переводная отметка введена по этому предмету.

Да, введена. Давно пора. Мне самому довелось работать в школе еще в ту пору, когда нерадивый ученик, которому приходилось ставить двойку в журнале, мог сказать:

— Подумаешь, двойка... Из-за физкультуры на второй год не останусь.

Прошли годы. Уже в «Аттестате о среднем образовании», который заменил прежний «Аттестат зрелости», может появиться очередной отметкой дв... Нет, нет, только не двойка! Годовой, да еще в «Аттестате» об окончании может быть любая отметка по физкультуре, только не эта. Так печатно и заявил заместитель министра просвещения РСФСР М. П. Кашин: «Нет сомнений, что при правильной постановке преподавания физической культуры в школе не должно быть учащихся с неудовлетворительными отметками по этому важному предмету».

И, по-видимому, не будет. Кому хочется прославиться «неправильной постановкой преподавания»! И уже как-то иначе воспринимаешь приведенные тут же, по соседству, слова того же тов. Кашина о том, что «перевод и выпуск учащихся из школы теперь зависит... и от физкультуры». Да по-прежнему почти никак не зависит. И бойкий ученик ответит теперь несколько иначе, а впрочем, с прежним безнаказанным нахальством:

— А двойку все равно не поставите.

Так солидное министерство, сказав А, не сказало крайне существенного Б.

— Что же, вы за то, чтобы школьники оставались на второй год? — строго спросит кто-нибудь.

Ни в коем случае! Но пора уже физкультуру не только называть, но и считать столь же важным предметом, как и остальные, со всеми, разумеется, вытекающими отсюда последствиями. «Не умеет ни читать, ни плавать»,— говорили в древности о невежде. Не будем растить невежд! Одновременно с умением читать, писать научим школьника плавать, ходить на лыжах, быстро бегать... Это как минимум.

Вот тут начинается «трагедия». И, как в классической взаправдашней трагедии, на сцену вступает стройный хор... родительских голосов:

— А если ребенок не в состоянии?

— Мальчик ростом мал!..

— Здоровьем слаб!..

Нет спору, возражения серьезные. Рассмотрим их по порядку.

Речь о том, что «ребенок не в состоянии», всегда относится только к физкультуре. Попробуйте сказать любящей мамаше, что ее ребенок не в состоянии научиться читать... Несложным, предусмотренным школьной программой физическим упражнениям может научиться каждый. Так же, как письму или арифметике. Конечно, одним физкультура дается легче, иным — труднее. Но ведь точно так обстоит дело и с любым другим школьным предметом. Даже самые бесталанные при старании могут получить хотя бы тройку.

Ну, а если мальчик мал ростом? Если при всем его старании баскетбольный мяч перебрасывают над его головой? Что ж, такой может «пожинать лавры», то бишь пятерки, не в играх, а, допустим, в гимнастике.

...У девочки врожденный порок сердца... Вы, конечно, уже знаете продолжение этой обычной истории: школьный врач с чистой совестью подписывает полное освобождение от физических упражнений, учитель физкультуры даже не знает девочку в лицо, в «Аттестате» вместо семнадцатой отметки появляется прочерк...

Вы ошиблись. Врач действительно запретила Гале Ш. заниматься физкультурой. Но тогда к школьному учителю пришли родители Гали.

— Девочка любит физкультуру, и мы хотим, чтобы она посещала ваши уроки.

— Помилуйте, но она больна...

— Тем скорее вы, учитель здоровья, должны заняться с нею.

— Вы толкаете меня на преступление. Вот врачебное освобождение.—Учитель физкультуры от растерянности заговорил уже в рифму.

Все же родители и сама Галя настояли на своем. Девочка стала посещать уроки физкультуры и даже... заниматься в баскетбольной секции. Конечно, и учитель и тренер давали ей меньшие физические нагрузки, чем другим ученикам, вместе с врачом следили за ее здоровьем. Впрочем, вскоре такие поблажки стали уже не нужны: в восьмом классе Галя Ш. выполнила второй юношеский разряд по баскетболу. Она играла в школьной команде, занявшей второе место в Киевском районе столицы. Кроме того, она выполнила нормы первого юношеского разряда в легкоатлетическом кроссе.

Сегодня Галя даже и не вспоминает, что была слабой и больной.

Эту историю рассказали мне в московской школе № 80. И заключили банальнейшей истиной:

— Физкультура — лучшее средство от недугов.

ПРАВО НА ЗДОРОВЬЕ

Урок начался с чехарды. Учитель стоял в стороне, стараясь не мешать ребятам. Затем он нажал кнопку в стене, и с потолка зала спустилось сразу двадцать канатов. Разминка окончилась, на-

чалась «работа». Мальчики щупали свои бицепсы. Потом лезли на канат снова. Они хотели быть сильными, и учитель предоставлял им такую возможность. Потом он объяснил и показал хитрый акробатический кувырок. На разучивание этого кувырка ушла основная часть урока. В конце появился мяч, круглый, веселый, баскетбольный. За пять минут до звонка учитель включил в душевой воду...

Этот урок физкультуры я выдумал. Наверное, погрешил против строгой методики. В действительности я видел много уроков куда более правильных в методическом отношении, но удивительно скучных! А для ребят нет злее врага, чем скука.

— Оттяни носочки,— говорит учитель ученику, выполняющему упражнение на перекладине.

А зачем оттягивать носки? Что это, классическая гимнастика с ее неумолимыми судьями? Парнишке силу бы, чтобы самому, без посторонней помощи, забраться на эту перекладину, подтянуться хоть пару раз. Ему выносливость бы, а не просто знание техники ходьбы на лыжах. Прочтите внимательно школьные программы по физической культуре, и вы увидите, как уроки здоровья можно превратить в нудное теоретизирование.

До седьмого класса включительно оценка по физкультуре выставляется за технику движений. Но почему-то забывают достигнутый результат. Представьте, что по диктанту отметка ставится не за грамотность, а за красоту почерка. Так средство подменяет цель, и отличником по физкультуре подчас становится не самый быстрый, ловкий, сильный, а ученик, вызубривший движение, как заучивают заданное стихотворение. А, может, следует объединить эти два критерия и выставлять одну оценку — и за технику и за результат?

Нормативы, зримые результаты в секундах, сантиметрах или очках, контрольные соревнования, как контрольные по математике, языку, физике, от которых зависела бы переводная отметка,— вот что сделает урок физкультуры интереснее, эмоциональнее, азартнее, если хотите.

...Мой сосед семиклассник Юра, пообедав, садится за домашние уроки. Сегодня ему задали по русскому языку, химии, геометрии, истории...

— А по физкультуре?

Юра удивлен. Что можно задать по физкультуре?

— Зарядку ты делаешь?

Оказывается, иногда — да, а когда и нет. Как придется. Все равно перед уроками всех учеников собирают в коридоре школы делать гигиеническую утреннюю гимнастику.

А какая тут гигиена, если зарядку делают в школьной, далеко не спортивной форме, после плотного завтрака и дороги! Разве упражнения утренней гимнастики нельзя задать ученику на дом? Пусть это будут не только простые движения, но и более сложные, на координацию. Их усвоение можно проверить на уроке.

Почему не дать школьнику задание отработать после уроков ту же технику подъема на лыжах? Это и учение и активный веселый отдых одновременно. Школьный урок требует самостоятельного, вдумчивого повторения. Это аксиома. А знаете, почему, кажется, только по одной физкультуре нет заданий на дом? Потому что в Министерстве просвещения, в Академии педагогических наук еще не до конца поняли: физкультура — тот же обыкновенный предмет. Вот и обычного школьного учебника по физкультуре тоже нет. Так и слышишь недоумение в металлическом голосе чиновного дяди:

— Учебник? По кувырканиям?..

УЧИТЕЛЬ ПРИШЕЛ В КЛАСС...

Конечно, можно повернуть медаль парадной, лицевой стороной и вспомнить о том, что куда больше, чем прежде, строится теперь спортивных залов, что уже больше половины всех учителей физкультуры имеют специальное образование, что педагогические «мастодонты», не уважающие важнейший школьный предмет, исчезают год от года... Можно многое рассказать о замечательных учителях, тех, что одарили здоровьем и счастьем не одно молодое поколение...

Зачастую они приходят из институтов физкультуры. Явится такой молодой преподаватель на свой первый урок, увидит нетерпеливые, насмешливые, озорные, доверчивые ребячьи лица — и дрогнет у него сердце: сможет ли он научить их всему, чему должен научить? Наверное, ни перед каким другим учителем не встает этот вопрос: в педагогическом институте они получили все необходимые знания. А в физкультурном...

Долгие годы выходили из его стен перворазрядники, второразрядники, иногда мастера спорта. Последним везло больше. Спортивное общество, за которое они выступали, обычно приглашало их работать тренерами. На всю жизнь они были отданы избранному виду спорта—становились чемпионами, затем — специалистами, на исходе лет — теоретиками: писали книги, готовили диссертации.

А остальные... Остальные шли в школы. Преподавать, становиться специалистами, теоретиками, практиками, знатоками не одного, своего, вида спорта, а чуть ли не всех сразу. По существу, специальность приходилось приобретать самому, начинать с азов...

Наконец стали робко появляться факультеты: спортивный, педагогический... Последний должен готовить именно учителей, педагогов. Должен... А упор по-прежнему делается на спортивное мастерство студента, его разряд.

Так появляются школы «с уклонами»: баскетбольным, гимнастическим, лыжным... Их преподаватели — специалисты в своем виде спорта, каждый в одном. Отделы народного образования не нарадуются: есть кого выставлять от района и по играм, и по гимнастике, и по лыжам. А на поверку оказывается, что чемпион-баскетболист не может подтянуться, гимнаст районного масштаба не умеет плавать...

В Институте физкультуры передо мной тут же разворачивают длинный список спортивных дисциплин, которые изучает каждый студент. Да, изучает... как на истфаке изучают литературу, а на филологическом факультете—историю. А в практике учителя физкультуры предметы, которые он в вузе изучал как побочные, вдруг становятся равноценными, равно необходимыми. Ведь наша задача — готовить в школе не чемпионов, а здоровых, гармонически развитых людей. Это много сложнее.

...В Армении, высоко в горах Зангезура, пробираясь к руинам церкви десятого века Ваанаванк, я встретил школьников. Они были из Кафана, городка в полукилометре внизу, если считать по вертикали. Одинаково загорелые, в одинаковых белых панамках, они обедали, пристроившись на узкой горной тропе. Был будничный день, но в их школе он назван был днем здоровья. Школьникам предстоял трудный путь сквозь заросли и по скалам—почти к границе не сошедшего еще снега. Они годились для такого пути.

Я пожелал им доброго пути и, глядя на этих спортивных, крепких девчонок и мальчишек, подумал: «Вам повезет в жизни, ребята!»

Л. БОБРОВ

ПОЛИМЕРЫ И... ПОЛУМЕРЫ

Рисунки Ю. Макаренко.

Все началось с чистой случайности. Надо же — какая неловкость! — пролить содержимое склянки из аптечки прямо на сундук. Слава богу, что хоть костюм остался незапачканным. А то ведь этот проклятый коллодий потом ни за что не отстираешь. Вон он: уже растекся и застыл на поверхности сундука ровной пленкой. Какая она гладкая да белая — ни дать ни взять туго накрахмаленный воротничок! Вот бы носить такие воротнички — наверное, носились бы долго и пачкались бы не скоро. Кажется, пустяк — воротнички, манжеты, манишки, а ведь этой мелочи не напасешься, особенно если ты печатник в этой провинциальной дыре Олбэни и в в твоем кармане не так часты лишние доллары. А что, если и в самом деле?..

Выражение досады на лице Джона Уэсли Хайатта уступило место внезапной сосредоточенности. Мозг предприимчивого янки привык срабатывать молниеносно. «О'кэй, придется ставить эксперименты. Наплевать, что жалованье скромное, — игра стоит свеч!» И вот через некоторое время страну наводнили белоснежные лоснящиеся воротнички, манжеты, манишки, которые не нужно крахмалить, даже бильярдные шары, которые не отличишь от сделанных из слоновой кости.

Так в 1868 году начались первые робкие шаги полимеров.

Да, опыты Хайатта с коллодием, представляющим собой не что иное, как раствор полимера — нитроцеллюлозы, привели к открытию первого искусственного заменителя — целлулоида. Целлулоид получается при высыхании раствора нитроцеллюлозы в камфаре, точь-в-точь как коллодий, застывая, оставляет плотную белую пленку, являющуюся самым обыкновенным полимером. Не так ли когда-то в стародавние времена человек каменного века столкнулся с первыми слитками металла, случайно родившимися при встрече куска руды с утлем и пламенем первобытного костра?

Думал ли, гадал ли наш первобытный пращур, что раскопанный им слиток металла через десяток-другой тысячелетий станет самым распространенным материалом, бесповоротно вытеснив камень? Вероятно, и Джону У. Хайатту было невдомек, что его открытие станет вехой нового века, когда железу и стали придется потесниться и в конце концов подать в отставку.

*

Пусть металлы, их сплавы, особенно сталь — каркас современной индустрии. Но значит ли это, что «век стали» не кончится никогда? Разве не начали уже сейчас металлы сдавать свои позиции новым конкурентам, как некогда камень уступил бронзе?

В одном из фантастических романов рассказывается о веревочной лестнице, канаты которой были не толще паутины. Между тем они выдерживали вес нескольких человек одновременно. Из чего была сделана паутинка, заменявшая канат? Писатель не дал ответа на этот вопрос.

Сегодня пока еще не созданы подобные сверхпрочные нити. Но если они будут созданы, то какой материал имеет больше всего шансов оправдать прогноз знаменитого фантаста? Судите сами.

Возьмем сначала металлы — скажем, железо. Сопротивление разрыву у него едва-едва достигает 20 килограммов на квадратный миллиметр. Это значит, что железная нить сечением 1 квадратный миллиметр выдерживает не более 20 килограммовых гирек. Немного выносливее медь. Ее прочность составляет 38 килограммов на квад-

ратный миллиметр. Как видно, пока что меди и железу трудно претендовать на прочность сверхтонкой лестницы. Иное дело — сталь. Она выдерживает уже 110 килограммов на квадратный миллиметр.

А теперь возьмем искусственные волокна. Нить лавсана выдержит человека. Правда, ее сопротивле-

ние на разрыв меньше, чем у стали, но значительно больше, чем у меди и железа. Зато уж ацетатный высокопрочный шелк превосходит сталь: он выдерживает 125 килограммов на квадратный миллиметр. А стеклянное волокно позволяет доводить нагрузку до 300 килограммов!

Конечно, резервы прочности металлов и сплавов еще не исчерпаны полностью. Но ведь и у искусственных волокон еще далеко не достигнуты пределы! Не исключено, что именно искусственные или синтетические материалы будут со временем самыми прочными, самыми легкими, далеко опередив металлы и сплавы.

На непосвященных читателей и зрителей (впрочем, нередко и на специалистов) прямо-таки гипнотическое действие оказывают грандиозные размеры, подавляющая массивность некоторых наших машин и сооружений. Сотни тысяч тонн стальных конструкций, миллионы кубометров бетона, многометровое многопудье станков и машин... Еще не так давно выпуск, скажем, паровых котлов исчислялся заводом не в единицах их производительности, не в штуках даже, а в весе металла. Ну, и старались, конечно, изготовители «вогнать» в эти котлы побольше металла, дабы перевыполнить план. А ведь подобные цифры не что иное, как вопль о ложном курсе технической политики!

О чем бы ни шла речь: о паровом котле или шагающем экскаваторе, о гидроэлектростанции или о телевизионной башне, о гидравлическом прессе или радиоприемнике,— важнейшим техническим показателем служит отношение производительности инженерного детища к его весу. И лишь в том случае, когда это отношение оказывается выше, чем у аналогичных, уже существующих приборов, машин, сооружений, можно говорить о техническом прогрессе.

Миниатюрные электронно-счетные устройства, плоские, как блин, телевизоры, крохотные, но мощные машины, сверхлегкие, но прочные здания, изящные кружевные мосты — вот к чему идет нынешняя техника. И здесь особенно захватывающие перспективы открывают перед учеными и инженерами полимерные материалы.

✲

«Вы знаете,— говорил Н. С. Хрущев на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС,— как неразумно у нас используются цветные металлы на различные украшения в угоду обывательским, я бы даже сказал, купеческим вкусам. Сколько понаделано тяжеловесных люстр и решеток, поручней на кораблях, на станциях метро, на вокзалах! Между тем, если бы все это было сделано из пластмасс или из других материалов, то было бы в несколько раз дешевле, удобнее и красивее».

В самом деле, попробуйте отворить дверь главного входа МГУ на Ленинских горах. Едва ли вам повезет с первой попытки!

Кто знает, быть может, весомость двери — действительно необходимый атрибут храма науки или авторитетного министерского учреждения? Но зачем, скажите на милость, нужна массивность дверям метрополитена?

Ведь как-никак развивать мускулатуру лучше все-таки в спортивных залах. Да и не в этом дело. Стремительно захлопывающаяся многопудовая створка способна оглушить не только немощную старушку, но, чего доброго, и дюжего молодца. А сколько драгоценных минут теряют миллионы людей в толкучке у вестибюлей метро ежедневно в часы «пик»! И ведь проблема-то яйца выеденного не стоит — сделать двери более легкими. Разве нет материала лучше дуба и обычного стекла? Делаются же двери новых станций из алюминия и легкого небьющегося органического стекла! Правда, могут резонно возразить, будто со старомодным «фасоном» не гармонирует алюминий. Но ведь и алюминию можно найти замену!

В последние годы особенно бурно развивается производство стеклопластиков. Под этим названием объединяются материалы, изготовляемые из синтетических смол и армированные стеклянным волокном. Ковш экскаватора из стеклопластика в 3 раза легче стального. Не уступая в прочности самой стали, стеклопластики гораздо легче кирпича. Применение их в строительстве облегчает вес конструкций в 5—10 раз.

Но самыми «воздушными» (в прямом и переносном смысле слова) являются пенопласты. Словно сотканные из пластмассовых пузырьков, заполненных воздухом, эти материалы легче пробки. В суровых арктических условиях с честью выдержали испытание сборно-разборные дома из пенопластов, прочные, теплые, легкие. Пористый материал стиропор толщиной в 1 сантиметр обладает теплоизоляционными качествами 20-сантиметровой кирпичной стены. Пластмассовый дом, даже сделанный не из пенистого пластика, и тот в 3—4 раза легче обычных зданий.

Когда же придет время возводить межпланетные станции, конструкторы и зодчие первым долгом вспомнят, по-видимому, именно о пенопластах. Если, разумеется, в космическую приемную ко-

миссию не попадет архитектор, строивший вестибюли метро на манер Хеопсовых пирамид!

В последнее время получены пористые волокна, которые в 30 раз легче воды. Не из них ли можно изготовить невесомую лестницу из фантастического романа?

✲

Многие почему-то до сих пор считают полимеры чем-то совершенно новым, незнакомым и потому, дескать, требующим проверки временем. Это — явное

заблуждение. Первые полимеры давным-давно созданы и испытаны самой природой.

Янтарь — это самый обыкновенный полимер, даром что создан без вмешательства человека. Древесина не что иное, как высокомолекулярное соединение углерода, водорода и кислорода, то есть опять-таки полимер. То же самое относится к волокнам хлопка, агавы, джута, к сухожилиям и коже, к натуральным шелку и шерсти, наконец, к каучуку и гуттаперче. Все эти материалы служат человеку верой и правдой с незапамятных времен. Некоторые из них были известны еще нашим предкам каменного века, задолго до первого знакомства с металлами.

В чем же все-таки новизна современных полимеров?

Ассортимент природных полимеров при всем его кажущемся разнообразии довольно ограничен. Да и свойства этих веществ не всегда удается подогнать к нашим потребностям. Иное дело искусственные и синтетические полимеры. Изменяя характер исходных веществ, которые потом станут звеньями длинной полимерной цепочки, химики варьируют свойства материалов в необъятном диапазоне. Более того, ученые умеют создавать вещества с заранее заданными свойствами.

Когда-то алхимики исследовали таинственный мир веществ, существовавших зачастую только в воображении фанатичных адептов этого полуколдовского искусства. Тщетно бились они над осуществлением своей вожделенной мечты — постигнуть таинство превращения недорогих металлов в драгоценное золото. Химия полимеров дала людям нечто большее — возможность получать вещества, которых и в помине не было в распоряжении природы.

В самом деле, зоологи не знают животного, шерсть которого состояла бы из лавсана. Ни одному ботанику не попадалось дерево из целлулоида, хотя целлулоид получен из дерева. Даже видавшие виды геологи никогда не описывали скал из тефлона.

Из поставщика материалов-заменителей полимерная химия превратилась в поставщика незаменимых материалов.

Издавна золото славилось тем, что оно не боится ни воды, ни огня. Его не разъедают крепкие кислоты и щелочи. Недаром за такую химическую неприступность химики сопричисляют золото к плеяде «благородных металлов». Между тем есть полимерный материал, который превзошел своими достоинствами не только золото, но и еще более «благородную» платину.

Если длинный каркас молекулы полимера состоит из атомов углерода, а на этот каркас нанизаны атомы фтора, то мы имеем дело с веществом, которое химики нарекли политетрафторэтиленом, а инженеры — тефлоном. Есть у нашего полимера и еще одно название — «пластмассовая платина». И, надо сказать, тефлон с честью оправдывает подобное наименование.

Его не берут кислоты и щелочи. Он совершенно равнодушен к любому органическому растворителю. Не набухает в воде, не горит, сохраняет форму при нагреве до 300°, не становится хрупким при температуре минус 200°.

Тефлон — прекрасный диэлектрик. Изоляционные материалы из него надежно оградят кабели и электроаппаратуру где угодно: в воде и агрессивных средах, на морозе и в жару. У тефлона низкий коэффициент трения, поэтому тефлоновые подшипники могут продолжительное время работать без смазки. «Пластмассовая платина» способна заменить дефицитные цветные металлы при изготовлении клапанов, кожухов, манжет, фланцев.

И тефлон далеко не единственное детище промышленности органического синтеза. Каждый год в лабораториях химиков рождается более десятка тысяч новых веществ.

☆

Армия конкурентов медленно, но верно теснит старую гвардию материалов.

Прочен и красив гранит, но его трудно обрабатывать. Просто обрабатывать дерево, но постройки из него боятся малейшей искорки, быстро гниют. Стойкостью к сырости и огню отличается железобетон, но он очень тяжел. Легок и долговечен алюминий, но сквозь него ничего не увидишь. К тому же он легко растворяется в щелочах и кислотах. Прозрачно и стойко к химическим воздействиям стекло, но недаром же его хрупкость вошла в пословицу!

Не сделаешь шестерню из камня, электрический изолятор из березы, корпус ракеты из железо-

бетона, химическую колбу из алюминия, рессору из стекла. Между тем есть материалы, которые подлинно универсальны. Сочетая в себе основные достоинства материалов-«ветеранов», они обладают рядом невиданных преимуществ. А главное — они годятся на что угодно. Это пластмассы.

Вероятно, многим читательницам, привыкшим иметь дело с легким и порой, увы, не очень прочным ажуром наших чулок, зачастую трудно представить себе: как это, капрон — и вдруг великолепный материал для изготовления деталей машин. И тем не менее это реальный факт.

На московском заводе «Красная Пресня» из капрона делают узлы литейных машин. В 1961 году здесь внедрены в производство капроновые детали сорока двух наименований. И вот вам результат: завод сберег десятки тонн черных и цветных металлов, сэкономил четыреста тысяч рублей. Опыт отечественных предприятий показывает, что тонна капрона или других его близнецов — полиамидов — заменяет в машиностроении от трех до пяти тонн стали, от шести до семи тонн бронзы.

Вот что показали расчеты Государственного комитета по автоматизации и машиностроению: применение трех миллионов тонн пластмасс в машиностроении высвободит десять — двенадцать миллионов тонн стали, около трех с половиной миллионов тонн цвет-

ных металлов. Чтобы дополнительно получить столько металла, потребовалось бы десять миллиардов рублей. Между тем капиталовложения в производство эквивалентного количества пластмасс в два с половиной раза меньше. При этом себестоимость изделий из пластмасс в три-четыре раза ниже, чем из металла, а срок службы значительно дольше.

Огромны преимущества, неохватны горизонты применения полимеров вообще и пластмасс в особенности.

Академик И. П. Бардин в беседе с журналистами как-то приводил интересные цифры. Если в 1880 году железо составляло 95,65 процента по весу от всей выработки металла, то через 60 лет, в 1939 году, когда уже в значительной степени развились и электротехника и авиация, доля железа составила 94,06 процента. Полтора процента за полстолетия — вот темпы, которыми железо сдавало свои позиции. Казалось, что по крайней мере в ближайшие полстолетия этот темп не изменится. И уж если железу и стали суждено «подать в отставку», то преемниками ветеранов будет медь — металл электротехники, алюминий — «крылатый» металл или титан — юный богатырь, соперник стали. В соответствии с этим, считал И. П. Бардин, век будущего станет медным веком, веком алюминия или титана.

Нам понятны чаяния старого металлурга, влюбленного в свою профессию, отдавшего всю свою жизнь развитию советской металлургии. Он не мыслил судьбы своей и своего народа без металла — вездесущего, надежного, незаменимого. Но время внесло свои коррективы. Достаточно сказать, что мировое производство синтетических полимеров теперь уже более чем в два раза превосходит выпуск меди, алюминия, титана и прочих претендентов на звание «материала, давшего имя эпохе». А что будет лет эдак через сто?

Разумеется, «век стали» еще не скоро отшагает по планете долговязыми мачтами электропередач, не скоро отгрохочет приземистыми железнодорожными мостами. Но законы развития неумолимы: мы вступаем в «век полимеров». И это не литературная гипербола. От 19 до 21 миллиона тонн синтетических смол и пластмасс — такова будет продукция советской химической промышленности к 1980 году. А пока что перед учеными и инженерами стоит задача — определить, «когда и в каких количествах черные и цветные металлы и другие материалы следует заменить синтетическими материалами...» (Н. С. Хрущев). Так подсказывает теория, практика, сама жизнь.

Что касается внедрения полимеров в промышленность, то здесь нельзя удовлетвориться одними полумерами. Разумеется, не все зависит от инженеров или организаторов. Многое предстоит сделать и ученым. Например, теория сопротивления полимерных материалов совершенно необходима конструкторам. Ее ждут и студенты технических вузов.

☆

Конечно, в каждом большом деле есть свои трудности, есть, к сожалению, свои волокитчики и консерваторы.

Консерваторы... Во сколько обошлось народу их недоверчивое, недоброжелательное, с оглядкой отношение ко всему подлинно новому, прогрессивному, революционному! И тем не менее сакраментальная фигура консерватора то и дело зловещей тенью встает на пути развития науки и техники. Консерваторы не только торпедируют еще не осуществленные идеи, не только маринуют под сукном уже одобренные проекты или изобретения. Они волей-неволей воспитывают себе подобных.

Возьмем, к примеру, учебные программы школ и вузов. Разве они соответствуют последнему слову науки и техники? Разве консерватизм в методах воспитания не способствует воспитанию консерватизма в будущих ученых, инженерах, администраторах?

С каждым днем стареют учебники. Молодой специалист, приходящий в исследовательскую лабораторию через 5—6 лет учения, поневоле приносит с собой уже устаревшие знания. Вот почему школьники и студенты сейчас уже не могут ограничиваться лишь сегодняшними сведениями. Видеть перспективу, уметь предвосхитить основные тенденции науки — непременное условие школьного и вузовского преподавания. Между тем зачастую наши учебные программы — зеркало вчерашнего дня.

«Можно утверждать,— пишет в «Комсомольской правде» инженер-геохимик Д. Биленкин,— что за бытовавшую одно время недооценку химии пластмасс доля вины падает и на школьные учебники. Ибо развитие той или иной ветви промышленности определяется ныне коллективным мнением многих и многих людей, отнюдь не только химиков, не только физиков или техников. А какой перспективой вооружил школьный учебник нехимиков, чем помог он им разобраться в неясных чертежах будущего? Ничем».

Автор абсолютно прав, разве что излишне деликатен в своих упреках в адрес Учпедгиза, Министерства просвещения РСФСР и Академии педагогических наук РСФСР.

А как незавидно положение тех, кто увлекается химией и, не ограничиваясь материалом учебника, идет в кружки и читает дополнительную литературу!

☆

Передо мной книга В. И. Левашова, изданная Учпедгизом в 1962 году под многообещающим заглавием «Занимательная химия». В ней целых 36 страниц отведено экскурсу в историю алхимии и чуть ли не средневековых споров о флогистоне. Далее 12 страниц текста посвящены истории резины. Всего две странички уделе-

по довоенным методам получения синтетического каучука, точнее, опять-таки истории их открытия. Среди способов превращения каучука в резину даже не упомянута радиационная вулканизация. Все остальное—рассказ о новинках химии, которые хорошо были известны нашим дедам и прадедам. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что химия полимеров здесь все-таки представлена. На восьми страницах (из 128) говорится о чудесных смолах — ионитах. Ровно одна страница (!) посвящена применению пластмасс. Например, читатель узнает, что «рыболовы Франции первыми начали пользоваться в качестве приманки червяками из пластмассы». Или о стеклопластиках: «...Теперь в шахтах начали появляться крепежные стойки из стеклянного волокна, пропитанного синтетическими смолами. Они достаточно долговечны, в 3 раза прочнее деревянных такого же диаметра и значительно легче их». И это все? С таким равнодушием говорится о тех самых соперниках стали, которые приведут к революции в технике? Ведь замена хотя бы половины деревянных и металлических стоек и верхняков крепью из стеклопластика даст нашему народу сто миллионов рублей экономии, облегчит труд крепильщиков, высвободит десятки тысяч подземных рабочих, а главное — сделает еще безопаснее нелегкий труд шахтера! Я уж не говорю о том, что аттестовать стеклопластики как «стеклянное волокно, пропитанное синтетическими смолами»,— это все равно, что называть железобетон железными прутьями, «пропитанными» бетоном.

В книге ни слова о радиоактивных изотопах, о свободных радикалах, о биохимии, об элементоорганических соединениях, о полупроводниках — всего не перечислишь! Сдается, что автор книги и ее редактор ничего не слышали о майском (1958 года) Пленуме ЦК КПСС по химии.

А вот еще один шедевр. Это тоже «Занимательная химия», она тоже выпущена Учпедгизом, тоже в 1962 году. И точно так же из нее начисто вытравлен дух современной химии.

Если в книге Левашова, пусть в смехотворно куцем объеме, пусть на допотопном уровне, но все же фигурируют полимеры как таковые, то здесь они, с легкой руки автора И. И. Зайковского и редактора Г. С. Метельской, вообще подвергнуты остракизму. Правда, на странице 87, очевидно, с целью заинтриговать непросвещенного читателя, игриво вопрошается: «Знаете ли вы, что пуговицы делаются из молока, калоши — из спирта?» Полноте, неужели это все, что есть интересного в химии пластмасс и резины? Да и разве это не вчерашний день технологии полимеров? Кстати сказать, это беда, а вовсе не достижение нашей промышленности, если ежегодно около миллиона тонн молока идет не в школьные буфеты, а в аппараты химических заводов, производящих казеин, из которого делают пуговицы, клей — все то, что можно делать из непищевого сырья.

В разделе «О кремнии» автор ни словом не обмолвился о применении этого элемента в полупроводниковой технике (не говоря уже об отсутствии даже намека на кремнийорганику). В разделе «Об углероде» ровным счетом ничего не говорится об искусственных алмазах. Об уране, этом важнейшем материале современной техники, говорится в таких тонах: «Меня в таблице Менделеева найдешь ты без труда. А если с «б» начнешь читать, то снежной бурей буду я». А вот типичные выдержки из викторин: «О каких двух крупных русских химиках идет речь: число букв в фамилиях одинаково, но в фамилии одного, кроме согласных, все гласные — «о», а у другого такое же количество гласных «е»? Оказывается, речь идет о Ломоносове и Менделееве! Или еще: «Фамилия какого химика XVIII в. состоит из пяти букв и три из них одинаковы?» (Это о Шееле.) Ей-богу, игры в фанты где-нибудь в провинциальном салоне чеховской России и те, пожалуй, отличались более высоким вкусом и содержательностью.

И это еще не все. Книга изобилует смысловыми неточностями, техническими ошибками, не говоря уже о стилистической неряшливости. Пример: «Название какой краски совпадает с названием умерших в древнем Египте? Краска мумия напоминает давно умерших в Египте, но сохраненных в виде мумии» (!) Изобретатель сталеплавильной печи Мартен аттестован как «автор печи для выплавки железа».

Целых 125 страниц отведено под эдакие «упражнения»! Любопытно, что это уже второе издание книги. Разве не преступление тратить бумагу на то, чтобы подобным образом развращать вкусы и интересы школьника?

Разве может удовлетворить подобный анахронизм школьный химический кружок?

Коль скоро речь зашла о кружках, два слова о методологии кружковой работы, господствующей в Домах пионеров, станциях юных техников, Домах техники. Не мудрено, хотя и не просто, построить уменьшенную модель, повторив во всех деталях конструкцию и материалы всамделишного самолета или корабля. Конечно, нельзя сказать, чтобы это воспитывало консерватизм или было бесполезным делом. Но где тут элемент новаторства, творчества? Неужели нашим ребятам не по плечу самостоятельное решение хотя бы простеньких научно-технических задач? Скажем, замена металлических деталей пластмассовыми — сколько здесь простора для изобретательности ребят!

☆

Немалая доля вины за консерватизм некоторых деятелей науки и техники лежит тяжким грузом и на совести вузовских преподавателей.

Вспоминаю, с каким трепетом мы, тогда еще студенты химического факультета МГУ, принимались штудировать классический курс А. Е. Чичибабина «Основные начала органической химии»! В двухтомном учебнике более 1 500 страниц. Неспроста экзамен по этому предмету считается самым «страшным» — даже несмотря на то, что понимающие педагоги, например, академик Александр Николаевич Несмеянов, позволяли пользоваться «Чичибабиным» при ответах на вопросы экзаменационного билета. Учебник перегружен чисто справочным материалом. Но это еще полбеды.

Главное — в нем не отражены достаточно полно две кардинальные тенденции современной органики: во-первых, крен в сторону полимерной химии; во-вторых — в сторону биохимии. Мало или почти ничего не сказано о новейших методах органического анализа — скажем, ядерного магнитного резонанса, масс-спектрометрии, хроматографии.

Написанный несколько десятков лет назад, «Чичибабин» до сих пор остается основным отечественным учебником для химических вузов. Между тем химия полимеров и белков как у нас, так и за рубежом идет вперед семимильными шагами. И за ней не угнаться полумерами, скажем, простым расширением объема учебника! Как же быть?

Это сложный вопрос, над которым предстоит еще поломать голову педагогам и ученым.

Может быть, часть курса, его «азы», целесообразно перенести в программу средней школы? Задача существенно облегчилась бы, если бы решился вопрос о специализации старшеклассников по трем направлениям: физико-математическому, естественно-биологическому и гуманитарному. Естественники могли бы уже за школьной скамьей запросто одолеть то, на что они тратят уйму времени в стенах вуза.

Многие папы и мамы заявят немедленный протест. Мол, учебные программы и без того набиты до отказа, куда же еще их перегружать?

В том-то и дело, что речь идет не о расширении школьных программ, а об их пересмотре, радикальном пересмотре и усовершенствовании с целью сделать их более современными, компактными, целенаправленными, действенными.

В июле 1962 года с интересными предложениями на этот счет выступил Совет молодых ученых Сибирского отделения Академии наук СССР.

Первым по порядку и по важности следует пункт «Введение активных методов обучения, сокращение объема запоминаемого материала и работы, носящей чисто технический характер». За счет высвобожденного таким образом времени можно включить в программы ряд новых разделов, перераспределить учебный материал по возрастным группам (I—IV, V—VIII, IX—XI классы). Представляется разумным упразднить обязательные домашние задания. И, уж конечно, учителю стоит развязать руки в выборе, как проходить программу.

По этому проекту роль учителя главным образом состоит в том, чтобы организовать самостоятельную работу школьника, подсказать

ему, где найти справочный материал.

Если изучение предмета связано с экспериментом, в школе, естественно, должны быть оборудованы лаборатории и кабинеты с современными приборами, макетами, моделями. В старших классах школьникам лучше всего проходить производственное обучение при лабораториях институтов.

Ничего, кроме пользы, не принесет и просмотр учебных, научно-популярных, хроникальных, документальных фильмов.

А вот конкретные предложения сибиряков, как лучше преподавать химию. Этот важнейший предмет должен преподноситься как теоретическая основа промышленной технологии. Попутно стоит пояснять роль химии в других областях науки и техники: в сельском хозяйстве, биологии, медицине, геологии. Можно уже в школе начать знакомство с современными методами анализа, с энергетикой химической реакции, с кинетикой и катализом, с физико-химической теорией растворов. Что же касается органической химии, то несравненно более пристального внимания, чем теперь, достойны основы теории строения, процессы полимеризации, свойства и способы применения полимеров.

Наконец, производственное обучение предлагается дифференцировать в соответствии со склонностями и способностями ребят. Уже в стенах школы учащиеся могли бы приобретать знания и навык лаборантов в химических институтах.

Сказать правду, не во всех городах, не говоря уже о сельской местности, имеются столь благоприятные условия преподавания, как в Новосибирском академгородке. И тем не менее проект Совета молодых ученых содержит в себе немало полезных рекомендаций, которые невозможно игнорировать при пересмотре школьных программ. А такая ревизия поставлена в повестку дня самой жизнью.

Уважение к научным традициям и консерватизм мышления — это две совершенно разные вещи. Если первое следует всячески насаждать, то второе надо безжалостно искоренять. Привить вкус к новому, прогрессивному, перспективному — одна из задач воспитания кадров, достойных коммунистической эпохи.

Сколь бы ни были спорными некоторые вопросы, затронутые здесь, несомненно одно: преподавание химии должно быть поднято на уровень современных задач, поставленных наукой и техникой, задач, сформулированных Программой КПСС. И здесь нельзя ограничиваться полумерами...

Вот, оказывается, сколько проблем кроется за фразой, ставшей уже банальной: «Мы вступаем в век полимеров»!

Полимеры и полумеры — вещи несовместные. Ибо полимеры — близкое будущее науки и техники.

На стендах «Юности»

Творчеству молодого художника Евг. Щеглова была посвящена очередная выставка «На стендах «Юности». Евг. Щеглов представил на выставку более 80 своих работ (рисунков, карикатур, иллюстраций). Ниже публикуется статья народного художника РСФСР И. Семенова об этом молодом мастере.

«СМЕХ ЛЮДЯМ СВОЙСТВЕННЕЙ ВСЕГО ДРУГОГО...»

Эта старая истина хорошо иллюстрируется забавными, а иногда хотя и колючими, но все же смешными и живыми рисунками Евгения Щеглова, смех которого естествен, а добрая улыбка — искренна.

Этот еще молодой художник сумел найти свое лицо — лицо с хорошей улыбкой юмориста и сатирика. Его превосходная серия рисунков «Искусство и зритель» наделена тонким чувством юмора, того юмора, который не обижает зрителя, а заставляет его улыбаться над самим собой. Как забавны и смешны персонажи, которые сломя голову стремятся в антракте в театральный буфет, чтобы съесть бутерброд или выпить бутылку пива, или в рисунке «Гардероб» находчивый кавалер, прорвавшийся к вешалке первым, несущий шубу своей театральной спутнице! Очень хороша поза служащей музея в рисунке «Книга отзывов», которая, наклонившись, присматривает за посетителями. Сколько юмора в большом рисунке «Организованный зритель», где, предводительствуемые экскурсоводами, посетители рысцой, но организованно стремятся посмотреть все, что можно посмотреть на бегу.

Собралась молодежь.

Е. Щеглов во всем может увидеть и найти какую-то жизненную смешную черточку, и как будто бы он это делает ради себя, ради собственного развлечения, доставляя себе этим удовольствие, но он доставляет удовольствие и нам, показывая то, что он увидел забавного.

В его рисунках чувствуется любовь к человеку, в какое бы смешное положение он его ни поставил, но особенно ощущается его любовь к детским персонажам в серии рисунков «Детская площадка» («Умаялась», «Наконец-то уснули», «Жених и невеста», «Доигрался» и другие)

В рисунках для журнала «Крокодил», в сериях «И мы пахали», «Городские зарисовки» Евгений Щеглов стремится решать сатирические темы, привлекая для большей выразительности многоцветное исполнение рисунка. Но эти серии, несмотря на то, что в существе темы заложена сатира, нельзя смотреть без улыбки: особенно удачен его рисунок начальника

Организованный зритель.

дорожно-мостового треста, который вместе с женой, подняв рубашку выше пупка, переходит вброд речушку, или рисунок лодыря, который всю зиму пролежал на печи. Оба рисунка решены пастелью, в свободной живописной манере, приемом, довольно трудно применимым в карикатуре.

Рисунки Е. Щеглова неоднократно экспонировались и на республиканских и на всесоюзных выставках.

За последние два-три года Женя Щеглов, отойдя от своей старой, скованной какими-то канонами манеры, превращается в интересного, своеобразного мастера карикатуры, умеющего видеть в жизни смешинку и передать ее зрителю. Хочется пожелать этому молодому мастеру, талант которого развивается по пути советской реалистической карикатуры, чтоб он никогда не утерял в своем творчестве ту смешинку, которую нашел.

И. СЕМЕНОВ,
народный художник РСФСР

На обсуждение выставки работ Евгения Щеглева пришли его «товарищи по оружию» — сатирики и юмористы, молодые и зрелые художники, искусствоведы, студенты...

Открывая обсуждение, член редколлегии журнала «Юность» В. Н. Горяев сказал, что в лице Е. Щеглова советская графика имеет талантливого карикатуриста, доброго и человечного в сути своего творчества, которого уже успели полюбить многочисленные читатели «Крокодила», где сотрудничает Е. Щеглов.

На подпись.

Председатель правления МОСХа Д. Мочальский высказал мнение, что работы Е. Щеглова очень выразительны и сделаны в хороших традициях. Молодой, интересный, нужный карикатурист влился в большую семью советских художников.

Искусствовед С. Червонная, очень тепло говорила о сердечности и лиризме рисунков Е. Щеглова.

— Уважение и восхищение,— сказала она,— вызывает художник, не ушедший в «башню из слоновой кости», а творящий для народа, выжигающий средствами сатиры отрицательные явления, мешающие нашей сегодняшней жизни.

Искусствовед К. Кравченко подчеркнула оптимистическую основу творчества Щеглова.

Медовый месяц!

О мастерстве художника, о средствах его художественной выразительности, о пластичности его изобразительного искусства говорили народный художник РСФСР И. Семенов, А. Кольцов, Т. Гижевская, Я. Руклевский, Г. Храпак, Е. Шукаев, Е. Гуров, скульптор Н. Никогосян, Л. Варшавский и другие.

В заключение выступил художник Е. Щеглов, поблагодаривший всех выступавших за дружеские советы и замечания.

Наши встречи

ДРУГОЙ НАМ ЖИЗНИ НЕ НАДО!

На этой встрече рассказы об урожаях кукурузы, о посевах гречихи и о породистых свиноматках перемежались чтением стихов и даже песнями.

В тот день в редакцию журнала «Юность» приехала группа участников Всесоюзного слета бригадиров и членов ученических производственных бригад. Почти у каждого на груди — либо маленькое красное знамя комсомольского значка, либо алый шелк пионерского галстука. У некоторых — медали «За освоение целинных земель».

Каждый из юных гостей очень охотно и с внутренней гордостью рассказывал о делах своих товарищей, о своей работе.

Рассказывает Рая Коваль.

Нателла Хиладзе из села Тетрицкаро, Грузинской ССР, рассказала, как в свободное от учебы время школьники построили собственную свиноферму, сэкономив колхозу две с половиной тысячи рублей.

А Рая Коваль из Черкасской области сообщила, что школьная полеводческая бригада получила урожай кукурузы с одного гектара значительно выше, чем взрослые колхозники.

Впрочем, этот случай не единичен. О подобных успехах в выращивании кукурузы рассказали и школьник Виктор Кукок из Ставрополья, и Тимур Диганоков из Адыгейской автономной области, Краснодарского края, и одиннадцатиклассница Бижамал Салаватова из Кустанайской области.

Характерно, что все школьные поля измеряются сегодня десятками гектаров. Например, школа, где учится Бижамал, обрабатывает 150 гектаров. Диганоков рассказал, что у них 30 гектаров.

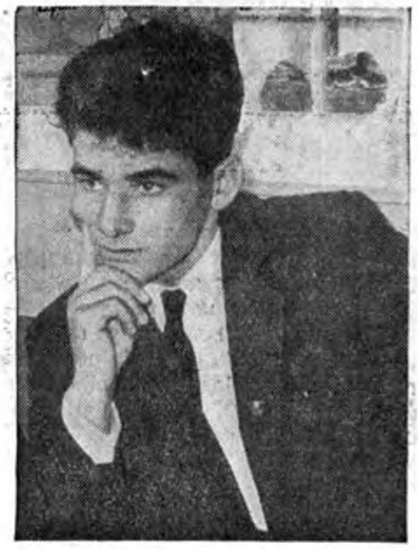
Внимательно слушали собравшиеся выступление бригадира школьной полеводческой бригады Нади Чернышевой из поселка Куровское, Калужской области. Семиклассница Надя подробно рассказывала, как, сняв урожай на своем участке, ребята помогли колхозникам убрать картофель и свеклу на площади в 75 гектаров.

Работа на полях и фермах помогает школьникам и в учебе и в выборе жизненного пути. Шестеро бывших членов бригады Нателлы Хиладзе учатся сейчас заочно в сельскохозяйственном институте. А одна девушка стала лучшей дояркой колхоза. И Рая Коваль из Черкасской области мечтает тоже после окончания школы поработать в колхозе, а затем поступить на агрономический факультет сельскохозяйственного института.

В 1958 году, когда создали производственную бригаду в школе, где учится Диганоков, успеваемость членов бригады была 88 процентов. А в прошлом году — 98,5 процента.

О том, как знания, полученные в школе, помогают работе в поле, очень подробно рассказывала Бижамал Салаватова. Она перечислила темы опытов, которые ставили ее товарищи на полях: «Влияние способа посева кукурузы на ее урожайность», «Совместный посев в одном гнезде кукурузы с бобовыми», «Влияние сроков посева на урожайность» и другие.

За напряженной учебой и работой ребята не забывают и о культурном досуге. Каждая производственная бригада часть денег, заработанных в поле, использовала на покупку спортивного инвентаря: волейбольных мячей, сеток, спортивных форм, ракеток и мячей для настольного тенниса. А многие откладывают заработанные деньги в общую кассу и перед началом учебного года совершают коллективные экскурсии в другие города и республики.



Тимур Диганоков внимательно слушает выступления своих товарищей.

Об одном интересном начинании рассказал Саша Лучников из города Полярный, Мурманской области:

— В 1958 году мы создали у себя в школе выездной лагерь труда и отдыха. Каждое лето, лишь кончаются занятия, мы отправляемся в Краснодарский край, в колхоз имени Калинина. Нам не выделяют землю, но мы выполняем самые различные работы: прополку, заготовку силоса, ухаживаем за виноградниками, выращиваем шелковичных червей. В свободное от работы время мы устраиваем концерты для колхозников.

И тут же в зале зазвучала задорная песенка о шелковичных червях. Ее спели одноклассницы Лучникова — Надя Кудашова и Валя Худякова.

В день открытия слета Никита Сергеевич Хрущев обратился к ре-

бятам с приветственными словами: «Высоко несите звание комсомольца и пионера, во всем выполняйте заветы Ильича. В школах и ученических производственных бригадах воспитывайте в себе коммунистические черты характера, готовьтесь взять эстафету у старшего поколения и достойно пронесите ее до полной победы коммунизма».

И в каждом выступлении школьников, побывавших в гостях у журнала, звучало твердое убеждение, что со временем ученические бригады вырастут в комсомольско-молодежные звенья, бригады, фермы. Ребята не представляют себе свою жизнь, свое будущее без труда в сельском хозяйстве. «Другой нам жизни не надо!» — говорили они.

Во время встречи юные полеводы и животноводы прослушали выступления молодых поэтов и ознакомились с работой редакции журнала «Юность».

Ю. М.

«КАУЧУК» — «ЮНОСТЬ»

Разговор был прямой, нелицеприятный и дружеский. История этой интересной встречи, состоявшейся в редакции нашего журнала в конце апреля, такова.

«Литературная газета» опубликовала открытое письмо группы молодых рабочих московского завода «Каучук» главному редактору журнала «Юность» Б. Н. Полевому, содержащее ряд серьезных критических замечаний о журнале и некоторых произведениях, напечатанных в нем. Каучуковцы писали о своих широких читательских интересах. Писали, что на страницах «Юности» им больше всего хочется увидеть образ молодого человека наших дней, такого, как их товарищи, что живут и трудятся рядом с ними: передовики производства, подлинные герои современности, борцы за коммунизм. По мнению авторов письма, нельзя сказать, что журнал «Юность» не показывает таких людей, но задача, которая должна стать ГЛАВНОЙ для журнала, еще не решена молодыми писателями, выступающими в «Юности».

«Литература учит жить. Нам нужны примеры для подражания... За создание такого героя мы скажем «Юности» свое горячее рабочее спасибо».

Такими словами заканчивалось письмо.

Редакция «Юности», считая это письмо заслуживающим самого серьезного внимания, решила не затягивать обсуждение поднятых в нем вопросов и пригласила авторов письма и их товарищей на встречу с редколлегией, редакционными работниками и авторским активом журнала. Встреча длилась больше трех часов; она была искренней и содержательной.

В дружеском и интересном разговоре приняли участие работники «Каучука»: секретарь заводского комитета ВЛКСМ Галина Кукуева, вальцовщик Александр Калиненко, каландровожатый Анатолий Игумнов, техник-плановик Валентина Журавлева, контролер Тамара Игумнова, бухгалтер Ирина Чернова, инженеры Анатолий Кругляков, Эсфирь Богина, Яков Верников, ветеран завода И. Л. Александров, писатели В. Амлинский, В. Аксенов, Б. Балтер, И. Зверев, В. Коржиков, члены редколлегии и сотрудники журнала «Юность». Поэт В. Коржиков и вальцовщик А. Калиненко читали свои стихи.

Гости редакции (впрочем, слово «гости» неточное: ведь читатели — это скорее хозяева журнала), рассказав много интересного о своем предприятии и его людях, о бьющей ключом инициативе молодежи завода «Каучук», сопоставляли свою жизнь с тем отражением, которое эта жизнь получает в произведениях молодых авторов «Юности», критиковали некоторые из этих произведений, в частности «Апельсины из Марокко» В. Аксенова, «Первый день нового года» А. Гладилина.

В ходе беседы возникали жаркие споры. Спорили молодые писатели с каучуковцами. Спорили каучуковцы между собою, высказывая разные точки зрения на ту или иную повесть, на ее героев, язык. Спорили о писательском труде. Спорили остро и с глубокой заинтересованностью в развитии нашей литературы, в творческом росте молодых писателей.

Но все участники встречи были единодушны в основном выводе: нам действительно как воздух нужны произведения, воспевающие сегодняшние героические дела советской молодежи, увлекательно раскрывающие сложный процесс формирования человека коммунистического будущего, рассказывающие о нашем славном революционном прошлом, рисующие благородный облик героя наших дней.

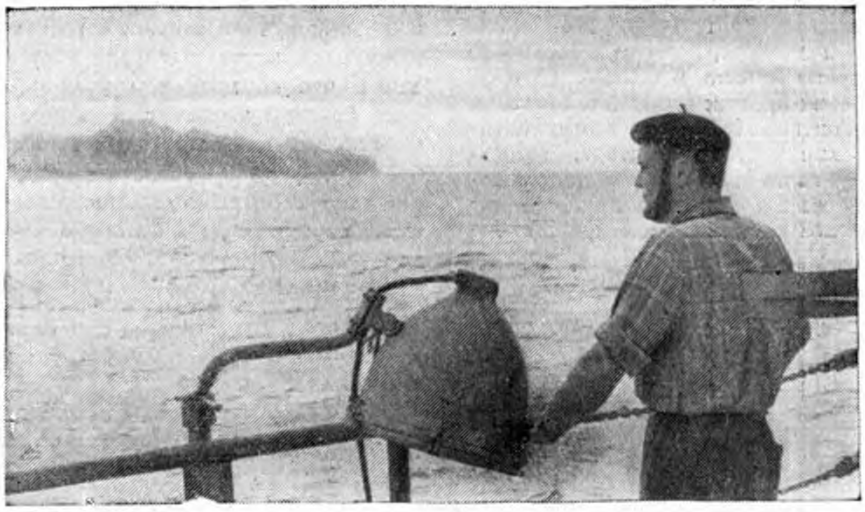
Секретарь комитета ВЛКСМ завода «Каучук» Г. Кукуева в своем выступлении сказала:

«Мы очень любим журнал «Юность» и написали свое письмо не для того, чтобы обвинить в чем-то редакцию журнала. Мы как раз хотели доказать, что любим этот журнал».

Именно так и поняли это письмо работники и авторы «Юности». И они приложат все силы, чтобы ДЕЛОМ ответить на эту любовь и доверие своих читателей.

В. Г.

Заметки и корреспонденции



ЗВУК И МОРЕ

В ночь с 14 на 15 апреля 1912 года бродячий айсберг пропорол стальное брюхо крупнейшего в то время трансатлантического парохода «Титаник». Полторы тысячи людей пошли на дно. Гибель «Титаника» послужила толчком к одному из величайших завоеваний в истории мореплавания — к созданию эхолота.

Вначале разговор человека с морем был кратким и односложным.

— Добрый день! — бухал человек в опущенный под воду колокол.

— Приве-е-е-т! — доносилось из бездны, и на судне воцарялся покой.

— Как живешь? — спрашивали наверху через некоторое время.

— Слава богу!!! — раздавалось совсем рядом, и рулевой в ужасе крутил штурвал, по голосу распознав невидимую за туманом скалу.

Потом разговорились. На место колокола поставили автоматический ультразвуковой излучатель. Сделали его направленным, вроде прожектора. Эхолот стал такой же неотъемлемой частью любого судна, как компас или штурвальное колесо. Но это не все. Первый удар колокола, прозвучавший под водой, возвестил «безмолвному царству» о рождении новой науки — акустики океана.

Изучение морских глубин не праздное любопытство, а вопрос огромного практического значения. Без океанологов сегодня невозможно построить порт и проложить по дну кабель, выявить новый промысловый район и предсказать погоду. Даже для поисков древних месторождений полезных ископаемых необходимо изучать океан, а это нелегко. Тысячелетиями толкались люди в «прихожей» океана, не отваживаясь проникнуть в его внутренние покои. Не удивительно, что на дно глубочайшей Марианской впадины Жак Пикар сумел опуститься лишь за год с небольшим до того, как Юрий Гагарин поднялся в космос. Ведь морские дюймы — это космические мили.

Круглый год сотни больших и малых специальных и комплексных исследовательских судов несут в океане свою необычную вахту. Среди них десятки кораблей под бело-голубыми вымпелами Академии наук СССР: «Витязь» и «Ломоносов», «Седов» и «Экватор», «Заря» и «Северянка», «Петр Лебедев» и «Сергей Вавилов»...

Акустика океана — наука удивительная и на первый взгляд даже странная. В самом деле, с давних времен люди считали океан каким-то загадочным, безмолвным великаном.

Что же произошло? Великан заговорил?

Нет. Просто раньше люди не слышали его голоса, так же, как еще недавно они не слышали космические голоса звездных миров или не видели хоровод микроскопических электронов возле атомного ядра.

Перенесемся мысленно к морю, заглянем в его прозрачную воду. Стойте тихо, иначе спугнете всех рыбешек. Разве вы не знаете, что под водой звуковое давление увеличивается вдвое? Но лишь тысячная доля звуковой энергии приходит к нам из глубин моря. Помните сказку: «...Разевает щука рот, а не слышно, что поет...» Щука в самом деле «поет» негромко, но если бы она вдруг затрубила, как олень во время весеннего гона, мы бы и тогда не услышали ее голоса. Так на границе воды и воздуха родилась легенда о «мире безмолвия».

Продолжим наше путешествие. Сядем в батисферу и погрузимся вниз. Десять, двадцать, тридцать метров... и пора включать прожектора. Свет в море недолговечен. Словно сахарные, растаяли, растворились в воде яркие солнечные лучи.

А звук? В море звук неузнаваем. Мало того, что из гнома он стал великаном. Море подарило ему сапоги-скороходы, за которыми не угонится ни один сверхзвуковой самолет. А выносливость звука в воде поистине феноменальна. В годы второй мировой войны в Баренцовом море наши подводники впервые наблюдали явление сверхпроводимости звука. В 1946 году двое советских ученых — Л. Д. Розенберг экспериментально и Л. М. Бреховских теоретически — доказали существование «звукового канала». Оказалось, что на некоторой глубине океана звуковые сигналы даже незначительной силы способны преодолевать расстояния в сотни и тысячи километров.

Может ли такой мир быть безмолвным? Конечно, нет.

Мы привыкли к земным звукам

и никогда не спутаем крик петуха с гудком паровоза. Под водой человеку все ново. Сверху в море шумят тропические ливни и полярные льды, штормовые волны, винты кораблей; снизу им отвечают подводные вулканы, землетрясения и оползни. А между ливнями и вулканами на разные голоса шумят живые обитатели моря. Среди них есть свои трубадуры и шептуны, избранные солисты и целые хоры. Приятный голос у средиземноморской рыбы сциены, послужившей, видимо, прообразом мифических сирен. Но невелико удовольствие очутиться в стае креветок. Даже акустические мины, случалось, не выдерживали их оглушительной трескотни и взрывались.

Подслушивать океан настолько же важно, насколько и интересно. Но ученым этого мало. Приручив звук, ученые сделали его своим разведчиком. За три года плавания на «Фраме» Фритьоф Нансен обычным лотом измерил глубину океана всего в 62 точках. С помощью звука океанологи за три месяца получают детальный профиль морского дна протяженностью во многие тысячи километров. Десятки возвышенностей, потухших вулканов и целые горные системы обнаружил за время своих плаваний в Тихом океане флагман советских океанологов «Витязь». Многие из этих гор повыше Эльбруса.

Говорят, что море не любит шутить. Вздор! Сколько раз эхолотом «открывали» несуществующие горы и возвышенности. Это — ложное дно, иначе сказать «звукорассеивающий слой», состоящий из огромного скопления планктона, креветок, мелких рачков и пасущихся на этих «лугах» стай рыб. Звукорассеивающий слой прослеживается во всех океанах, меняясь от места к месту и от сезона к сезону. Подводным лодкам он иногда помогает маскироваться от вражеских эхолотов. Рыбакам сулит богатый улов.

Успех рыболовного промысла в первую очередь зависит от хорошей разведки. В 1958 году по решению Советского правительства в распоряжение ученых была передана боевая подводная лодка. Вскоре военный корабль стал исследовательским судном. Целая система эхолотов и гидролокаторов, установленных на его борту, позволила прослушивать океан во всех направлениях.

В первом же рейсе «Северянка», как назвали подлодку, обнаружила богатые скопления сельди там, где ее не смогли обнаружить рыбаки. Виновниками оказались мельчайшие пузырьки воздуха, рассеянные в море после шторма. Они-то и гасили звук промысловых эхолотов, маскируя косяки.

Обнаружить рыбу — это лишь половина дела. Стая не затонувший корабль. Бывает, пока забросишь невод, ее и след простыл. Обитатели моря не только обладают прекрасным слухом, многие из них, например, киты и дельфины, имеют даже собственные гидролокаторы.

Но не всякий звук отпугивает. На дальневосточных морях известны случаи, когда рыба уходила, заслышав шум промысловых катеров, и не обращала никакого внимания на транспортные суда. Больше того, есть звуки манящие. На память приходит еще одна сказка: живущий в море Ихтиандр, человек-амфибия, зовет на помощь дельфина. Как ни странно, это не выдумка. Приученных дельфинов можно подзывать, даже хлопая ладонью по воде.

Идея звуковой приманки известна давно. Чем только не соблазнял человек недоверчивых рыб, начиная от револьверных выстрелов и кончая вальсами Штрауса! Достигнутые в этой области успехи пока еще очень скромны. Но ученые верят, что наступит время, когда рыбак будет скликать в море осетров и белуг так же легко, как пастух собирает в рожок на заре свое стадо.

«Ложное дно» не всегда связано со скоплением животных. Гидрологам известен другой слой, создающий иллюзию дна. Моряки называют его «жидкий грунт». На него свободно ложатся подводные лодки. Для ученых это «слой скачка». Он образуется от нагревания поверхностных вод океана и уменьшения их плотности по сравнению с нижними слоями. Нередко «слой скачка» и «звукорассеивающий слой» лежат на одной глубине. В четвертом рейсе экспедиционного судна «Михаил Ломоносов» эхолот обнаружил обширную «возвышенность» к западу от Азорских островов. Как выяснилось позже, за возвышенность приняли облако пепла, образовавшегося в море после извержения одного из подводных вулканов.

Несмотря на огромные успехи, достигнутые со времени первых эхолотов, развитие акустики океана долгие годы носило случайный, стихийный характер применительно к отдельным проблемам океанологии, навигации, рыболовства. Акустика океана как самостоятельная наука не значилась ни в одном энциклопедическом словаре.

В 1960 году в нашей стране была организована ЛАМИО — лаборатория акустических методов исследования океана. Возглавил ее член-корреспондент Академии наук СССР Леонид Максимович Брехов-ских.

В декабре того же года из Ленинградского порта в свой первый атлантический рейс вышли два новых исследовательских судна, два близнеца: «Петр Лебедев» и «Сергей Вавилов». Вместе с гидрологами, геологами, биологами на борту находилась группа физиков во главе с одним из организаторов ЛАМИО, И. Е. Михальцевым.

Гидрология, как постовой, регулирует скорость и направление звука в море. При малейших изменениях температуры или солености воды звуковой луч может суживаться и расширяться, гнуться, как прут, виться змейкой, очерчивать «зоны молчания». Звук очень дисциплинирован. Он никогда не превысит положенную скорость. Никогда не сделает запрещенный поворот. А раз так, по его движению ученые могут рассчитывать плотность воды, определять ее соленость и температуру. Если звуковой канал расположен у поверхности океана, на распространение звуковых сигналов влияет погода. Сотни миль могут отделять одно судно от другого, но акустикам известно, где между ними бушуют штормы и где море спокойно.

Источники звука — излучатели — очень разнообразны: от сложнейших многотонных устройств до обыкновенного воздушного детского шарика с прикрепленным к нему зарядом тринитротолуола. Нажал на кнопку — и клочки зеленой резины исчезли в пышном фонтане брызг. Звук от взрыва, как чемпион по нырянию, устремился вниз. Достиг дна и взмыл кверху, оттолкнулся от поверхности воды и снова вниз...

Оператор у осциллографа, как тренер, наблюдает этот необычный заплыв. В чем дело? Почему так сильно рассеивается звук на дне? По данным геологов, осадок здесь однородный, без вулканических обломков, без марганцевых конкреций. Может быть, поверхность грунта покрыта рябью? Или звук рассеивают живущие у дна рыбы? Вопросов всегда больше, чем ответов.

Если взрыв был достаточной силы, звук проходит через толщу рыхлых осадков и попадает в кристаллические породы: гранит или базальт. У каждой границы раздела, как на поверхности дна, возникает отраженный сигнал. Его принимают на другом судне.

С глубиной плотность пород увеличивается, звук становится еще проворнее, и по его скорости сейсмоакустики судят о составе и строении земной коры. Кто бывал на Азовском или Каспийском море, наверное, видел пышные султаны воды, взлетающие к небу. Это работают сейсмоакустики. На дне моря они ищут нефть.

В океане звук не только разведчик, но и связист. Ведь радиоволны под водой так же недолговечны, как и свет. Морякам гидроакустические маяки сообщают в тумане правильный курс. Ученые с помощью звука управляют опущенными на дно приборами. Корабли и самолеты, курсирующие между Гавайями и западным побережьем Америки, на случай аварии снабжаются маленькими глубинными бомбами.

— Спасите!!! — За тысячи миль от места катастрофы взметнулись кверху стрелки акустических самописцев. Им вслед замигали лампочки вычислительных машин, и вскоре на штурманской карте появилась точка. Самолет спасательной службы готов к старту.

А вот другой сигнал.

— Берегись!!! — Где-то далеко за горизонтом содрогнулась земля. На полметра приподнялась вся гигантская туша океана, и, незаметная в открытом море, страшная волна цунами устремилась к берегу.

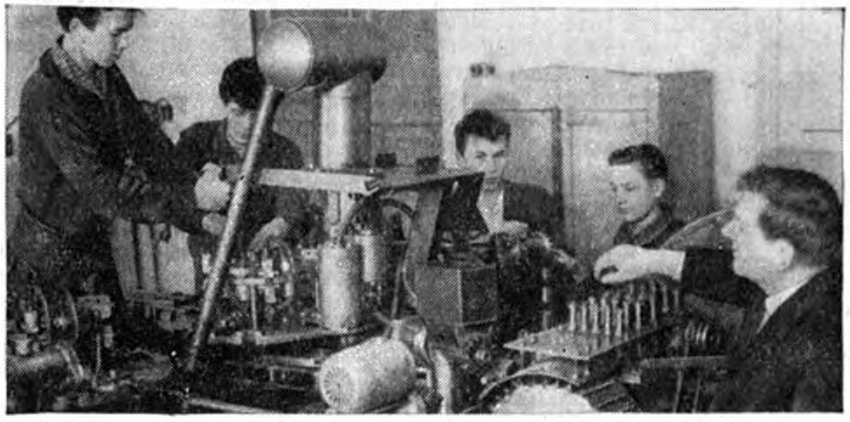
— Берегись!!! — Звук землетрясения на несколько часов опередил цунами, чтобы предупредить людей о надвигающейся катастрофе.

Наше путешествие по морю звуков близится к концу. Но те, кому оно понравилось, могут смело отправляться дальше без провожатого. Не пугайтесь самых смелых фантазий и предположений, ведь пятьдесят лет назад наш сегодняшний рассказ тоже показался бы сказкой.

В добрый путь!

Илья ШУРКО.

ЮНЫЕ КОНСТРУКТОРЫ



Юные конструкторы за регулировкой автоматической линии.

При школах, технических училищах, Домах пионеров нашей страны существуют тысячи кружков юных техников. Десятки тысяч ребят в свободное от учебы время готовят действующие модели доменных печей, шагающих экскаваторов, самолетов, железных дорог.

Занятия в этих кружках — первый шаг к будущему самостоятельному творчеству. Создавая модели, школьники постепенно развивают свою фантазию, техническую мысль. Есть в стране кружки и более высокого класса — там юноши и девушки, применяя полученные в школе знания, ищут практические пути помощи производству.

Несколько лет назад при 21-м профессионально - техническом училище Омска было создано ученическое конструкторское бюро. Члены бюро занимаются проектированием новых станков и высокопроизводительных приспособлений, разрабатывают техническую документацию и чертежи.

Руководит конструкторским бюро инженер училища Иван Климентьевич Пукинец — человек беспокойный, горячо интересующийся всем происходящим вокруг. Своим ученикам он прививает нетерпимость к плохому, отжившему. «Сделать плохое хорошим, хорошее — лучшим!» — таков девиз ученического конструкторского бюро.

Как-то секретарь райкома партии попросил И. К. Пукинца и его учеников съездить на трикотажную фабрику.

В цехе вязки трикотажа ребята увидели, как вязальщицы вручную таскают вдоль станка тяжелую каретку. Семь часов, не отходя от станка!

Не один раз потом приезжали члены бюро на фабрику. Наблюдали за каждой операцией, изучали режим работы станков.

Начались длительные, нелегкие поиски. Было сделано несколько вариантов механического привода, но никак не удавалось добиться плавной, ритмичной работы каретки. Еще и еще переделывали привод. Интересное предложение внес воспитанник училища Владимир Цыганков. Поиски правильного решения продолжались.

Наконец настал день, когда созданная и изготовленная в 21-м училище Омска трикотажная машина с механическим приводом заработала в цехе трикотажной фабрики. Новый станок втрое повысил производительность труда.

...На сессии райсовета обсуждался вопрос о несвоевременной сдаче в эксплуатацию жилых и административных зданий. Оказалось, что одной из причин задержки была нехватка дверных ручек. Случай на первый взгляд парадоксальный. Но гражданское строительство идет такими стремительными темпами и в таком масштабе, что промышленность подчас не успевала поставлять строителям дверные ручки.

Об этом узнали ребята из конструкторского бюро. Детально обдумали, как наладить производство таких ручек, как добиться их более низкой себестоимости.

Сейчас в мастерских училища идет отладка универсального цеха-автомата для производства дверных ручек.

Ушли на производство, окончив учебу в училище, те, кто начинал работу над созданием автоматической линии: Эмма Начапкина, Люся Селезнева, Юрий Максач, Владимир Цыганков и другие. Их сменили Анатолий Поздняков, Василий Кисляков, Георгий Жмурко...

Параллельно с отладкой цеха-автомата в училище изготавливается доильный агрегат, усовершенствованный конструкторским бюро. Вместе с И. К. Пукинцом ребята разработали одновременно и бесшумное, легко передвигающееся сиденье для доярок.

Много добрых дел на счету ученического конструкторского бюро. А сколько еще хорошего, нужного может быть сделано ребятами из других кружков и секций технического творчества!

В. МИХАЙЛОВСКИЙ

●

ПУТЕШЕСТВУЮЩИМ И ОТДЫХАЮЩИМ

Наступила пора отпусков, каникул, пора отдыха. Почти пять миллионов человек побывает в этом году в профсоюзных санаториях, домах отдыха и пансионатах. В специальных курортных городках для отдыха трудящихся вместе с семьями отводится в этом году 17 тысяч мест вместо 5 тысяч в прошлом году. 280 миллионов рублей израсходует нынче государство на бесплатные и льготные путевки для рабочих, служащих, учащихся. 102 миллиона рублей отпускается дополнительно на содержание пионерских лагерей.

Но молодых и здоровых влекут также неведомые дали, виды грандиозных строек семилетки, города-герои, запах свежей ухи на речном берегу, лесной костер, ветер в лицо на горном перевале, величественная панорама снежных пиков.

С каждым годом растет сеть туристских станций. Расширяются и благоустраиваются старые. В 1963 году в строй вступят 12 новых баз в Тбилиси, Краснодаре, Севастополе, Пскове, Симферополе, Ереване и других городах. Строители уже сдали в эксплуатацию новые базы на озере Селигер, под Эльбрусом в Тегенекли, в Новгороде, Одессе, Красноярске, на тяньшаньском озере Иссык-Куль и других местах. Сооружается большой туристско-альпинистский комплекс у подножия Эльбруса, откуда на высоту 4 200 метров протянется канатная дорога.

Всего в 1963 году будут работать 318 туристских баз. К услугам путешествующих по родной стране предоставляются также специальные поезда. В прошлом году они сделали 48 рейсов. В этом году таких рейсов будет более 140 по 32 разным маршрутам — из Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Еревана, Барнаула, Ашхабада, Минска, Горького, Тбилиси, Целинограда, Алма-Аты, Куйбышева, Кемерова, Краснодара, Риги, Орджоникидзе, Минеральных Вод, Харькова и Ярославля.

Наши реки и моря бороздят 45 плавучих туристских баз отдыха. Для любителей водных путешествий разработано более 30 интересных маршрутов.

Желающие смогут проделать походы на лодках (от первой до третьей категории сложности) — спуститься по Волге, Чусовой, Десне, Днепру.

К услугам любителей путешествий пешеходные, автомобильные и велосипедные маршруты разной сложности. С ленинскими местами можно ознакомиться в верховьях Енисея — в селе Шушенском — и на этой же реке вблизи Красноярска увидеть грандиозное строительство самой большой в мире гидроэлектростанции. Турист может пройти по партизанским тропам Крыма и местам легендарного рейда полководца гражданской войны В. К. Блюхера, осмотреть пушкинские места вблизи Пскова, побывать в Саратовской области на месте приземления первого космонавта Юрия Гагарина, пройти пешком по Южному Сахалину, побывать у снежных пиков Тянь-Шаня или, перевалив около седого Эльбруса через Главный Кавказский хребет, очутиться на Черноморском пляже.

370 увлекательных маршрутов по родной стране организовал Центральный совет по туризму — на 45 больше, чем в прошлом году. Трудящимся будет продано 465 тысяч путевок — на 38 тысяч больше, чем в прошлом году.

Слов нет, за год сделан заметный шаг вперед, но многомиллионную армию любителей путешествий не могут удовлетворить 465 тысяч путевок.

Перед комсомольскими и профсоюзными организациями, советами по туризму и спортивными обществами поставлена задача совместными усилиями привлечь к походам и путешествиям 30 миллионов человек. Цифра немалая!

Советы по туризму планируют обслужить туристско-экскурсионными мероприятиями около 4 миллионов человек. А как же подойти к цифре 30 миллионов? Для этого нужно изрядно потрудиться нашей общественности. Путь к 30 миллионам ведет через тысячи туристско-оздоровительных лагерей, организуемых предприятиями и учебными заведениями совместно с комсомольскими организациями и советами спортивных обществ, через 700 домов рыбаков и охотников, которые должны работать в этом году, через вступившие в строй 900 пунктов проката инвентаря и снаряжения. 30 миллионов — это туристские слеты, соревнования, подготовка многих тысяч инструкторов-общественников по туризму, систематическая организация походов выходного дня.

И, наконец, несколько слов о «Автостопе». За два рубля турист приобретает талоны, которые дают ему право проехать на попутных машинах 2 тысячи километров. Лучшие водители, собравшие наибольшее количество талонов, участвуют в лотерее, где можно выиграть фотоаппарат, часы, телевизор и даже автомашину. Новый вид туризма получил право гражданства в Белоруссии, Узбекистане, Крыму, Ленинградской и Куйбышевской областях, Прибалтийских республиках, на далеком Сахалине и во многих других местах. Но туристы Москвы, Украины, Киргизии, Сибири и некоторых других районов еще только мечтают об «Автостопе». Виной этому нерешительность работников республиканских автоинспекций и министерств автотранспортных и шоссейных дорог. Надо надеяться, что они последуют примеру своих товарищей из других республик и областей, где по талонам «Автостопа» уже пройдены сотни тысяч километров.

А. ПОЛЯКОВ

ВСТРЕЧА на БУЛЬВАРЕ

(Из сатирического блокнота Галки Галкиной.)

Рисунок В. Гальдяева.

Мы сидели на одной скамейке — я и пожилой мужчина пенсионного возраста. Он покачивал перед собой коляску с синеоким, розовощеким младенцем.

— Как зовут мальчика? — спросила я.

— Вова. Вообще в нашей семье два Вовы: Вова-большой и Вова-маленький.

— А в коляске какой?

— В коляске — маленький. Большой старше его на двадцать лет.

— Взрослый мужчина,— сказала я.

— Точнее, он Вовочкин папа.

— А вы кто?

— Я папа Вовы-большого.

— Дедушка, значит.

— По совместительству.

Мы помолчали.

— Тяжело на старости лет детей воспитывать. Беспокойный мой Вовочка.

— Вова-большой?

— Маленький. Да и большой ведет себя плохо. Никак хвост по сопромату не сдаст. Сидит, зубрит... А нам с женой некогда уделить внимание Вовочке.

— Маленькому?

— Большому. Надо бы сходить в институт, поговорить с деканом, объяснить ему, как трудно учиться и одновременно ребенка растить — гулять с ним, спать укладывать, и к тому же не получая стипендии. Я бы рассказал, как нам хлопотно с Вовочкой...

— С большим?

— Нет, с маленьким. Я бы зашел в институт, не постеснялся, да некогда. Ведь ребенка ращу: гуляю с ним, спать укладываю... Вовочка наш — совсем беспомощный.

— Вова-маленький?

— Да нет, Вова-большой. Не может сам свои дела уладить. А Вова-маленький — уже большой. Шесть с половиной килограммов.

— Где же Вовина мама?

— Мама дома. На ней все хозяйство лежит: кашки-малашки, пеленки-клеенки... Она с этим делом лихо справляется. Крепкая старуха.

— Мама Вовочки-маленького?

— Нет же, большого. Моя жена, то есть. Мама маленького поступать в университет готовится. Сидит, зубрит... Она у нас хорошая — Вовочку очень любит.

— Маленького?

— И большого. Мы от нее помощи не требуем. Ей надо свою молодую жизнь определять: учиться, диплом получать. Но Вовочка этого не понимает.

— Большой?

— Маленький. Он материнской ласки требует. Мы с женой распределили обязанности: я за материнскую ласку ответственный, а она отцовскую заботу внуку заменяет. Так нашему Вовочке и живется хорошо.

— Маленькому?

— Нет, большому. И его жене. Мы изо всех сил стараемся, чтобы Вова вырос умным, развитым...

— Большой Вова?

— Маленький! Ничего, скоро все уладится — скоро Вовочка в школу пойдет.

— Кто, маленький?

— Почему маленький? Большой! Он педагогический кончает. Будет работать в школе, свободное время появится. Вовочка станет взрослее, самостоятельнее...

— Большой?

— Маленький! Мама поступит в институт. Они иногда с Вовой смогут в парк погулять сходить, в кино, в ресторан.

— С Вовочкой-маленьким?

— Да нет же, с Вовочкой-большим! У нас тоже половина забот отпадет. Тогда как следует займемся воспитанием внука. Пока же Вовочка-маленький — очень маленький, Вовочка-большой — еще не очень большой... Пока очень трудно.

— Кому: Вовочке-большому или Вовочке-маленькому?

— Мне,— ответил он и покатил коляску из парка.

С разрешения Галки Галкиной опубликовал В. СЛАВКИН.

КУЛИК—ПОЭТ

Рисунок Е. Смирнова.

В тайник поэзии проник
кулик.
И... ну писать поэмы!
А темы?
Их находил
он там, где жил,—
в болоте, среди тины...
От этой писанины
За две версты несло гнильем...
— Так и живем,—
Писал
кулик...

Коли тебе писать охота,
Учись глядеть подалее болота!

Ю. АРБИТЖЕР

Р. КИРЕЕВ

НЕСОИЗМЕРИМЫЕ ВЕЛИЧИНЫ

Он знает принцип
коммунизма в точности:
Все по потребности,
Работать — по способности.
И у него сейчас уже
во всем,
Как признак нетерпенья
и беспечности,
Потребность измеряется
числом,
Которое стремится
к бесконечности.
А как вторая часть
осуществляется?
Ее нисколько я не умалю:
Способности свободно
измеряются
Величиной,
стремящейся к нулю.

ИЗ ДНЕВНИКА ТУНЕЯДЦА

«Эта проблема ясна:
Ни для кого не секрет
То, что у разных планет
Суток различна длина.
Если же это учесть,
То, значит, среди миров
Такая планета есть,
Где в сутках девять часов.
И в целой вселенной нет
Счастливей ее планет.
Я жизни отдал бы часть
За то, чтоб туда попасть.
Конечно, я убежден —
Планету эту найдут,
Где тратят час на еду
И восемь часов на сон».

В НОМЕРЕ:

«...НАША МОЛОДЕЖЬ СОВЕРШИТ ЕЩЕ МНОГО ПРЕКРАСНЫХ ДЕЛ ВО ИМЯ КОММУНИЗМА». Из речи товарища Н. С. Хрущева на совещании работников промышленности и строительства РСФСР 24 апреля 1963 года . . . 2

Виталий КОРЖИКОВ. Морями дальними (Цикл стихов): Мексиканка. Сквозь Панаму. Бизнес. Новый Гулливер. Гибралтар. Наш человек в Гаване 3

Юлиан СЕМЕНОВ. Товарищи по палатке. Из цикла рассказов . 6

Мария КРАСАВИЦКАЯ. Если ты назвался смелым... Повесть (Окончание) 13

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ. Семь дней. Матери. Стихи 37

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ. «Пионерский сбор, пионерский сбор...», «Просыпаюсь не от солнца...», «Стихи читают молодые...», «И каждый день ему звонят...», «Где-то около Бреста...», «Человек умирает...», «Как порой нам немного надо...». Стихи 38

И. ВАСИЛЕНКО. Казенное одеяло. Рассказ 40

Борис ФИЛЕВ. Пороги. Рассказ 44

Юрий ФАТНЕВ. Камни. Подснежник. Стихи 49

Евг. ПЕРМЯК. Первая улыбка. Сказка 50

Валентин КУЗНЕЦОВ. Станция Золотая. Стихи 52

Аркадий АДАМОВ. Личный досмотр. Повесть (Продолжение) 53

Поговорим о книгах

Феликс КУЗНЕЦОВ. Молодой писатель и жизнь 73

Ст. РАССАДИН. Ожидание восхода 73

Илья ЗВЕРЕВ. Суффикс «еньк». Рассказ 81

Прочти — это интересно! 84

Окно в мир прекрасного

Г. ПОЖИДАЕВ. Что это значит — понимать музыку? . . . 85

Геннадий УГРЕНИНОВ. Вступление. Стихи 87

Владимир БЕЛОВ. Вперед, «полосатые»... 88

Трибуна «Юности»

М. ТАРТАКОВСКИЙ. Обыкновенный предмет 92

Наука и техника

Л. БОБРОВ. Полимеры и... полумеры 96

На стендах «Юности»

И. СЕМЕНОВ. «Смех людям свойственней всего другого...» (О творчестве художника Евг. Щеглова) . . . 102

Наши встречи

✲ Ю. М. Другой нам жизни не надо! ✲ В. Г. «Каучук» — «Юность» . . . . . 104—105

Заметки и корреспонденции

✲ Илья ШУРКО. Звук и море. ✲ В. МИХАЙЛОВСКИЙ. Юные конструкторы. ✲ А. ПОЛЯКОВ. Путешествующим и отдыхающим . . . . . 106—109

«Пылесос» (Страницы сатиры и юмора) ✲ В. СЛАВКИН. Встреча на бульваре. ✲ Ю. АРБИТЖЕР. Кулик-поэт. ✲ Р. КИРЕЕВ. Несоизмеримые величины. Из дневника тунеядца . . . . . 110—112

На 1-й и 4-й страницах обложки — рисунок И. БРОННИКОВА.

ПОПРАВКА

В № 4 «Юности» в предисловии к статье «Драгоценные черты» (стр. 16) начало третьего абзаца сверху следует читать так:

«Позже в этой квартире жил Владимир Ильич (по возвращении из Выборга — до 24 октября 1917 года» — и далее, как в тексте.

Художественный редактор Ю. Цишевский. Технический редактор Л. Зябкина.
Оформление И. Бронникова.

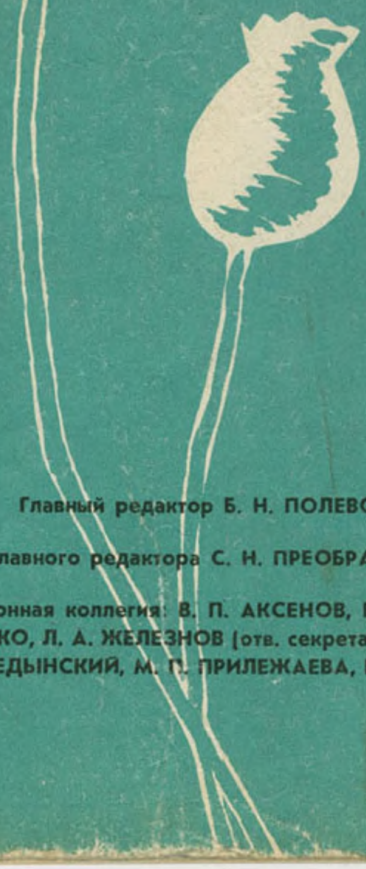
Адрес редакции: Москва, Г-69, ул. Воровского, 52. Телефон Д 5-17-83. Рукописи не возвращаются.

А 00389. Подп. к печати 17/V—1963 г. Тираж 600 000 экз. Изд. № 908. Заказ № 715. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Бум. л. 3,63. Печ. л. 11,89.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

9-35

Цена 40 коп.



Главный редактор Б. Н. ПОЛЕВОЙ.

Зам. главного редактора С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

Редакционная коллегия: В. П. АКСЕНОВ, В. Н. ГОРЯЕВ,
Е. А. ЕВТУШЕНКО, Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ (отв. секретарь), С. Я. МАРШАК,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. С. РОЗОВ.

Индекс
71950